

И. Сотников

Его величество и верность до притворства

18+

Игорь Сотников

**Его величество и
верность до притворства**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сотников И.

Его величество и верность до притворства / И. Сотников —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Завязанная на имевшихся в своё время исторических событиях история о том, о чём всегда к месту и ко времени будет интересно поговорить. Так во времена Людовика XIII... Ну а дальше по порядку и своим чередом.

Дисклеймер

Все упомянутые здесь неточности, оговорки, а также лица, имеют своё право на существование, хотя бы по причине существования воображения автора. Ну а что касается их явного исторического сходства, то это ни к чему хорошему не приведёт тех умников, решивших сделать для себя умозрительные заключения, и всё по причине того, что они, относясь ко всему слишком серьёзно, забыли о том, что для мира фантазии они просто не нужны. Ну а натуры вспыльчивые и особо невоздержанные, которые так и спешат из всего сделать выводы, поспешу предостеречь от преждевременной эякуляции, и предложу для начала глубоко вздохнуть, успокоиться и уж затем не спеша ознакомившись с материалом, делать выводы.

Глава 1

И представить себе невозможно, до чего представительная и величественная

Ничего и никогда не проходит мимо, до всего и вся приметливого и дотошного, привредливого взгляда его величества, короля Луи-ипохондрика, прозванного так, за свою принципиальную близость к своему мнению и многих, по большей части великих дум о нём. В чём, в принципе, нет ничего особенного и сверхъестественного, и каждый король, в виду своей божьей помазанности и близости к самым верхам, таким мнительным и должен быть. Ну а если эта самомнительность, у кого-то больше, а у кого-то меньше, то все вопросы к характерному благоразумию того или иного королевского лица, которые между прочим и тем, с бородавкой на носу, тоже на счёт себя иногда сомневаются.

А ведь при тех устоявшихся при дворе нравах и альковах, в каждом уважающем себя дворце поводов для незаконнорождённости было настолько много, что уже никуда не деться и приходилось жить в постоянном бастардном сомнении насчёт некоторых влияющих на твоё рождение связей, своих, и не только ближайших, но и даже кровных родственников.

Ну а пока у вас плюс ко всему вышесказанному и к королевской частности – Луи, не возникло дополнительных вопросов, а повод к ним уже точно возник, то поспешим предварить их развёрнутым ответом. Да-да, это был тот самый Луи, который не слишком полагался на свой идентификационный порядковый номер, который по некоторым домысливаемым причинам, совсем не подходил к его верному и благочестивому католическому лицу. О чём (о причинах), так и подрывается всё внутри прямо сейчас рассказать, но королевские особы, это вам не какие-нибудь бескровные особы, о которых можно сходу пыль с языка вытирать, и они в виду своей единичности, по праву этой единичности, чтобы раньше времени не рассыпаться, всегда требуют к себе бережного и что главное, королевского обхождения. Так что, лишь только после предварительных, с учётом этикета представлений, мы и перейдём на личности, а пока же, спрячем в будуар наше любопытство и, включив воображение, стоя, сядем и будем лишь внимательно домысливать (при королевских особах, право сидеть имеют только они сами).

Так что, давайте, наконец-то, вернёмся к этому пышущему молодостью и злобою в глазах королю Луи, который выглядывая из окна своих покоев, и на этот раз, всё-всё, да и заметил. Где главное из всего этого – то самое безнравственное самодовольство, стоящее в глазах кавалера де Брийона, вышедшего из покоев королевы, что не могло не навести Луи на определённые этим довольством выводы.

– А ну, живо ко мне этого кавалера! – вскипел Луи, пинком ноги отправляя выполнять своё получение подручного Тужура, который давно уже и забыл, когда был последний раз подручным (скорее подзадным), когда как такие памятливые подачи под его зад, стали, чуть ли не ежедневным ритуалом вечно недовольного короля.

– Не понимаю я всех этих королей. – Частенько делился своим исследовательскими мыслями, в кругу таких же, как и он подручных, этот носитель королевских поручений, дворцо-

вый слуга Тужур. – Кажется, всё у них есть и стоит им только чихнуть, и уже платок подан к носу его величества. Ан нет, они всё недовольны и всё рожи кривят, и непонятно чего из себя строят. Тьфу. Век не видал бы. – Своими крамольными, на грани заговора мыслями, Тужур заставляет своих подвыпивших собутыльников, сильнее опускать лица в свои кружки, дабы не выдать своего внешнего согласия с этой кощунственной мыслью Тужура. А что поделатъ, и им тлям, и пыли в ногах величественных господ, всегда нужно учитывать, как желания своего брюха (Тужур угощает), так и не помешает подстраховаться, в случае, если их спросят, а что они делали, когда этот Тужур, так громогласно обличал королевские особы.

– Что-что, а я их дворцовую кухню очень хорошо знаю. – Многозначительно заявляет Тужур, заставляя его собутыльников, с завистью сглотнув слюну, ревностно посмотреть на него. «У, сволочь, зажрался на королевских харчах, а теперь ещё морду воротит от королевского зада. Да дай мне только возможность, так я бы, за самую малость с королевского стола, зацеловал бы этот зад», – как бы, не были не трезвы собутыльники Тужура, но когда дело касается возможности приобщения к чужому, а в особенности королевскому столу, то их здравости мысли можно только позавидовать.

«Но, постой. А что мне мешает», – прихлебнув из кружки, на полпути остановились головы собутыльников Тужура, натолкнувшись на то, что нужно. А нужно-то, всего лишь пойти в тайную канцелярию и настучать на Тужура, и заодно на окружающих стол конкурентов. После чего, каждый из замысливших такое небольшое отступление от правил товарищества (а эта, почти что, заговорщицкая мысль, посетила одновременно всех, в том числе и Тужура, решившего первым пойти в канцелярию и записаться в тайные осведомители), дабы их ни в чём подобном не заподозрили, требует полного наполнения уже порожней посуды.

Ну а как только кружки наполнены, то они все, с заверениями вечной преданности и дружбы, начинают чокаться, целоваться, обниматься и пить до тех пор, пока, опять же все вместе, не оказываются в полном забытии под столом, а кто под лавкой. Ну а утром, каждый из проснувшихся, начинает понимать, что сегодня, не всё так однозначно и ясно выглядит, как это было вчера, и каждый из верных товарищей, решает, что пока что не стоит так спешить и уж в следующий раз, он более точно запомнит то, что говорил Тужур о королевских особах. После чего, все, в том числе и Тужур расходятся по своим делам и занятиям.

И хотя Тужур высказывает такое своё несогласие, как с политикой, так и образом жизни королей, он, тем не менее, как истинно верноподданный, глубоко склоняется перед носком ботинка короля и, получив этот нагоняй, устремляется выполнять приказание. Которое, в общем-то, не слишком трудно выполнить, и вот спустя некоторое время, кавалер де Брийон уже склонен к тому, чтобы предстать перед очами, хоть и не довольного, но блистательного короля Людовика-благородного (это его официальное именование, и говорят, что оно льстивое и не отражает истинное лицо Луи. Тогда как, его за глаза фамильярное именование – Луи-ипохондрик, как раз в точку. Но эти крамольные слова, себе позволяют говорить лишь только враги Людовика-справедливого, а также завистливые родственники Луи-ипохондрика, которых пруд пруди и головы руби, руки устанут). И хотя Луи зовётся справедливым и по большей части он так и выглядит, всё же его мысли при взгляде на этого кавалера, очень уж далеки от этого значения и больше отдают мстительностью и связанными с нею зубодробительными последствиями.

И, несмотря на то, что король прямо сейчас, готов схватить подсвечник и обрушить его на голову этого негодяя, посмеявшегося перед его лицом довольствоваться собой, когда сам король испытывает недовольство, всё же король на то и король, что он в отличие от всякой, не королевской особы, умеет держать марку, а это значит, что он ни под каким соусом не должен выказывать свою невоздержанность, а лишь только скуку. Так что Луи, собравшись с самим с собой, разжимает пальцы своей руки, держащие подсвечник и, выдавив из себя улыбку, принимается скрупулёзно осматривать склонившегося в книксене кавалера. Ну а для

этого, Луи делает пару кругов вокруг кавалера де Брийона. «Закружить хочет, и сбить меня с мысли», – делает вывод кавалер. После чего король останавливается напротив него и, располагая своими преимуществами и замеченностями за кавалером, бьёт по самому больному месту – несоответствию сего придворного лица к нынешним тенденциям моды.

– Эти колготы, вам не к лицу. – Заметив потёртости на коленях колгот кавалера де Брийона, король полный ярости не может не заметить такое его пренебрежение этикетом, в результате чего и обрушивает на кавалера своё неприкрытое презрение.

«Подлецу, всё к лицу», – слишком дерзновенен ответный взгляд кавалера, на котором читается это его кредо по придворной жизни. При этом кавалер, не только хамоват и дерзок, но он к тому же ещё и далеко не глуп и поэтому он, одно держит на уме, а говорит лишь то, что требует от него этикет. «Вот если бы я, был не при дворе, то я был бы определённо далеко глуп». – Помахивая тростью у носов своих не придворных, а значит, не влиятельных и бедных родственников, кавалер де Брийон своим заявлением, не слишком разумел их, так и не понявших той глубинной разницы между этим далеко и не далеко. «Глупцы одно слово. Чем ближе к королевским залам, тем дальше ты от глупости, а чем дальше от них, то тем самым, ты становишься ближе к этой стадии умственного развития», – кавалер де Брийон удивлялся такой недалёкости своих родственников.

– Степень моего преклонения перед вашим величеством столь высока, что она не может не материализоваться и тем самым отпечататься в таком броском виде. – Слишком нахален кавалер в этом своём ответном лицемерном лизоблюдстве. Что, конечно, не может пройти незамеченным мимо короля Луи-приметливого.

Но Луи не так прост, чтобы открыто дать понять придворному, что он думает на счёт него. И хотя Луи, как и всякий король, любит, когда ему отдают должное, он при этом терпеть не может, когда ему льстят, что в современных условиях, когда правят манеры, очень сложно определить. Правда, это не относится к Луи, который поднаторел, не только в избличении льстецов, но и в том, что он умеет строить логические цепочки, одна из которых, в данном случае ведёт в покои королевы.

«А ведь там засел этот подлец и негодяй Кончини. И они определённо плетут против меня заговор», – Луи, от всех этих представлений – где его кровный враг и шарлатан, а может и того больше – родственник, Кончино Кончини, под присмотром, замороженной его надменным взглядом королевы матери, своим нащёптыванием, склоняет на свою сторону кавалера де Брийона, даже ещё больше побледнел, чем это предусматривает придворный этикет.

«И ведь до чего же, подлюка, тщеславный, – лицо Луи даже покорёжило от воспоминания этой ненавистной рожи – фаворита его матери Кончино Кончини, – и одним именем не ограничился и продублировал себя. Явно хочет переплюнуть короля в своём тщеславии и тем самым показать, что его претензии на королевскую власть более чем обоснованы», – Луи теперь уже вспотел, при виде этих, вполне себе резонных притязаний на трон, этого ловкого мошенника Кончини. Что заставляет Луи достать кружевной платок и как только он мог делать, отлаженными грациозными действиями, приложить ко лбу. А уж такая грациозность короля, уже не может не вызвать восхищение у кавалера де Брийона, чья сравнительная молодость, частенько вставляла палки в колёса его пронырливой сущности карьериста.

Между тем король Луи вновь делает вид, а может и на самом деле замечает кавалера де Брийона, что для него полная неожиданность, и Луи при виде кавалера, вдруг вздрагивает и роняет свой великолепный, с королевскими вензелями платок. Ну а этот платок само совершенство и лёгкость, и он, слетев с королевской руки, начинает плавно парить в воздухе до тех пор, пока не падает практически строго посередине между королём Луи и кавалером де Брийоном. Где оба из них, направив свой взгляд на платок, не забывая краем глаза посматривать на своего визави, теперь застыв в напряжении, ожидали дальнейшего, может даже и своего хода.

И если при взгляде на ещё даже падающий платок, первым рефлекторным желанием кавалера де Брийона, чего даже выказали его подогнувшиеся колени, было желание выказать свои верноподданнические чувства королю, то сам король, глядя больше на стёртые колготы кавалера, чем на платок, как раз ожидал проявления этих верных, только ему чувств. Но к своему удивлению, король не видит, чтобы кавалер, отбросив все свои сомнения, бросился к нему в ноги, чтобы поднять этот великолепный платок (а может и того больше – поцеловать носки туфель), который, между прочим, чем больше лежит, тем больше впитывает в себя пыль и значит пачкается. Ну и эта дерзкая сдержанность в чувствах кавалера, что и говорить, а даже на мгновение пошатнула незыблемость веры короля Луи в ту же незыблемость, своей и в общем, королевской власти. Отчего он, даже внутри себя пошатнулся и чтобы не упасть, положив руку на край камина, придержался за него.

А ведь это всего лишь отмеченный им и орденом духа кавалер, чьё нахальство и откровенная сдержанность верноподданнических чувств, уже смахивает на измену, не в пример принцам крови, чьё носозадирательство всем известно, беспрецедентно и говорит о многом. А говорит о том, что компрометирующее его единоличную королевскую власть, пагубное, почти регентское влияние этого фаворита королевы, уже ставшего маршалом д'Анкра – Кончини, слишком уж, аж, смотреть невыносимо королю, далеко зашло. И раз уже всякая мелкая придворная дрянь, начинает своей сдержанностью дерзить ему прямо в лицо, а не как подобает быть королевскому верноподданному – склонившись в наклоне, в завязанные бантами королевские колени, проявлять себя, то дело плохо и нужно срочно предпринимать контрмеры.

– Нет, этого больше терпеть нельзя, да и просто невыносимо! – уже который раз за сегодня, чего уж говорить о вчера и всех прошлых днях, внутренне закипел Луи, глядя куда-то сквозь кавалера де Брийона. – Он меня так в могилу сведёт от злости. – Луи даже передёрнулся, вспомнив, как этот Кончини, демонстративно пренебрёг дворцовым этикетом и, проигнорировав его, с выражением презрения, не поздоровавшись и не сняв шляпу, прошёл мимо. – А это явный намёк на то, что он не желает мне здоровья и что он в случае моей смерти, готов занять мой трон, который в единственном лице, позволяющий своему обладателю не снимать шляпу. Да не бывать этому! – Луи от своего нетерпения и желания жить, до боли в перстнях, сжал пальцы своих рук.

– Нет, это я его, скорее в могилу сведу. – Остановившись на альтернативном варианте, полный решимости и волнения, Луи вновь мысленно вернулся к тому обнаруженному им вчера вечером, перед сном в опочивальне письму, которое неведомым способом оказалось у него в камзоле. Да и вообще, вчерашний день, как последственный день, полный послесловий и пересудов насчёт уже предваряющего его дня, был полон на различного рода событий. Где в основном лишь два события полностью занимали все думы короля.

Так первым, скорее, будучи последственным событием, которое до степени приснилось, взволновало короля, была та, в некотором роде неприличная бесцеремонность, проявленная по отношению к нему той изящной дамой, во время представления балета «Любовь Рено и Армиды»; само собой поставленного под его личным руководством и даже участия. И хотя неприличность поведения у дам, в некотором роде всегда приветствуется и даже мотивируется королевского и другого титульного рода особами, всё же, когда это демонстрирует особа привлекательного вида, это не может не взволновать, хоть и привычного ко многому короля.

А ведь жизнь короля, не в пример другим некоролевским лицам, к которым относились практически все, кроме него, очень сильно отличалась от них. Где главное отличие его жизни от всех остальных жизней – была абсолютная публичность его любого времяпровождения. Так все его приёмы, выходы и входы, находились под неусыпным наблюдением и контролем, если и не дворцовой знати, то её ставленников, готовых ради приобретения новых, на счёт короля знаний, залезть к нему, не только под ночную рубаху, подряжаясь в постельные, но и куда более, потаённые королевские места.

Ну а такая жизнь на виду и под прицелом бесчисленного количества глаз, обожающей, правда кого, сложно сразу понять, придворной аристократии и иногда по праздникам и простого люда, налагает свою печать зависимости на короля. Чья жизнь или более точнее сказать, игра одного актёра на публику, со временем уже становится его первым я, где уже само его представление, начинает в большей степени зависеть от приверженности короля к тому или иному театральному жанру постановки.

И если, к примеру, королю с молодости отличавшемуся живостью характера, чему также способствовали интриги и борьба за власть, был более близок жанр трагедии, которая разверзлась в виде топора над головами его менее удачливых соперников за трон, то, пожалуй, он, поднатюрев в трагедии, и дальше время от времени, будет ставить пафосные эпосы с рублей голов. Что в век интриг и постоянных заговоров, всегда востребовано королями и претендентами на трон.

Другие же, в том числе и король Луи, насмотревшись с детства на такого рода страсти, всё-таки, не отходя от основных требований времени, тем не менее, решив придать серости бытия внешнему лоску, облачает свою и жизнь придворных, в характерную для их времени изящную галантность. Правда, отход в сторону от правил этикета и приличия, карался не менее жестоко, нежели во времена власти грубости и невежества. Ну а так как лицом государства был его король, то Луи посчитал, что никто кроме него, не имеет права формировать взгляды на искусство, которое и отвечает за нравственное здоровье нации.

И король Луи, для того чтобы облагородить искусство театрального танца, из которого состоял в то время балет – важнейшее театрализованное представление тех дней, и не допустить, чтобы всё свелось к очередному проявлению всеобщего распутства, единолично взялся за постановку всех этих балетных представлений. Ну а всё к чему имеет отношение король, всегда вызывает повышенный интерес у его придворных, которых хлебом не корми, в чём они, в общем, уже поднатюрили, перебиваясь с пирожного на пирожное, а дай возможность, проявить себя в глазах короля.

К тому же, как вскоре выяснилось, король не жалеет никаких сил и средств на постановки своих балетов, что не может возбудить аппетит у жаждущих хлеба и для его посева дополнительных земель (здесь уже проявляется их предпринимательская жилка; убрать посредника между ними и хлебом – короля и спокойно кормиться. Но это уже называется по другому, и даже смахивает на измену), герцогов и всяких других маркизов. И, конечно, вскоре до ушей короля доносится слух, что как оказывается, во многих его придворных, пропадает непризнанный актёр или актриса.

– Кто-кто? – не сдержавшись, вслух задаётся вопросом, удивлённый Луи, когда ему по секрету, так мимоходом, когда зашнуровывали его обувь (а все значимые и секретные сведения, только так и передаются), ответили на его же скучающий вопрос: «А что там у меня в королевстве нового?». На что тут же, от обер-камергера герцога Шабера, по утрам всегда отодвигающего в сторону простых хранителей опочивальни и отвечающего за свои слова и вкладывающего их в уши короля при утреннем новостном докладе, и последовал, скорей всего, щедро заплаченный (или в карты проигрался, что более вероятно, зная расположенность маркиза к шулерству), анонс поведения маркиза де Шубуршена, который, как оказывается, не только распутник, пройдоха и авантюрист, но к тому же, тот ещё артист.

А маркизы, да что там и виконты, это такого рода титульные особы, которые, так сказать, находятся на перепутье своих жизненных устремлений, где они с одной стороны, ещё не совсем оторвались от своей приземлённости, которая даёт совсем чуть-чуть дохода, а с другой, им не то, что герцогам, ещё довольно далеко до небес. Ну а такое неустойчивое положение, приводит к разброду мыслей и шатаниям, с которым они в поиске себя и перемещаются по жизни и всё больше, из одного трактира к другому.

– Давеча, маркиз де Шубуршен, вновь отличился. – Сдавлив шнурком ногу королю, герцог Шабер заставил обратить на себя и на свои слова внимание короля. Который недовольно поморщился и, сдув из своих надутых щёк воздух, уже более внимательно посмотрел на своего обер-камергинера, чья административная близость к его рубашам, уже изрядно чешет его тело.

«От одного вида его парика, меня уже охватывает омерзение. – Бросив тошнотный взгляд на парик герцога, принялся размышлять король. – Наверняка, у себя дома спит на атласе, а мне на кровать распоряжается постелить за собой обноски. Тьфу. – От всех этих представлений, теперь уже заёрзал внутри своей одежды Луи. – А он, поди что, спит не один, а со своей жирной, как свинья, герцогиней». – У Луи, вспомнившего это лоснящееся от жира лицо герцогини Шабер, даже стало темно в глазах, а когда он припомнил её неповоротливый зад, то даже на месте покачнулся. Что герцог принял на свой счёт и поторопился с рассказом.

– Позволю, Ваше величество, напомнить вам на счёт этого малодостойного упоминания маркиза де Шубуршена, о котором, в виду его ничтожности перед вами и знать не стоит. Но ради того, чтобы отогнать от вас зевоту, как средство для настроения, всё же упомяну. Так все, за исключением лишь вас, Ваше величество, – герцог Шабер отдал поклон, чего ему не жалко (у него этих поклонов бесчисленное количество и при должном оплачивании, хватит на всех), – знают, на что способен этот маркиз де Шубуршен, и поэтому, только в самом крайнем случае, или пав жертвой обстоятельств («Дёрнул же меня чёрт, в пьяном состоянии сесть за карты с этим мошенником», – про себя поморщившись и возмутившись, должно обосновал герцог свои обстоятельства, приведшие его, в алчные до его денег сети маркиза), соглашаются иметь с ним дело. Ну а если дело касается дамского или того более, нежного пола, то тут все без исключения папаши, стараются закрыть двери перед носом маркиза, которому в результате без альтернативности выбора и приходится довольствоваться кухарками с постоянных дворов. – Герцог, видимо, так увлёкся своим рассказом, что при слове кухарка, не удержался и сладко причмокнул, чем вызвал новую взволнованность у короля, теперь заподозрившего герцога в измене, не только своей титульной супруге, но и самому ему. Где он король, хоть и не напрямую, а косвенным, через третьи руки и ноги, а также через потливое тело герцога путём, возможно, был, как никогда близок к одной из кухарок.

Но увлечённый рассказом, с присутствием в нём кухарок, герцог не обращает внимание даже на то, что король, потеряв устойчивость, опёрся своей рукой о его парик.

– Но всё же маркиз, есть титульная особа и он не может всё время погружать себя в кувшин с виной, чтобы забыть об этом ущемление его титульных прав, и зов крови, непременно требует своего – не приземлённой любви кухарок, а любовных интриг с какой-нибудь титулованной особой. И вот в один из дней, когда маркиз, скорей всего, опустился ниже него, докатившись до свинарника со своей свинаркой, его-таки и настигает откровение. Так, при открытии глаз маркиза на это его свинское падение, его вначале выворачивает изнутри себя, а затем, появившийся из ниоткуда, свинаркин муж, со словами: «Что б духу твоего, здесь больше не было», – выкидывает маркиза из самого свинарника. Ну а маркиз, хоть и удивлён такой придирчивостью к нему свинопаса, всё-таки ничего не имеет против этого его предложения. И раз уж он так избирателен в своих предпочтениях и не хочет даже слышать об облагораживании духа своей молодой жены, то и он, не только не будет настаивать на этом, но и сам отныне, будет верен своему аристократическому духу, посматривая только в сторону титулованных особ.

Ну и маркиз, придя к такому для себя поворотному решению (он как раз проходил мимо трактира «Рыло в пуху»), сразу же, по ответному урчанию своего живота, не только почувствовал, что новая жизнь непременно требует подкрепления сил, но и согласился с этим. После чего маркиз похлопал себя по карманам, и по пустоте и пыли исходящих из них, в очередной раз убедился в истине, что если вчерашний день слишком полон на события, то сегодняшнее утро, встретит тебя пустым кошелём, который ещё вчера был так туг на предложения.

Но разве такая мелочь может остановить маркиза де Шубуршена – первого бретёра на округе, чья шпага, всегда готова предложить себя в качестве расплаты на дерзость отказа трактирщика. К тому же маркиз, движимый благородной целью – облагородить себя, решил подвергнуть себя испытанию – проявить независимость и стойкость к движениям глаз и всем тем вожделениям, которые несут в себе эти привлекательные виды местной кухарки Жозефины, которая уже давно привлекает его и ещё пару десятков виконтов и кавалеров, испить вина именно в этом трактире

Ну и маркиз, ещё раз памятно представил физическую выразительность внешних предложений Жозефины и, убедившись в том, что, то испытание, которому он решил себя подвергнуть, потребует от него большой стойкости убеждений, подкреплённых не одним кувшином вина, сжал рукоять шпаги и решительным шагом направился по направлению трактира. В котором он, дабы сразу всё расставить по своим местам и дать понять трактирщику и всем тем, кто там у него уже сидит и пьёт вино без него, что с ним шутки плохи, в один удар ногой открывает эти ветхие двери, после чего с суровым выражением лица, держа руку на шпаге, уже показывается сам.

И если трактирщик, сославшись на большой опыт таких появлений в дверях его трактира такого рода титулованных особ, и свою выработанную годами привычку, только внимательно прищурил глаз, то сидящие за столами, в основном прихлебатели у своих угощающих приятелей, по большей части ничего незначащих для маркиза низкородного люда, не могли не отреагировать на его появление, повернув в его сторону свои хмельные лица. Ну а такое хмельное неуважение к лицу, не только более благородному, но и жаждущему, сразу же бросается в глаза маркизу де Шубуршену, который, конечно, ожидал, что в такого рода месте, его и встретит такая горькая правда жизни, но когда вот так лицом к лицу встречаешь, то это всегда вызывает недовольство и в животокружение.

Но маркиз уже не мальчик, чтобы от одного ударившего ему в нос запаха винных испарений и внутренних предчувствий, пошатнуться, и он в один взгляд быстро оценил обстановку – те трое слева от меня уже лыка не вяжут, так что с ними проблем не будет, а вот другая троица с мушкетёрскими усиками и дерзкими взглядами, определённо напрашивается на то, чтобы их отбрызнуть (маркиз во внутреннем запале, даже сжал рукоятку шпаги). Ну а опасность и пустота в карманах, для маркиза всегда служит для него побудителем к отчаянным поступкам, и он делает следующий шаг на обострение ситуации, громко вскрикнув: Да здравствует, король! – Ну а это заявление рассказчика герцога Шабера, вновь возвращает короля из его фантазийной задумчивости, и король теперь уже обнаруживает, что герцог уже зашнуровывает его камзол, что, возможно, и вызвало его заминку в рассказе.

Ну а король между тем, всегда живо интриговался, как себя поведут его подданные, после этих прозвучавших слов. Ведь фраза «Да здравствует король!», была одной из тех основ, на которых строилось и держалось государство. И оттого, как она звучит в устах подданных, можно было понять насколько крепко стоит твой королевский трон. Наверное, поэтому, все королевские особы отличались отличным музыкальным слухом, способным уловить самые мелкие фальшивые нотки в устах своих придворных, которые хоть и поднаторели в лицемерии и ханжестве, но король с помощью интриг, умеет всё слышать.

И как же перекашивается лицо у регентов, слышавших эту крамольную для них фразу, что даже вызывает улыбку, у всегда меланхолично настроенного Луи, вспомнившего, как новый паж, ещё не смыслящий во внутренних королевских раскладах, во время его появления на охотничьем завтраке, проходящем на выезде на природе, при виде его, что есть силы закричал: «Да здравствует, король!». И какой он вызвал переполох в стане королевы-матери и её фаворита Кончини, в один момент поронявших из рук бокалы и вилки, и на чьи искривлённые лица, любо дорого было посмотреть. Чем не преминул воспользоваться король, подойдя к королеве-матери и Кончини.

– Ваше величество, вы сегодня даже не удостоили своей улыбкой это прекраснейшее утро и двор. Неужели, ваша утренняя предвзятость настолько велика, что вы даже не можете без сомнения смотреть на него. Или может быть, утренний воздух слишком для вас свеж, отчего вы и надулись. В результате чего, судя по окружающим вас лицам, подвергнули меланхолии, так обожающий вас двор. – Одарив королеву-мать и Кончини сладостной улыбкой, проговорил король.

– Ваше величество, прекрасно знают, что для меня, как и для всякой придворной дамы, не утро, а вечер является любимой частью суток. – Пристально, до степени неподобающего нарушения этикета, глядя в глаза королю, ответила королева-мать, демонстративно приняв из рук Кончини протянутый ей бокал.

– А я всегда думал, что утро вечера мудреней. – Бросив напоследок эту фразу, король постарался поскорее пройти в походную палатку, чтобы там скрыть своё яростное неудовольствие при виде всех этих движений Кончини. А ведь он ни разу не слышал, чтобы этот подлый Кончини, кричал это, так оздоровляющее лёгкие и мысли кричащих фразу (что ж, быстрее сдохнет). Между тем, эта фраза, можно сказать, служит определённым ориентиром для всех подданных, которые слыша её, знают, куда им нужно стремиться. И если уж совсем далеко заглядывать, то если здравствует король, то и сами его подданные, могут себя поздравить с этим благоденствием. А вот кто желает обратного, то тот, понятно, что задумал что-то заговорщицкое.

Так что король был кровно заинтересован в том, как относятся его подданные к этой фразе, и поэтому, не было ничего удивительного в том, что он со всей внимательностью, посмотрел на герцога и спросил его:

– И какой же был их ответ?

– Ваше величество, вы как никто другой знаете, насколько я вам предан, и что я никогда не позволю себе, что-либо утаить от вас или сказать не правду («Кроме того, что ты воруеть», – Луи усмехнулся про себя, глядя на герцога). И поэтому, не смотря на всю вопиющую правду, вынуждено скажу. Прискорбно. – Насупившись, ответил герцог.

– Что это значит? – Луи в ответ даже потемнел в лице.

– Тоже самое, воскликнул и маркиз де Шубуршен, не услышав в ответ достойного ответа, а одно лишь бульканье кружек. Что заставляет маркиза выхватить шпагу и направить свой ход к ближайшему столику – с теми тремя пропойцами (маркиз в таком важном деле, решил быть последовательным). Ну а те, как оказывается, были ещё те, непримиримые с действительностью типы, что уже дальше своего носа не видели и дальше себя не слышали, что сразу же понял подошедший к ним маркиз. Но разве в таком принципиальном деле, для маркиза могут быть отговорки (и тем более авторитеты), тем более их и не последовало, и даже падение под его осуждающим взглядом ему в ноги, одного из явно раскаявшегося в своём поступке типа и то, не смягчило нрав маркиза.

И маркиз, подойдя к этому столу, недолго думая, но всё же, думая за этих сидящих за столом типов, которые совсем не думают о последствиях, которые несёт их воздержанность в плане величания короля, хватает со стола кувшин с вином и под ошалевшие взгляды этих пропойц, в несколько глотков осушает кувшин. После чего маркиз удовлетворённо смотрит на эти, благодаря ему, протрезвевшие рожи пропойц, и дабы закрепить за ними понимание, что нужно себя благопристойно вести в обществе титулованных особ, разбивает кувшин об голову наиболее головастого из них.

Ну а когда правда за тобой и даже в виде кувшина, сила в твоих руках, то она всегда достигает своей цели, отправляя невежду следом за своим товарищем под стол. После чего маркиз переводит свой принципиальный верноподданнический взгляд на третьего, уже не сомневающегося в неизбежности возмездия пропойцу, и уже готов наставить его на путь истинный, как вдруг со спины маркиза, громко звучит возражение:

– Сударь. А не кажется ли вам, что вы слишком шумны и мешаете другим думать? А это заставляет задуматься уже о вашем, непозволительном для дворянина поведении.

Что вызывает ярость на лице у маркиза, вынужденного отложить расправу над однозначно заговорщиком, с которой он поворачивается в сторону того самого столика, где сидящие за ним обладатели мушкетёрских усиков, бородок и шпаг в придачу, сразу же не понравились ему. Для чего, собственно, он и применил этот свой стратегический подход к этому столику, где на его примере, хотел продемонстрировать этим, судя по их форменной одежде – мушкетерам, которые никогда в одиночку не ходят, а строго по трое (почему в таком количественном составе, трудно сказать. И если не считать удобства собутыльничинья и тактической позиции в фехтовании, то над остальным стоит подумать), на что способна крепость его рук. Ну а раз они намёкловых поступков не понимают, объяснением чему, может служить, как их большая привязанность к своему тупоумию, которому способствует количество ими выпитого или же их близость к шпагам на службе короля, то маркиз всегда готов преподать им урок по фехтованию.

Правда, трое против одного, не совсем честно, и маркиз, чья школа выживания в различных уличных переделках учит, что не знание арифметики с её неравенствами, часто больно колется и поэтому, он решает внести раскол в это представляющее для него опасность, единство мнений и шпаг. И маркиз насколько позволяет скоротечность времени, быстро пробегается по этим противостоящим ему лицам, для того чтобы на основании внешних данных, составить о них свой психологический ответ.

– Значит так, тот, кто выдвинулся вперёд, скорей всего заводила. – Начал делать поспешные выводы маркиз де Шубуршен, взглядываясь во внешние представления, выдвинувшегося к нему со шпагой наперевес, наиболее рослого из троих мушкетёров. – Ну, а судя по тому, что у него нет перчаток, то он самый опасный и бедный из них мушкетёр. – Приметив эту особенность одежды первого мушкетёра, на котором между тем, не было одето той форменной отличающей мушкетёров одежды, маркиз де Шубуршен даже несколько засомневался в своём успехе. – Да и шрам под его левым глазом, о многом говорит. – А вот эта приметливость маркиза де Шубуршена, заставляет его развести руки и, расплывшись в улыбке, признать в этом опасном, как он думал мушкетёре, своего дальнего родственника – капитана королевских гвардейцев Николая де Витри, маркиза де л’Опиталья.

А ведь именно капитану де Витри, маркиз в своё безоблачное время, косвенно и оставил на память этот шрам на щеке, правда, не просто так (маркиз не столь богат, чтобы разбрасываться, даже чем попало), а в ответ на брошенную ему перчатку. И теперь-то становится понятна истинная причина отсутствия перчаток на руках капитана де Витри, в своё время поклявшегося, что он не оденет перчаток, пока не отправит на тот свет, этого подлеца и не пунктуального на отдачу долгов, маркиза де Шубуршена.

– Я совершенно не понимаю, о чём это ты ведёшь речь? – в ответ на вопрос капитана, когда он соизволил отдать занятый и что не маловажно, совместно пропитый пистоль, маркиз де Шубуршен, искренне изумился в ответ, действительно, не понимая всех этих притязаний капитана де Витри, на его пистоль.

– Не хотите ли вы сударь прослыть не пунктуальным человеком? – приподнявшись из-за стола, в одном, совсем в другом трактире, куда их занесла нелёгкая, потемнев в глазах, начал снимать с себя перчатки капитан де Витри.

– Пунктуальность, прерогатива королей, а я пока что птица не столь высокого полёта. – Усмехнулся в ответ маркиз, незаметно отступая назад к дверям. Ну а капитан де Витри, которого уже вывело из себя это бахвальство маркиза, использующего в своём лексиконе новомодные словечки, о которых он, не бывающий при дворе, ничего не знал, в один момент сорвал с руки перчатку и со словами: «Да подавись ты!», – с сильнейшего размаху, очень ловко забросил себя под стол, где он об осколок кружки и получил этот свой, такой приметливый шрам

(и чего недоволен, теперь может хвастаться в женском обществе, указывая на свой героизм). Но это дела давнишних, недельной давности времён, что при их образе жизни, слишком длительный период, о чём уже и не вспоминается. Так что радость их встречи, не могла быть омрачена всеми этими мелочами.

Ну а маркиз маркиза, если вовремя друг друга узнает, то всегда с полуслова поймёт и за свой стол пригласит. И капитан де Витри, чьи мысли уже три дня были погружены на дно кувшина, из-за чего он сразу и не признал своего родственника маркиза де Шубуршена, в чём частичная вина была и на маркизе, чей поистасканный вид, мог претендовать лишь только на титул лавочника из Эльзаса, обняв своего ненаглядного родственника маркиза де Шубуршена, которого он в следующий раз, непременно заколет, если тот не отдаст занятый им пистоль (всё же временами, капитан бредит дурными фантазиями и сказками, в которые кроме него никто не верит), садит его за свой стол. Где для начала, вливает в себя, а затем и в маркиза по кружке вина, ну а после этого, откинувшись на стул, под свой храп засыпает (видимо, как раз сильная усталость капитана и дала ему возможности сразу узнать маркиза), что даёт возможность маркизу, также откинувшись на стул, приступить к знакомству с его верными товарищами по шпаге – мушкетёрами.

– Имею честь представиться. – Поддав под зад мимо проходящей служанке, так образно начал своё представление, сразу же понравившийся маркизу своей непосредственностью общения с женским полом, барон де Сежан, который, правда, представил себя под другим именем – барон да Будь. – Что в развёрнутой версии означает, – барон придвинулся к столу и, посмотрев с прищуром на маркиза, сказал, – Не буди лихо, пока оно тихо. И будь со мною честен и тогда у тебя всё будет.

– Звучит обещающе. – Усмехнулся в ответ маркиз, поднимая кружку. После чего звучит громкое: «Будем», – и лица маркиза и барона прикрываются кружками из-под которых только что и слышно, как глотательные движения их глоток. После чего кружки ставятся на стол и наступает очередь мордатого мушкетёра, чей рот, дабы оправдать свою мордатость, всё это время был занят поглощением того, чего в него затолкнут мясистые пальцы обладателя этой мордатости, которую, как выяснилось через барона да Будь, носил на себе тоже барон, правда с другим именем – да Забудь.

В чьих именах, маркиз своеобразно своему мышлению углядел их некую творческую самопризнательность к своему характерному образу жизни, выраженную через это их имя. Что, в свою очередь, навело маркиза на логическую мысль, что возможно, и баронский титул, мог ими также с лёгкостью их фантазии присвоен. Но выпитое вино и гостеприимство товарищей его родственника, отбросило в сторону все эти не способствующие пониманию, мысли маркиза, да и к тому же появление Жозефины, напомнило ему, что он сегодня должен держаться на ногах, и ни при каких условиях и с её стороны лестных предложений, не пасть перед ней или к ней в ноги; в общем, куда он сподобится.

Ну а стоило маркизу только подумать и даже посмотреть в сторону Жозефины, улыбающейся почему-то не ему, а какому-то, непонятно откуда появившемуся, щёгольского вида прощельге, как внутри маркиза тут же всё закипело. И он уже готов подорвавшись на ноги, на шпагах отстаивать свою стойкость, как вдруг расплывшиеся в отвратительных улыбках лица его новых знакомых – баронов, которые даже приосанились и отвели свои носы от кружек с вином, заставляют его вначале удивиться такому преображению этих гвардейцев, а затем, решив, что это не спроста, повернуть своё лицо в сторону их вождёльных взглядов.

Ну а там маркиз, натолкнувшись на образ небесной красоты, только что, однозначно спустившейся с небес благородной дамы, лицо которой ещё не было прикрыто толстым слоем белил, а губы краснели не от помад, а от всего лишь её любви к землянике, тут же заставил маркиза вспылать к ней любовью и задумчиво припасть к полной кружке. Которая, что странность такая, не успел он подумать, а она уже пустая (об этом стоит подумать трактирщику, не сле-

дядьему за своевременной наполненностью кружек). Сама же дама, судя по всему, оказавшись здесь по воле каких-то непредвиденных её пьяным кучером дорожных обстоятельств, чувствуя неловкость, под решительными на счёт себя и своих шансов на адюльтер взглядами присутствующей публики, вслед за бравого вида молодцом, занимает самый крайний стол, и как всем своим сердцем чувствует маркиз де Шубуршен, ждёт, когда выпадет возможность вознаградить его своим взглядом.

Правда, исходя из того, что увидел маркиз, бросив на своих новых знакомцев взгляд, то те, судя по их выразительным лицам, имеют на счёт этой дамы свои совершенно не учитывающие его мнения виды. Ну а такие глубокие противоречия во взглядах на предмет своего обожения, разрешаются только одним единственным способом – умелым уколом шпаги, что в каком другом случае непременно предложил бы баронам маркиз. Но маркиз отличался повышенным чувством благородства и он терпеть не мог не благодарности, на которую его подбивали эти виды симпатичной дамы, чью благосклонность можно завоевать и, не используя острую шпагу. А вот на эту мысль его навёл, как бы это не звучало странно, вид любезничающей с этим франтом Жозефины, которая уже из-за одного своего выставленного так близко к носу этого франта декольте, в которое тот уже мог бы пускать свои слюни, заслуживала от него хорошей трёпки по своему крепкому заду.

Ну и маркиз, придя к решению не убивать баронов на дуэли и тем более из-за угла, а вот преподать урок ветреной Жозефине будет в самый раз, хватает кувшин со стола и под изумлёнными и частично жадными взглядами баронов, припадает к нему. После чего, обливаясь вином, выпивает всё содержимое кувшина и, звучно икнув, шумно ставит кувшин на стол, тем самым заставляя обратить на себя внимание у сидящей в трактире публики, в том числе и Жозефины.

– Я несказанно удивлён! – громогласно оглушил помещение трактира маркиз де Шубуршен, почему-то обращаясь к застывшему в изумлении от такой её выборности, барону да Забудь. – Беспрецедентной отваге и смелости владельцу трактира, папаше Пуссону. – Теперь уже трактирщик папаша Пуссон, под переместившимися на него изучающими взглядами посетителей, раскрыв рот, обомлел на месте. Ну а подвыпившие гости заведения, чьё любопытство было возбуждено словами маркиза, теперь пытаются понять, как это они раньше не замечали за этим, трусливого вида папашей Пуссоном, таких выдающихся его достоинств. И видимо, противный вид папаша Пуссона, который как все знали, тот ещё прохиндей и хитрая подлиза, не сумел их разубедить в обратном, раз все эти выпивохи, теперь уже с сомнением, перевели обратно свои взгляды на маркиза.

Маркиз же тем временем оставил в покое барона да Забудь и, переведя свой взгляд на папашу Пуссона, отчего последний даже побледнел, сжав руки в кулаки, заявил:

– А ведь на папашу Пуссона, без хорошей винной приправки, и без омерзения и тошноты во всём теле не посмотреть.

Ну а это заявление маркиза де Шубуршена вновь возвращает взгляды посетителей к папаше Пуссону, чья явная не симпатичность, с бородавкой на носу и выдающимся носом и губами, не смотря на их не чёткие зрительские взгляды, уж очень выразительно видна. Что заставляет всех этих наблюдателей согласиться с маркизом, ну а натур чувствительных, представивших, как папаша Пуссон своими губошлёпами, делает пробы вина, тут же припасть к кружкам с вином, а затем под столы с выворотными целеустремлениями. Правда, среди посетителей трактира, были люди и глубокого склада ума, и они всегда доискивались до сути заявлений, где на этот раз, им не была до конца понятна взаимосвязь заявленных на счёт папаша Пуссона объявлений. Но маркиз де Шубуршен и сам не любит всяких намёков и недоговорённостей и он, не дожидаясь, когда возникнут вопросы, заявляет:

– Так вот, к чему я всё это говорю. – Приподнявшись на ноги и, обведя помещение трактира, где на один момент задержался на обращённом на него взгляде симпатичной дамы,

маркиз, повысив голос, говорит. – А то, что смелость может исходить, либо в одном случае, из беспримерного мужества, либо же в другом, от беспримерной глупости проявившего эту смелость. Ну а, судя по тому, что папаша Пуссон, на чью рожу без сомнения в природную доброту не посмотришь, не спешит наполнять наши порожные кувшины, тем самым, не давая нам возможности смириться с этим грубым миром и его ярким представителем папашей Пуссоном, то он одновременно – беспримерно смел, раз вынуждает нас ждать и беспримерно глуп, раз думает, что ему за это не воздастся. – Маркиз в подтверждении своих слов, схватил пустой кувшин и уже сам готов им воздать папаше Пуссону по его пустой голове, как папаша своим истеричным зовом: «Жозефина!», – сумел-таки отсрочить сгустившуюся грозу над его головой.

Правда, в самый первый момент, когда папаша Пуссон крикнул Жозефину, у многих в голове закралась крамольная на счёт папаши Пуссона мысль. Что он, не только не смел и глуп, но и к тому же совершенно не проявляет никакого благоговения и почтения к женскому полу (что было), и готов пожертвовать даже самими прекраснейшими его представительницами (спрятавшись за юбкой Жозефины), для того чтобы оградить свою лысину, от теперь уже понятно, что от справедливого удара кувшином по его голове. Ну а такая подлость папаши Пуссона, нестерпима даже для самого последнего подлеца и пропойцы, которых всегда бесчисленно в его трактире, и которая не может не вызвать всеобщую ненависть во взглядах на него и готовностью воздать папаше Пуссону за его гнусность поведения не оплатой счетов, как вдруг выясняется, что папаша Пуссон кликнул Жозефину по другим веским причинам – быстро обслужить заждавшихся титулованных особ.

Что, впрочем, не отменяет того, что папаша Пуссон, всё-таки гнусный тип, и определённо наживается на слабостях человеческого люда, спаивая его в своём трактире. С чем, скорей всего, не смогли смириться близлежащие к выходу их трактира забулдыги и они, как люди особой чести, решили не прощать папаше Пуссону его явной подлости и больших отпускных цен на вино, и пока папаша Пуссон находился в онемении, быстро выползли из-под столов и из трактира.

Что же касается маркиза де Шубуршена, то он теперь, после всего случившегося, явно не доверяя папаше Пуссону, а в особенности изменнице Жозефине, решил проследовать за ней и проверить, а не собирается ли она там, будучи в заговорщицких отношениях с папашей Пуссоном, слишком сильно разбавить водой подаваемое им вино. «Хотя нет. И этот папаша Пуссон, несомненно настолько подл и хитёр, что решит вообще не разводить вино, для того чтобы мы, упившись, потеряли человеческий облик, а затем, потеряв последний рассудок и, потратив у него в трактире все до последнего пистолы (маркиз не забыл, что его карманы пусты, но разве он, хотя бы из чувства локтя, может быть безучастным к растратам своих товарищей), принялись бы склонять его служанок к разврату», – маркиз даже вспотел от этих подлостей папаши Пуссона, а ещё больше от представших ему задних видов Жозефины, прямо перед ним наклонившейся, чтобы зачерпнуть из огромного чана вина, в этой винной кладовой, куда вслед за ней, зашёл и маркиз.

Ну а маркиз, будучи в задумчивом положении, даже не успел опомниться, как за него всё сделала его, впитанная дворцовым этикетом, галантность, которая терпеть не может, когда на его глазах, дама склоняется под грузом, больше ответственности, чем тяжести, и сразу же приходит на помощь этой даме. Ну а то, что руки маркиза оказались не в тех местах на теле Жозефины, то всему виной её распутство, за которое маркиз её и решил проучить, мягко выбивая пыль из её зада. Правда Жозефина, столь ветреная особа, что не сразу осознала, что маркиз пришёл к ней не шутки шутить, а серьёзно с ней поговорить на счёт её слишком привольного поведения с тем франтом и, принявшись смеяться, даже позволила себе дать по рукам маркизу.

– Отпустите маркиз. Я на вас обижена. – Отбиваясь от маркиза, ещё смеет применять женские хитрости Жозефина.

– За этого распушившегося павлина? – сурово посмотрев на Жозефину, сказал маркиз.

– Он в отличие от вас не скупится на подарки. – Поправляя на плечах платок, хмуро ответила Жозефина.

– Ах, так. Да я его сейчас же на шпагу насажу. – И маркиз, не выдержав этого себе предпочтения, где таким нестерпимым способом была поставлена на одну сравнительную доску его бескорыстность, которой всегда отличаются чистые и благородные чувства, и эта подкрепленная богатством, предприимчивость этого франта, в бешенстве потерял голову и, выхватив шпагу, скорей всего, оттого, что у него уже не было никакого терпения, взял и приставил её к груди Жозефины. Ну а Жозефина в свою очередь, не только в прекрасной форме, но ещё к тому же сама себе на уме, и она вместо того чтобы, как это делают придворные дамы, побледнеть и упасть в обморок, берёт и, надавив грудью на шпагу, так сказать, сама решает проткнуться.

Маркиз же, видя столь близкие и опасные отношения Жозефины с его шпагой, которая начала даже подгибаться под её давлением, даже замер в страхе, правда, за кого или за что, он так пока ещё не разобрался. И трудно сказать, чем бы закончилось это противостояние, если бы маркиз не нашёл нужные и очень своевременно (Жозефина уже укололась) сказанные слова:

– А ну, раздевайся! – Ну а такое, вплоть до венца ведущее предложение, всегда сбивает столку, и приводит к растерянности чувств и вслед за этим одежд, у даже самых неприступных и одетых в дорогие шубы сердец. Ну а если тобою носится, не то чтобы дорогая, а скажем так, незаслуживающая внимания и заплат при порыве одежда, то от неё, только поступи предложение – хочется поскорее избавиться, а для этого надо её срочно снять. Ну а чем у носительниц одежд эта самая их одежда, менее требовательна к себе, то тем требовательней к ним хозяйка. К тому же, в данном случае хозяйка этих одежд, гораздо чаще и охотнее делает подобные попытки к своим переменам, которые больше, конечно, ведут к разочарованиям, нежели к новым платьям. И хотя эти предложения снять с себя потасканную одежду, редко ведут к обновкам, но попытаться всё же стоит.

И, в очередной раз положившись на слово маркиза, сняв с себя одежды и тем самым предоставив себя в его распоряжение, Жозефина вновь была жестоко обманута в своих ожиданиях, когда обнаружила, что маркиз на этот раз, используя её дальновидность взглядов по поводу их взаимоотношений, теперь уже дезориентировал её прямоотой своих предложений (а раньше использовал околичности; до чего же непредсказуем), где как оказывается, ему была нужна не она, а её одежда. А уж такого подвоха от одежды, хоть и поношенной, но всё же своей одежды, она уж точно не ожидала. Но не успевает Жозефина возмутиться, заявив, что ей холодно, как переодетый в её одежду, теперь маркиз де Жозефина, обещая ей вскоре вернуться, согревает её поцелуем. После чего маркиз, чья безволосая лицевая внешность, всегда бросала вызов новомодным усикам и бородкам, на этот раз содействовала его задумке, берёт приготовленный на вынос кувшин с вином, делает из него пару подкрепляющих глотков и направляется в общий зал, чтобы обслужить заждавшихся вина посетителей.

Ну а появление в наполненном винными испарениями и их людскими источниками зале молодой особы с кувшином вина, конечно же, не может пройти незамеченным и не воодушевить некоторые, много о себе думающие натуры. Так в качестве главного препятствия к своей цели – благородной дамы, перед маркизом де Жозефиной, встаёт слишком смелый и нетрезвый непонятного вида, явно не месье, а скорее какой-нибудь пройдоха.

– Красотка, даже не пытайся сомневаться в моей силе убеждения. – Перегородив путь маркизу, плотоядно улыбнувшись, проговорил этот явно пройдоха, и сразу же, решив воспользоваться занятостью руки маркиза, попытался ухватиться за то, что он надумал. Ну а на то, что этот пройдоха нацелился и что себе он беззастенчиво надумал, то об этом маркиз даже в самых безумных снах себе не мог представить и, конечно же, позволить свершиться такому пренебрежению к своей личности не может. И маркиз быстро уловив момент, когда этот плотояд-

ный тип размахнулся для того чтобы отметить на нём, в один ход сокращает между собой и ним расстояние, и к полнейшему выдоху из себя этого пройдохи, в один удар коленом в то место, которым он в данный момент думал, приостанавливает все его внутренние жизненные процессы.

Ну а пока этот плотоядный тип, согнувшись, пытается кое-как продохнуть, маркиз быстро достигает тот самый столик, за которым под надзором, слишком уж подозрительного ко всем молодца, занимала своё место, завладевшая сердцем маркиза, пусть будет таинственная дама.

– Сударыня! Не знаю, как вас величественно величать, но можете не сомневаться, вас здесь обслужат по-королевски. – Ловко обойдя подозрительного молодца и, приблизившись к даме своего сердца, обратился к ней маркиз де Жозефина. Эта же таинственная дама, как оказывается, весьма избирательна и, она, видимо подражая в подозрительности, тому рядом с ней сидящему молодцу, прежде чем сделать заказ, решает внимательно присмотреться к той, кто будет обслуживать её стол. Для чего она, откладывает на стол свой, не справляющийся со своей задачей, отогнать винные запахи веер и, внимательно вглядывается в лицо маркизу де Жозефине.

Ну а эта таинственная дама, не то, что тот согнувшийся в себе пройдоха, не знающий должного подхода к дамам, даже если в качестве их выступают маркизы, и она с первого взгляда видит и даже понимает, что к чему. Правда, она не спешит докладывать о своих открытиях своему, скорей всего братцу, нетерпимому ко всякому к ней ухаживанию и, приподняв обратно веер, призывно машет им маркизу. Маркиз же, хоть и маркиз, но далеко не дурак и он, поняв этот её сигнал, пригнулся, чтобы не только вдохнуть исходящий от неё аромат весны, который слегка портит запах новомодной флёрдоранжевой воды, но и без примесей внешней обстановки, услышать её голос. И таинственная дама, не то чтобы разочаровала, что уже одним подзрением на это, звучит кощунственно и, пожалуй, требует вмешательство её злобного братца, а как раз очаровала, заставив маркиза даже поправить на себе Жозефинин платок и высунуть по больше ухо.

– А вы разве знаете, как обслуживают на королевских балах? – хитро прищурившись, спросила таинственная дама маркиза.

– Бывал. – И маркиз в пылу чувств, не сдержался и, пожалуй, выдал себя этой таинственной даме. Правда, эта его оплошность, была замечена только таинственной дамой, и даже сам маркиз не заметил, как он, слишком не задумываясь об окончаниях слов, говоря так, тем самым себя выдаёт. Ну а таинственная дама, видимо, слишком сильно любит различного рода секреты и авантюры, раз она не спешит с ними расставаться и, оставляя всё, как есть, не раскрывает перед маркизом открывшееся ей, даже и без этих уточняющих его слов.

– Так может, расскажите? – задержав на руке маркиза веер, вглядываясь ему в глаза, спросила таинственная дама.

– И что, рассказал? – отодвинув в сторону посредника, посредственного рассказчика, заподозренного в односторонности изложения и пойманного на проглатывании слов герцога Шабера, спросил приглашённого к себе во дворец маркиза де Шубуршена король Луи.

– Сир. Я бы вам рассказал. Но, к моему сожалению, непредвиденные мною обстоятельства, не позволили продолжить наше знакомство. – Сделал паузу маркиз. – Так выбежавший из винного погреба, где мною на время была оставлена Жозефина, тот щёголь всполошил всех и я, чтобы не раскрыться перед таинственной дамой, был вынужден срочно покинуть трактир. Правда, я, забежав во внутренний двор трактира, сумел быстро избавиться от женской одежды, после чего, воспользовавшись задним входом, вновь попал внутрь трактира. Где к этому времени, этот ряженный павлин, заручившись поддержкой своей многочисленной свиты, состоящей из хмурого вида бандитов, начал задавать слишком много вопросов оставленным в неведении насчёт меня баронам.

Ну а я, как и всякий дворянин, терпеть не люблю когда так бесцеремонно, за моей спиной треплются и, конечно, сразу же выхватил ... – маркиз де Шубуршен своей импульсивностью сказанного, даже на мгновение взволновал короля, забывшего о находящихся вокруг него гримёрах, готовивших его сценический образ для участия в постановке балета «Любовь Рено и Армиды», и повернувшегося в сторону стоящего чуть сбоку от него маркиза. И хотя такое внимание короля, конечно, льстит маркизу де Шубуршену, всё же он вынужден успокоить своего государя.

– Сир. Поспешу вас успокоить, но я выхватил не шпагу, а куриную ножку из рук сидящего рядом со мной за столом горожанина, который уж серьёзно увлёкся разговором со своей полной кружкой и слишком демонстративно выставил напоказ эту куриную ножку. Но я ведь, как-то должен был обратить на себя, этого стоящего ко мне спиной нахала. Вот я и выхватил эту ножку и, дабы она из-за своей жирной массивности, не причинила большого вреда этому щёголю, вначале, откусив, избавил её от лишнего мяса, а уж затем, один ловким попаданием в затылок этому щёголю, напомнил ему о правилах приличиях.

Что, при виде его недовольной физиономии, которую он продемонстрировал, повернувшись ко мне, им было не только понято, но и достаточно близко принято к сердцу. Ну а, судя по его дёргающимся усикам и бегающим из стороны в сторону глазам, он был к тому же очень нервным типом. Так что, мне теперь нужно было учитывать, не только фактор поднявшихся из-за столов со своими злодейскими рожами и шпагами наперевес подручных этого щёголя, но и то, что их хозяин проявлял все признаки неуравновешенности, а это значит, что с ними договориться по-хорошему не удастся.

А это уже требовало от меня срочных соображений, как дальше действовать при таких ограниченных помещением трактира обстоятельствах, где против меня, не считая этого щёголя, выступило сразу шесть угрюмых противников, главарём которых выступал пришедший в себя, уже раз получивший, тот самый неугомонный пройдоха. Ну а такой количественный перевес противника, даже не смотря на поддержку волнующегося за меня взгляда таинственной дамы, заставляет меня искать помощи, которую мне могут оказать лишь только капитан де Витри и его друзья мушкетёры.

Но их отстранённый и несколько усталый вид, говорит о том, что они вследствие того, что слишком долго не вставали из-за стола, потеряли связь с окружающим и главное, с частями себя – головой и ногами, и для того чтобы заручиться их поддержкой, мне не стоит полагаться на их природные позывы, а непременно нужно шумно взбодрить их. При этом нужно было действовать как можно сообразительней и быстрее, ведь и противник, не стоял на месте и, судя по наличию в левой руке их главаря даги, то они скорее всего бывалые вояки и настроены более чем серьёзно.

И я, Сир, чтобы перехватить у них инициативу и заставить занервничать их сердца и задрожать руки, выхватив на этот раз свою шпагу, что есть силы, закричал столько раз меня спасавшую фразу «Да здравствует король!». И судя по изумлённым лицам этих злодеев, в один звуковой момент натолкнувшись на невидимую стену оглушительного недоумения, заставившую их, замаявшись на месте в поиске ответа, посмотреть на своего хозяина – щёголя, то я действовал верно. Но всё же, звучащий в этой фразе посыл, означающий ваше покровительство, Сир. – Маркиз де Шубуршен сделал поклон учтивости королю и, получив разрешение продолжить рассказ, принялся рассказывать. – Так вот, и хотя этот посыл, уже вряд ли мог отвратить от своего преступного пути, закореневшего в своём грехе преступника, но всё же заблудшие души, соблазнённые денежными увещеваниями этого подлого щёголя, находясь в сомнении на счёт своего выбора, увидев угрозу, которая в виде петли, несёт в себе намерение присоединиться к этим злодеям и выступить против верноподданного короля, уже оставят эту попытку обогатиться за мой счёт.

Но противостоящие мне злодеи, были не простыми с большой дороги злодеями, а весьма закоренелыми преступниками, готовыми на самую последнюю подлость, чтобы добиться своих целей. Так они, для того чтобы всё-таки склонить на свою сторону сомневающихся в их рояльности, и подвергнуть сомнению истинность моих слов, уже в свою очередь прокричали: «Да здравствует король!». – И видимо напряжение в этот момент в трактире достигло своей высшей точки кипения, раз маркиз де Шубуршен, вспотев, замолчал, для того чтобы перевести дух. Между тем и король, почувствовав себя использованным этими негодьями, которые, наверное, и не мыслил никогда, до степени не сдержанности разнервничался и крепко, уже до степени появления сливы, схватил за нос в наклоне близстоящего к нему, нерасторопного гримёра.

Ну а что поделать, когда любое касательство вас божественной особы, которой является любой король, всегда плодотворит мужские носы, уши и их подглазья, а также оплодотворяет дам, заставляя их цвести ромашками и розами. Король же, воздав должное нерасторопности гримёра, несколько пришёл в себя и, вернув внимание к маркизу, просил его продолжить.

– Сир. – Продолжил свой рассказ маркиз. – Но, не смотря на то, что моим противником был применён такой хитроумный ход, который должен был подвергнуть сомнению всё мною сказанное, всё же прозвучавший в их словах испанский акцент, подтвердил мои догадки насчёт их иноземности, и окончательно усадил на свои места сомневающихся. И что главное – я теперь не сомневался, за чьё королевское здравие они так акцентировано кричали. «Ах ты, матушка! Тебе всё неймётся», – король вновь внутренне закипел и сжал, что есть силы, то, что ему попало под руку – ухо другого гримёра.

– Что, впрочем, не отменяло того, что мне нужно было поспешать, – продолжал рассказывать маркиз, – и пока испанцы собирались с мыслями (ведь они рассчитывали на своё многократное преимущество), глядя на щёголя, я, учтя его главенствующую роль во всём этом событии, принял наиболее верное решение – лишить противника его заводилы. И не успеваешь этот щёголь отдать команду своим подручным, как я в один прыжок оказываюсь в пределах его досягаемости и с одного удара эфесом шпаги по его физиономии, заткнув ему вовремя рот, отправляю этого щёголя подальше от себя в неизвестность. Правда, эта неизвестность была незнакома лишь только для самого щёголя – он стоял к ней спиной, тогда как для меня и даже для этих испанцев, всё отлично было видно.

Так этот щёголь, явно не ожидая от меня такой прыткости и крепости моего удара, забыв обо всём и главное о безмятежности выражения своего лица и устойчивости своих ног, уж очень впечатляюще для этого не заслуживающего таких представлений затрапезного заведения, взмахнул в стороны руками и, подлетев ногами вверх, грохнулся прямо на стоящий за ним стол, где затуманив свои взоры, как раз восседали мушкетёры. Ну а такое неожиданное, со словом стола приключение, уронив мушкетёров со своих табуретов в разные стороны, сразу же приводит их в благородное негодование. И не успевают мушкетёры подняться на ноги, как их шпаги уже обнажены и готовы воздать первому встречному за такое пренебрежению к их уединению.

Ну а испанцы, не смотря на то, что они оказались в трудной ситуации, где им теперь, приходилось самолично принимать решения, всё-таки не сдулись, а видя направленные на них мушкетёрские клинки, быстро рассредоточились. Где четверо из них направились скрестить свои шпаги с мушкетёрами (все знают, насколько набожны эти испанцы), тогда как Карлос (так я для своего удобства назвал их главаря-пройдоху) и ещё один с косичкой и серьгой в ухе новомодный испанец, решили, что я заслуживаю более пристального их внимания, которое как раз и могут обеспечить их шпаги.

Я же после того, как отправил щёголя подумать над своим не благовидным поведением, ударно отскочил назад, и так сказать, оказался в стороне от мушкетёров. И теперь моё положение вдалеке от них, не позволяло мне на первых порах полагаться на их помощь. И только моя

верная шпага и осмотровое использование естественных преград, которые предоставлял трактир, вот то единственное, на что я мог опереться в противостоянии с обходящим меня с двух сторон противником, который, судя по их зверским ромам, явно что-то, совершенно неприемлемое для меня задумал.

Пока же я, используя естественные преграды – столы, стулья и бочки, время от времени, отражая напористые выпады испанцев, углублялся во внутренние помещения трактира, мушкетёры, чьё долгое сидение за столом сказалось на их крепости стояния на ногах и трезвости мысли, всё-таки, после нескольких падений на лежащего в своём бытие щёголя, сумели собраться с собой. И вот когда в очередной раз присевший передохнуть на лицо щёголю барон да Забудь, удивившись такой нервозности поведения щёголя, который хоть и был в безсознании, но всё же иногда был не прочь вздохнуть, чего не позволял ему в полной мере сделать находящийся на нём зад барона, упираясь шпагой о пол, поднялся на ноги, то лишь тогда они оказались в полном составе.

И барон де Забудь, бросив на прощание щёголю так часто им применяемую в разговоре фразу, за которую его и наградили этим именным титулом: «Да забудь», – повернулся к приближающему к нему с подлой – неудобной для барона левой стороны, испанцу в чёрном плаще и такими же длинными волосами, для того чтобы понять, что тот от него хочет. Этого испанца барон, из-за его подлости подхода, сразу же прозвал своим нелюбимым (по личным и ассоциативным мотивам) именем Нинет. Ну а такие дерзкие подходы, да ещё с колющейся шпагой наперевес, разве кому-то могут понравиться и, конечно, барон да Забудь, наливается краской стыда за этого Нинет, и пока он не успел окончательно себя дискредитировать, сделав какой-нибудь секретный выпад, барон де Забудь предупреждающе заявляет ему:

– Смотри у меня. Я этого не забуду.

Но этот испанец Нинет, скорей всего простых французских слов не понимает, раз он лезет на рожон, вместо того чтобы убрать шпагу и обсудить с бароном взаимные претензии к щёголю, который определёнno зловредный тип, раз стравив их по надуманным им причинам, тем временем самоустранился и лежит себя и только в нос дует. Ну а раз так, то барон де Забудь, всегда не прочь преподать урок, и научить уму и разуму нуждающегося в нём Нинет. И барон де Забудь, придав своему лицу смиренное выражение, с которым преподаватели смотрят на своих распоясавшихся учеников, наклонив чуть на бок голову, выжидательно посмотрел на приближающегося Нинет.

Ну а Нинет, ожидаемо, как строптивый ученик, не собирается прислушиваться к голосу разума и он, считая, что ему такая заумность в этой жизни, где всё решает сила, не нужна и, полагаясь на свою самоуверенность и заодно на крепость своей руки и ног (он, как и всякий неприлежный ученик, всегда учитывает иной вариант развития событий, где бегство не самый плохой вариант), посчитав, что ему будет трудно промазать мимо такой габаритной туши – барона (что и повлияло на его выбор противника), наметив на груди барона – перекрестие креста, решил туда и отправить острие своей шпаги.

«Этот бурдюк с вином, даже и не успеет сообразить, как уже будет вертеться на моей шпаге», – усмехнувшись в усики, сказал про себя свой «гоп» Нинет. Ну а барон, будучи очень приметливым, сразу же заметил в Нинет эту сквозившую в его движениях самоуверенность. И когда Нинет, обойдя стол, приблизился к нему на то расстояние, где уже можно было, используя выпад или как он называл «стрелу», клинком достать противника, в один незаметный для Нинет манёвр ногой, подхватывает ей лежащий рядом с ним табурет и отправляет его в ничего такого не подозревающее лицо Нинет.

И видимо, всё так удачно совпало, с чем не согласился бы барон, считающего, что лишь только точная выверенность его действий, позволило случится удаче, так вот, в результате взаимных осмотровых действий, где Нинет слишком уж увлёкся, сконцентрировав своё внимание на острие своего клинка, а барон да Забудь, уже со своей отстранённой стороны, наблю-

дал за этим блеском стали его шпаги, всё это заставляет их действовать очень слаженно. И было дёрнувшийся вперёд для выпада Нинет, тут же, с разбитием всех частей своего лица, наталкивается на вставший на его пути табурет, который, как натура жёсткая и давно мстительно ожидавшая, когда ей выпадет шанс усадить кого-нибудь на то место, на котором на нём сидят все сидельцы, по полной воспользовался представившейся возможностью и в своём усердии, вдребезги разбив себя и самого Нинет, отправил того туда, куда и хотел отправить – в зад.

И если на левом фланге обороны, которую удачно для себя, но не для Нинет, удерживал барон да Забудь, который после удручающего для себя падения Нинет, не забыл благословить его своей коронной фразой, всё складывалось не плохо для мушкетеров, то на правом позиционном фланге, на защите которого стоял капитан де Витри, в виду численного преимущества напавших на него испанцев, всё пока что шло с переменным успехом.

Скорей всего испанцы, заметив отличительную статью капитана де Витри, решили, что с ним придётся более усердно повозиться и поэтому, с двойным перевесом, усилили этот фланг своего нападения. Ну а нападающие Алонсо и Себастьян, посчитав, что их противнику, не смотря на стоящую двойственность в его глазах, будет гораздо сложнее отражать их уколы, если они растянут его оборону и одновременно зайдут с двух сторон, и принялись воплощать в жизнь эту свою тактику. Ну а этот их хитроумный замысел, для капитана де Витри, не стал большой неожиданностью, ведь он, будучи капитаном, сам не раз был замечен в применении различных тактических приёмов в фехтовальных поединках, так что он, наряду с методами нападения, знал и контрмеры, для недопущения использования численного преимущества в поединке.

«Ну а раз противник, не придерживается правил честного боя и нападает, не заботясь о чести, то значит, с ним нечего церемониться. Что даёт мне полное право, применить против них любой нечестный приём», – размышляя подобным образом, капитан де Витри принялся делать обманные выпады, заставляя вспотеть и начать более цепко ценить свою жизнь, нападающих испанцев.

«Ах ты, гад!», – теперь уже вспотел капитан де Витри, чья перевязь на плече, была срезана ударом исподтишка более рослым испанцем – Алонсо, который, имея преимущество в росте, раз за разом подвергал капитана опасности наткнуться на его острую шпагу. И только не желание капитана перейти на новый вид укороченных трёхгранных шпаг, и его любовь к своему, хоть и старому, но проверенному, а главное длинному клинку, не давало возможности этому Алонсо, чья шпага была гораздо короче его, в полной мере использовать свой рост. Так что капитан, не только одними лишь различного рода проклятиями и неприличными прозвищами, услышав которые, испанцы, пожалуй, даже бы оскорбились, одаривал своих противников, но также несколько его выпадов, не прошло мимо их, и он порадовал себя, весьма ощутимыми для них колкостями своей острой шпаги.

Но обмен колкостями и другого рода любезностями – в основном ударами плашмя шпагой по лицу и различным частям тела, не могут окончательно прояснить ситуацию. И капитан де Витри, как натура больше порывистая и несдержанная, начинает уже уставать от всей этой монотонности вялого боя, где его противник, не смотря на своё численное преимущество, после того, как из-за своей спешки пару раз укололся – Алонсо в плечо, а Себастьян лишился мизинца на левой руке (капитан де Витри очень предусмотрительно для себя, ударил по рукам шпагой тянувшегося за кинжалом Себастьяна), теперь уже не старались лезть на рожон, а отсиживаясь, всё больше в обороне, таким нехитрым тактическим приёмом, хотели измотать капитана.

А ведь капитан де Витри, уже давно так долго на ногах не стоял, и ему так и хотелось присесть и промочить своё, давно уже пересохшее горло. И капитан де Витри решает, что раз простым способом переломить ход боя в свою сторону не получается, то нужно прибегнуть

к нетрадиционным методам ведения боя, где учтя характер противника, и найдя его слабое место, можно будет внести раскол в его ряды, а там уже поодиночке, расправиться с ним.

«А ведь испанцы все запредельно набожные», – бросив взгляд на аскетическое и немного тусклое лицо Алонсо, которого хлебом не корми, дай помолиться, озарила догадка капитана.

– Хм. – Заметив серьгу на ухе Себастьяна, не удержавшись, хмыкнул капитан. – Знаю я всех этих святош. – Уже весело пробурчал про себя капитан. На а такое демонстративное хмыканье капитана, да ещё в сопровождении, не разобрать для Алонсо и Себастьяна, что сказал за выражений, определённо какого-то на счёт них заметливого замечания, кого хочешь заведёт. Что заставляет испанцев заволноваться, ведь этот противный капитан, не может просто так хмыкать и значит, в их костюмах или в самих них, произошла какая-то весёлая перемена, которая и вызвала у него такое неуважительное «Хм».

Но при беглом взгляде друг на друга, ими не замечаются особенные недостатки, и испанцы, ещё с большим подозрением начинают поглядывать на своего противника – капитана. Ведь если он что-то непонятное бурчит себе под нос, то он, несомненно, что-то против них задумал – обманный выпад или какой-нибудь секретный приём, который передавался его предками из поколения в поколение. Ну а такие оценивающие мысли о своём противнике, вызывают у испанцев потливость рук, в результате чего их шпаги, раз за разом начинают выскальзывать из рук шпажистов.

– Надо использовать это. – Отразив скользкую атаку Себастьяна, продолжал мучить испанцев своим невнятным бормотанием капитан де Витри, заметив уставившиеся на него в удивлении, глаза местного завсегдатая – трактирочанина Жана.

А тем временем вид этого сидящего чуть подали от него за столом, и не сводящего с капитана своего удивлённого взгляда трактирочанина, который до изумления был поражён, когда отвлёкшись на минутку на разговор с кружкой вина, вернувшись обратно в действительность, обнаружил в своих руках не сочную ножку курочки, а пустоту, навёл капитана на ещё одну мысль.

– А ведь здесь, не то, что на улице, где невольные зеваки, вряд ли, что могут услышать из нами сказанного и значит, чтобы я не сказал, всё будет услышано всеми. А вот что я скажу, им точно не понравится. – Пробормотав про себя, капитан де Витри, усмехнувшись, бросил недвусмысленно оскорбительный взгляд на Алонсо. Ну а Алонсо, и так уже достаточно терпел все эти незвучные бормотания, хмыканья, а тут ещё эта издевательская ухмылка этого, сил нет больше терпеть, что за капитана, из-за чего он даже сбился при последней атаке, перекосившись от ненависти в лице, громко заявляет:

– Если вы, сударь, не невежда, то вы немедленно объяснитесь. Что послужило причиной такого вашего демонстративного удовольствия, повода для которого, я и мой товарищ, кажется, не давали.

– Позвольте заметить, сударь, что вы и ваш товарищ, и для серьёзного к вам отношения, к моему большому сожалению, повода тоже не давали. Ну а я, как человек, всегда отдающий предпочтение радостям жизни, как не старался, всё же не смог удержаться от проявления жизнерадостности, когда поводов для этого даётся предостаточно. – Капитан де Витри своим заявлением, к которому был присовокуплён очень удачный удар его шпагой, в один момент сбивший шляпу с головы Алонсо, тут же поставил того в щекотливое положение. Ведь, как только сейчас, после того, как шляпа Алонсо оказалась не на его голове, а на полу, и выяснилось, что набожность Алонсо имела под собой, а вернее на его голове, свои дополнительные лысые обоснования.

– Да вы, сударь, не только привередливы, но как я и все вокруг видят, к тому же очень скрытны! – слишком неприкрытый намёк капитана на вскрывшиеся лысые обстоятельства побледневшего Алонсо, вызывает одиночный смех у трактирочанина, теперь уже удивлённого таким ловким фокусом со шляпой. Правда этот трактирочанин, так толком и не поймёт, кому

нужно аплодировать за столь ловкий фокус – капитану де Витри, в ком он увидел фокусника, Алонсо – ассистента или реквизит фокусника, что трудно понять или же, до чего же ловких цирюльников, так умело обривших эту каланчу. Между тем тут же брошенный на него злобный взгляд Алонсо, всё расставляет по своим местам и трактироужанин, так и быть, согласился признать, что реквизит здесь главный.

Между тем, пока Алонсо, так сказать, был обескуражен таким поведением капитана, который, как прямо сейчас выяснилось, ни перед чем не остановится, лишь бы выставить их на смех или того хуже – сравнить с грязью, его напарник Себастьян, не смотря на боль в отсутствующем мизинце, всё же вначале не сдержался от смеха в свои усики, а уж затем, чувствуя ответственность на товарищеские отношения с Алонсо, делает ответный ход с выставленной вперёд шпагой. Но к удаче капитана, шпага не достигнув цели, минует его левую руку и грудь, где бьётся его сердце и попадает во внутреннее пространство между этими частями тела.

И хотя на один момент каждому из обмеревших в одном положении, с прямым взглядом друг на друга, участников этого противостояния, где Себастьян стоял в позиции «стрелки», с выставленной вперёд рукой, а бледный, как смерть капитан де Витри, в чьё тело было погружен клинок Себастьяна, застыл в положении – не ждали, показалось, что вот, кажется, и всё, и в их противостоянии поставлена точка. После которой каждый из противников, исходя из своего итогового положения, может спокойно, кто пойти погулять, а кто прямо здесь, свалившись под себя отдохнуть.

– Ну что, теперь тебе не смешно? – глядя из своего более низкого положения на капитана, одной своей усмешкой стоящей в глазах спросил капитана Себастьян.

– Не вижу повода для грусти. – Усмехнулся в ответ капитан де Витри и, бросив косой взгляд на Алонсо, заметил, что и тот тоже посмел улыбнуться. Ну, а уж этого (капитан уже прикипел к его хмурой физиономии и не желал видеть на ней ни тени улыбки; такой капитан консерватор), капитан уже стерпеть не мог и он, призвав на помощь деву Марию, пожелал, чтобы этот испанец промахнулся. И, конечно, дева Мария, всегда трепетно относившая к военным, прислушалась к просьбе капитана, ведь она всего лишь испытывала его веру в неё, а не в Женевьеву, покровительницу всего, а не военной части Парижа.

И вслед за этим, капитан де Витри, почувствовав, что он ещё жив и даже не проткнут, одновременно упирается взглядом в своего противника – Себастьяна и в тоже время, правой рукой, в которой находится шпага, начинает её подводить к Себастьяну. Ну а Себастьян, уже не может оторваться от этого пронзительного взгляда капитана и, стоя, как замороженный, начинает понимать, что тут что-то не так. Что он буквально через мгновение, увидев, входящую в его ударную руку шпагу и понял. Ну а как только пронзившая руку Себастьяна боль, дошла до его понимания хитрости капитана, то он тут же выронив шпагу, свалился себе под ноги.

Но не успевает капитан сопроводить свой победный укол какой-нибудь подходящей для этого момента фразой, как летящий на него Алонсо, требует от капитана сосредоточенности и повышенного внимания. Но к своему и удивлению капитана, Алонсо спотыкается на ровном месте и, уткнувшись шпагой в пол, после её разлома на части, падает вниз головой. Правда, выглянувший из под стола, со шпагой наперевес барон да Будь, своим заявлением в сторону Алонсо: «Да будь ты не ладен, а я всё-таки попал», – всё расставил по своим местам.

И хотя капитан впечатлён ловкостью барона да Будь, и даже счастлив, что в Алонсо, а не в него попали, всё же, пока ещё не весь противник повержен, то нужно быть осмотрительным. Чего, по всей распластавшейся на полу видимости испанца Жозе, как раз и не учёл при нападении на барона да Будь этот испанец. Правда, если быть предельно честным, то и сам барон не слишком посматривал под ноги, где в своё время им же было пролито вино, и из-за чего он с капитаном де Витри, чуть ли, вплоть до дуэли, не поругались, по причине возникшего

спора – кто из них будет отвешивать тумачков папаше Пуссону, за то, что он ручки кувшина совершенно не протирает, оставляя их скользкими для рук.

Но спор дело прошлое, когда сейчас эта пролитая скользкость на полу, на которую по причине своей невнимательности и вступил барон, сыграла с ним очень великолепную и что главное, своевременную шутку. И только было попытался его соперник Жозе, срезать на его лице, долго и с таким усердием не для себя, а для дам, выращиваемый ус, как барон своевременно заметив эти подлые намерения этого, явно не терпящего на своём пути к дамам конкурентов Жозе, для начала решает в прыжке уклониться. Но к его неожиданности, его нога поскользывается на этом винном полу, и барона в его вверх ногами, в очень быстротечном полётном рвении настигает его глубокомыслие: Если останусь жив, то папашу Пуссона заставлю языком вымыть пол.

Ну а такого от себя, да и уж, что говорить, и от барона, этот испанец точно не ожидал, правда уже перед своим падением увидеть, получив себе в подбородок резкий удар носком ботфортов барона. После чего Жозе, забыв все слова, а главное, обнаружив вне своего рта все свои зубы (так что, забыв слова, он тем самым ничего не потерял), впечатывается затылком в пол и, глядя на потолок, откуда на него стекает воск с зажжённой свечи, теперь думает лишь об одном – попадёт, не попадёт.

Ну а раз противник барона, такой занятой, то барон, обнаружив себя в такой удобной для себя позиции – укрытым столом от посторонних, а главное от взгляда Алонсо, решает использовать её в нападении на Алонсо. Где барон, дождавшись удобного для себя, но не для Алонсо момента, подловив его, и воткнул ему шпагу в ногу, тем самым спася капитана де Витри, который теперь обязан ему жизнью и значит, оплатой его долгов.

– Между тем пока бароны и капитан де Витри, таким образом удовлетворяли предъявляемые к ним требования со стороны испанцев, – продолжал свой рассказа маркиз, – я пятясь назад, в сторону винного погреба, сам того не осознавая, заманивал моих испанцев в ловушку. Хотя поначалу, я ни в чём таком не был уверен, а мои противники, как раз были уверены в чём-то своём, сокрушающе победном. Чего они даже не скрывали и с отвратительными улыбками постепенно зажимая и отодвигая меня назад, вслед за мной демонстративно размахивали свои шпагами, срезая встречавшиеся им на пути подвешенные на верёвках колбасы, которые, что удивительно, ловко подхватывались ими на лету и отправлялись в рот, вызывая у меня предательское урчание в животе. Что ими слышится и вызывает ещё большее веселье.

– Так ты не ограничивай себя. Почему бы тебе напоследок не оторваться. – Откусывая колбасу, мерзко улыбаясь, решил спровоцировать меня на оплошность идущий впереди Карлос.

– Я на этот счёт, сказал бы, что перед смертью, как не надышишься, так и не наешься. – Мой контраргумент неожиданно вызывает кашель Карлоса, который, как оказывается, решил в ответ просмеяться, но поторопившись, поперхнулся и начал давиться. И если бы не его напарник, то, пожалуй, Карлос, прямо там бы, скорчившись на земле и задохнулся. Но видимо его напарник уже не раз встречался с приступами обжорства Карлоса, и знал, что нужно делать. И не успел Карлос в своём жутком кашле, душающее самого себя, схватиться за горло, как один мощный удар шпагой плашмя по его спине, выносит из его рта все колбасные препятствия, и Карлос свободно вздохнув, теперь смог спокойно, с болью в лице и спине, почесать свою спину.

Я же в это время, время за зря не терял и, срезав один из кружков колбасы, срочно восполнял свои растроченные силы, требующие срочного восполнения себя. Ну а колбасы для этого в самый раз, в чём единственном, я, пожалуй, выражу своё согласие с Карлосом. Карлос же тем временем, заметив мою сообразительность, так сказать, вознегодовал на выпавшие из его рук колбасы, которые вызвали такую его задержку и он, дабы им больше неповадно было

застревать в его горле, принялся безжалостно их давить. Ну а как только он растоптал колбасы, то вслед за этим бросив на меня ненавидящий взгляд, скорей всего задумал и меня раздавить.

– Что, видел? – кивнув мне, спросил Карлос.

– Видел. – Не стал я через хитрость показывать свою слабость.

– И тебя совсем скоро, тоже самое ждёт. – Усмехнувшись, зловеще заявил Карлос.

– А не подавишься?! – а вот мой ответ уже вызвал у него ярость, и Карлос, забыв о предназначении шпаги, попытался меня разрубить, где запястьем своей руки и нарвался на мой ответный укол шпагой. Ну а время от времени пускание крови, как ничто другое, благотворно влияет на беспокойное состояние души требующей покоя. Что и на этот раз дало свои результаты, успокоив на время Карлоса, вновь прибегнувшего к помощи своего напарника, поделившегося с ним своим платком. Пока же я мерился с силами с напарником Карлоса, он стянул свою руку и уже с новым мстительным запалом бросился на меня.

Я же отбиваясь от напарника Карлоса, в это время отступил к самому проходу ведущему в винный погреб. И стоило мне только задом переступить через этот порог, как неожиданное появление на свет из глубины погреба, в чём мать родила Жозефины, в один взгляд на неё сбивает мотивацию испанцев, приведя их в волнительное замешательство. Чем я, будучи не столь невинен по отношению к Жозефине, не раздумывая, тут же двукратно и воспользовался, отправив их к праотцам обучаться этикету. – И не успел маркиз де Шубуршен поставить точку в рассказе или же добавить к нему подробности его выхода из этой, частями неловкой и запутанной ситуации с Жозефиной, как король со своим звучным предложением протекции и роли в балете: «Ну, ты и артист!», – перебивает все мысли маркиза.

И маркиз, забыв обо всём, как он с заверениями вечной дружбы и памяти, сразу же забыв, бросил Жозефину, и как он, выйдя в общий зал, разочарованно смотрел на тот стул на котором ещё недавно сидела таинственная дама, память о которой было практически невозможно выветрить даже приличной дозой вина, которую он одолел со своими новыми товарищами по оружию, в общем, маркиз ещё раз, забыв обо всём этом, сделав прописанный этикетом поклон, заявляет, что он только и мечтал о том, чтобы послужить своему государю.

– Не льсти себя большими надеждами на большую роль. – Многозначительно посмотрев на маркиза, сказал король. – Но на важную, можешь определённо рассчитывать. – Уже совсем таинственно проговорил король и, отвернувшись к зеркалу, дал понять маркизу, что на этом аудиенция закончена. Когда же маркиз покинул пределы королевских покоев, Луи хмуро посмотрел на исполнителя всех его хмурых указаний – Тужура и тот немедля (он на своём заду знал, чему его промедление может способствовать) всё поняв, тут же выгоняет из королевских покоев этих болтающихся под ногами короля (а это значит, доверия к их длинным языкам не может быть) мастеров красок, кисточек и пудр.

– Он мне понравился. – Глядя в зеркало, в тёмной глубине которого теперь виднелась, вышедшая из-за скрывавшей его занавески тёмная фигура господина де Люиня, обратился к его отображению король.

– Он вполне достоин вашего внимания, Ваше величество. Но я хотел бы обратить особое внимание на его связь с капитаном де Витри. – Тихо проговорил де Люинь. – Это может нам очень пригодиться в нашем деле. Единственное, что меня волнует, так это то, что маркиз является клиентелой Генриха Анжуйского.

– М-мм. – Со стороны короля последовал такой многозначительный ответ, говорящий о том, что короля тоже волнует этот вопрос.

– Ваше величество может ни о чём не беспокоиться. – Сделав поклон, сказал Люинь. – Я думаю, и на этот вопрос, со временем найдутся свои ответы. Зная вспыльчивый характер маркиза, нам нужно всего лишь не мешать. – Глядя куда-то вдаль, произнёс Люинь.

Глава 2

Продолжающая знакомить читателя с тем, что не вместились и не могло вместиться в одну первую главу. И так пока не надоест или не забудется.

Акт I. Либретто (уж больно название интригующее).

Любому сценическому представлению, к которому можно отнести многие жанры различного рода искусств, которые нуждаются в подмостках и костюмированном представлении, предшествует своё небольшое, но уже проходящее в зрительном зале представление. Ну а если это театральное представление или же по задумке короля – балетная постановка, которая выносятся на сооружённые для этого важного случая – подмости большого зала Лувра, то это знаковое событие, ни под каким видом и даже своим предсмертным состоянием, конечно, не может быть пропущено ни одним придворным; ведь они своей жизни не смыслили без двора. И вот здесь, в той части зала Лувра, где размещалась вся эта, на время записавшаяся в театральные зрители – придворная и даже иногда состоящая из тайно проникших сюда обывателей публика, (королевский двор на то он и двор, чтобы нести в себе все характерные черты любого двора с его постоянностью, куда может занести любого рода людей), как раз и начиналось своё, предваряющее основное представление.

Ведь не зря же всё-таки придуман дворцовый этикет, который на первых порах, правда, не без стычек, позволял отрегулировать место сидения придворных особ и вельмож, которые, как особы, по большей части забывчивые, всегда стремились усесться поближе к королю, для того чтобы он их видел и тем самым, если что, не забывал их в своих наградных указах, что в свою очередь, позволяло бы им прочищать свою память, насчёт своих верноподданнических чувств к королю. Ну а как только герцоги и герцогини, виконты и виконтессы, маркизы и другая мелкая титулованная знать, не просто занимала, а закрепляла за своим крепким задом свои, согласно установленному этикету места (правда, при таком большом столпотворении, титульным особам, частенько приходилось полагаться на крепость своих локтей), то тогда и начиналось своё, предваряющее театральную постановку, представление, которое по степени напряжения и интригующим взглядам участников этого действия – а в их качестве выступали практически все эти зрители, пожалуй, затмевало то, что представлялось на сцене.

Так в первом ряду, пожалуй, самом скучном из всех (потому что он был у всех на виду), своё, почти что величественное место, занимал глава королевского двора – главный распорядитель двора троюродный брат Людовика XIII, принц крови Луи де Бурбон, граф Суассонский, наследственный держатель своей должности, губернатор Дофине и Шампани. И он, конечно, вполне заслуживал право на своё отдельное внимание, но все вокруг сидящие, зная слишком задиристый нрав Луи-задиры, если что и имели против него сказать или даже замыслить, то держали это при себе.

А что поделаться, когда родственные связи, вот так сразу, без должной подготовки, трудно оспорить интригами и наветами, которые, не смотря на то, что так называются, при том образе жизни который вёл каждый из придворных (после их безотказного воспитания, им было больше скучно, нежели весело жить, отчего они страдали жуткой праздностью с её утренними мигренями), по своей сути несут в себе непреложную правду. Так что каждый из придворных много чего мог друг о дружке порассказать, и только ответное пикирование, и со скабрёзными подробностями рассказом уже об их, на грани проделках, воздерживало всех этих правдолюбов от выражений своей приверженности к правде и праведности (вбедь так можно прослыть привередой).

Рядом с главным распорядителем, свои места занимали важные, почти такие же ранговые, что и первое распорядительное лицо двора вельможи – главный раздатчик милостыни Франции, обер-камергер и обер-шталмейстер. Ну а насчёт этих лиц, у каждого из сзади сидящих, было своё за время совместных балов и охот сложившееся мнение, о котором, в виду его

пагубности для первых лиц двора содержания, старались только перешептываться и то лишь только среди доверенных между собой и главное, метивших на эти места придворных лиц.

И если уж совсем не предвзято взять и обратить свой внимательный взор на остальные придворные, жаждущие послужить государству, уже обладающие титулами лица (так что, уже полдела сделано и их не нужно с нуля возвышать до дворянства), то всего лишь отсутствие высоких должностей отвечающих их запросам, не даёт им возможности развернуться в деле служения королю, что, в конце концов, и разочаровывает их и приводит к застою в мыслях. Что как раз и служит той главной причиной которая и перенаправляет их деятельные натуры на всякую праздность и разврат, с помощью которых они и пытаются забыть оскорбительное для них недоверие королевских лиц.

Конечно, при дворе, где всё держится на кровных связях и интригах, не обходится без насмешников, которые и стали такими язвами лишь потому, что их за это кормят. Так эти комедианты слова, явно находясь в услужении у высших сановников не желающих расставаться со своими первыми местами и боящихся честной, основанной на благородстве и добродетели конкуренции, беззастенчиво лгут в своих, даже не смешных пасквилях.

Так некто Брюскамбиль, комедиант «Бургундского отеля» и «вития» труппы, и того пошёл дальше и со своей стороны признавался в том, что рисует для приходящей на спектакли народной аудитории, нелюбезный портрет «этих хамелеонов, этих нос-поветру-державших, этих лизоблюдов», какими являются придворные.

– Они лучше сдохнут, – заявлял этот злопыхатель Брюскамбиль, – чем чем-нибудь займутся, – говорил он, – они день и ночь «подобно журавлям, стоят на одной ноге» в прихожей Его Величества или же, поскольку «от такой позы на ногах прибавится куда больше мозолей, чем каролюсов в кошельке», так и укладываются на буфет, будучи не в силах преодолеть усталость.

Что, до степени нетерпения невозможно слушать и поверить в то, что какой-то там комедиант осмелился на такие дерзости. Да, наверняка, у него были высокопоставленные покровители, которым было очень выгодно показать королю двор в таком нелюбезном свете. Да и разве можно в такое поверить? Да ни за что. И единственное, что можно сказать, так это то, что этот Брюскамбиль, не только большой брюзга, но и большой фантазёр.

Это же надо такое придумать, чтобы придворный, а среди них может быть и барон, чего уж говорить о герцогах, взял и без каких-либо на то перепойных оснований, взял и лёг спать на буфет. Вот если бы он забрался в него или вернее, куда-нибудь в хлев, то это куда ещё не шло – в это ещё можно было бы поверить. А так, единственное, что можно сказать, так это то, что первые лица двора, слишком уж крепко уцепились и держатся за свои первые места, раз ради своего положения при дворе, готовы на всё и даже на такие клеветнические наветы на сам двор.

Думают, что только они достойны, а остальные, всего лишь на одно способны, как только вести интриги, без остановки болтать ни о чём, раскланиваться налево-направо и во всём подражать им. Что есть одна сплошная интрига и зависть, которая не даёт спокойно сидеть на своих, чуть попроще, чем у принцев, многоместных диванчиках, придворную знать.

– А где король? – поглядывая поверх веера в сторону сцены, перво-наперво, после того как уже достало смотреть на все эти напудренные и на помаженные лица придворных, среди которых свежего и интересного (интригующего, не в счёт) и не увидеть, озабочивают своих верных до своего титула и ума супругов, также верные своим титулам, герцогини и маркизы, а также менее приметные и малосимпатичные женские лица.

Ну а тот же, величественный и уважающий только себя и на людях – только короля, герцог де Гиз, у которого имеются свои кровные престолонаследственные счёты со всяким королём из этой королевской ветви Бурбонов, занявшей трон в результате своих коварных

по отношению к ним Гизам действий, насупившись, как это он всегда рефлекторно поступает, слыша провокационнейший для него вопрос о короле, многозначительно вслух отвечает:

– Мне тоже интересно, где же всё-таки на самом деле король. – Про себя же герцог де Гиз, не столь неоднозначен и он, несомненно знает, где в данный момент находится настоящий король, в котором он признаёт только себя.

– Да и что это за король, который, как какой-нибудь комедиант, разыгрывает перед нами спектакли. – Сжав, что есть силы трость, как и следовало от себя ожидать, после упоминания короля, и связанных с этим титулом надежд, герцог де Гиз начал жёстко развивать свою нервозность. – Король должен вести войны или в моменты своего отдыха рубить головы придворным, где каждый второй – интриган, а каждый первый – заговорщик. – Герцог де Гиз, исподлобья бросив свой взгляд на ряды сидящих вокруг него вельмож, ещё раз убедился, что от этих вельмож, возвеличивающих себя за долгое сидение на одном месте орденами, одетых в великолепные, пошитыми драгоценными камнями платья и выставяющих напоказ слишком напористо направленные вверх носы, можно любого заговора ожидать.

– А чего он своими танцами, которые и не танцы, а так лишь одно кривляние, и представлением себя добился? – Герцог де Гиз осуждающе покачал головой, чем вызвал надежду у своих наследственных родственников, уже решивших, что он сошёл с ума и, пожалуй, ещё чуть-чуть и он сойдёт на тот свет. – Того, что у него полный зал заговорщиков и главный из них заговорщик это я. – А вот эта его мысль даже прояснила лицо герцога и он, от осознания того, что он даже в своих мыслях самый первый заговорщик и претендент на трон, не смог удержаться и краешком губ улыбнулся. «Да он точно уже сбрендил, раз как сумасшедший, сам про себя смеётся», – радость предстоящего дележа наследства, уже затуманила головы, таких к нему внимательных наследственных родственников.

Сам же герцог де Гиз, вернувшись в свою суровую реальность, вдруг замечает брошенный на него косой взгляд тоже герцога, но не Гиза, а значит полугерцога – Генриха Анжуйского. Ну а если ты Генрих Анжуйский, да ещё и герцог, то уже по одному этому званию ты заслуживаешь презрительного ответного взгляда де Гиза, и как следствие всей этой предвзятости ко всем Генрихам де Гиза, далеко ведущей его задумчивой ненависти.

– Чего уставился мошеник и плут? – своим ответным поклоном, отдав должное учтивости, де Гиз уже про себя, отдал должное своей ненависти этому Генриху, которого будь его воля, то давно бы уже не было. Ну а раз желание входит в противоречие с волей или придворными правилами, где без позволения короля или же заговора, непозволительно лишать жизни своего собрата – придворного, то для того чтобы окончательно не потерять аппетит при виде ненавистной рожи Генриха, де Гизу требовалась хоть какая-нибудь на счёт него интрига.

«До чего подлец и негодяй этот Генрих. И ни в какую не хочет пьянствовать со мной, а затем играть в карты. Хотя пить за мой счёт, он, конечно, не отказывается, а вот играть в дурака (то есть на деньги), ни под каким трезвым и даже, что удивительно, пьяным видом, хоть под столом, хоть под лавкой, не желает. Не надо говорит, делать из меня дурака. Я и так знаю, кто, в конечном счёте, окажется в дураках. А что он имел в виду, заявляя это? – только сейчас раздумывая, понял де Гиз, что этот Генрих, не так прост, как кажется.

– Ах ты, сволочь! – герцог де Гиз даже покраснел, наткнувшись на нелицеприятный для себя вывод, который несли все эти намёкливо предположения Генриха Анжуйского. – Меня считать дураком и простофилей. Нет уж. Я просто так это не оставляю. – Де Гиз в смятении своих чувств, даже слегка психанул и, не сдержавшись, неожиданно для себя пристукнул своей тростью себе по ноге.

Ну а такой подвох со стороны своей руки или может быть ноги... Наверное, всё же ноги, ведь она уже на уровне привычки, при появлении несущей что-то за собой тени, всегда выдвигается вперёд для подножки (теперь вот и ему поставила). Так вот, такая подлость со стороны себя же, не в пример подлости других вельмож, от которых другого и не ожидаешь, больно бьёт,

отчего герцог де Гиз даже на один момент теряет выражение своей непроницательной непринуждённости и срывается на эмоции. Что уже не может укрыться и остаться незамеченным от официальной фаворитки и любовницы герцога де Гиза мадам де Ажур, в чью обязанность как раз и входило быть внимательной к герцогу и оказывать ему различные знаки внимания.

Ведь по негласному внутреннему дворцовому правилу, каждый уважающий себя, что есть сопутствующий фактор, влиятельный вельможа, исходя из своей влиятельности, несмотря на свои желания, нежелания и предпочтения, если он хочет и дальше оставаться влиятельной вельможей, должен следовать этим установленным природой власти правилам, и иметь любовницу, либо фаворитку или же то и другое.

Ведь если у тебя нет этого атрибута твоей влиятельности, то такое положение дел может вызвать не только подозрения в наличии слабости у вельможи, у которого никаких слабостей не должно быть, но и интриги, с целью нащупать все его возможные слабости. И кто знает, к чему всё это может привести, и уж лучше сейчас при себе иметь хоть номинальную любовницу, нежели потом не иметь возможности её иметь.

Что (наличие таких связей), между прочим не вменялось в вину любому влиятельному лицу, которым был и герцог де Гиз, а поощрялось на самом близком уровне, его, как правило, много моложе супругой и в данном случае герцогиней де Гиз. Которая в свою очередь для поддержания статус-кво своего влиятельного супруга, старалась использовать уже своё влияние и не отставать от герцога. От чего или лучше сказать, благодаря чему – стараниям благоверных молодых супружниц престарелых вельмож, в большую моду и вошли мужские, на испанский манер, шляпы. Эти, так называемые шляпы «hors d'escalade», прозванным насмешниками «шляпами для рогоносцев» или «шляпами для дураков»: высокими, с заостренной тульей, с широченными полями, «затенёнными» колоссальных размеров плюмажем, были очень удобны и служили франту, который не снимал их ни днем, ни ночью, одновременно и зонтиком, и головным убором.

Что же касается мадам де Ажур, то она как никто другой умела читать по лицам, что в данном эмоциональном случае с герцогом, было не сложно сделать, что как раз и напугало мадам де Ажур, увидевшую такую неприкрытую, напоказ страсть в покрывшихся слезами глазах герцога де Гиза. Что и говорить, а стоящее во взгляде герцога нетерпение, до степени вспотевания лба разволновало мадам де Ажур. Ведь она не по слухам знала, до чего может довести безудержное рвение уже не слишком молодых герцогов, которые забывшись (что при их возрасте неудивительно), в своём буйстве страсти, забывают о благоразумии, что и заканчивается для них, но только не для их наследников, плачевно. Так что имели место случаи, когда наследники титулов и имений входили в свой сговор с фаворитками и убедительно, с хорошими отступными, требовали от них большей внимательности к престарелым герцогам.

К тому же любое чрезмерное усердие, забывших о благоразумии престарелых вельмож, не считая того, что могло свести их в могилу, также могло внести свои существенные коррективы в костюм и причёску мадам де Ажур, а уж это совершенно недопустимо. Правда, мадам Ажур, будучи натурой легкомысленной, немного успокоилась, как только представила себе, как у герцога де Гиза, в результате своего усердия с головы соскользнул парик и налез ему на глаза. Отчего он, решив, что настал конец света, наступило затмение или того больше – божественное откровение, ещё больше возбудился и начал громко неистовать: «О боже праведный, ты, затмив мои глаза, тем самым, наконец-то, открыл их на мои прегрешения».

Но безумный взгляд герцога де Гиза не оставляет ни малейших шансов мадам де Ажур на дальнейшее ожидание начала представления в кресле, и она, знавшая все тайные места и альковы во дворце, находясь под довлеющим взглядом герцога, от безвыходности своего положения, готова уже согласиться оставить своё место. Но тут к ней приходит понимание того, что сегодня не совсем обычный день во дворце и что, сегодня, в день репетиции балета, когда во дворце набилось придворных больше, чем обычно, то, пожалуй, все места для поце-

луев уже заняты. Ну а раз так, то если герцог такой уж нетерпеливый, то пусть сам и покажет свою расторопность в поиске подходящего для уединения места. И мадам де Ажур, демонстративно надув свои губки, отворачивается от герцога де Гиза и, оставив для него боковой взгляд, начинает ждать, когда герцог соблаговолит.

Герцог же, чьё онемения лица тем временем начало понемногу сходить на своё непроницаемое нет, несмотря на отходчивость своей ноги, начинает понимать, что его переизбыток чувств, как уже не раз случалось, вызвал в нём природное нетерпение его естества, и теперь требовательно настаивало на своём немедленном выходе из него. В случае же, если не отказа, то отсрочки, то оно – его беспринципное естество, несмотря на лица и другие последствия, пойдёт дальше и звучно замочит репутацию герцога. А уж такого, уже сам герцог стерпеть не мог.

И герцог де Гиз, зная неумолимость этих своих позывов, которые всё будут требовать и требовать от него выхода, пока он всё равно, в конце концов не сдастся, с суровостью в лице и горьким сознанием того, что он, не смотря на постепенное затухание жизни в своём теле, так и находится во власти своей природы, которую ему так и не удалось подчинить себе, внимательно посмотрел на свои белые колготы. Ну а вид белизны колгот, в свою очередь заставил ещё больше засуровить его взгляд, от такой своей приверженности и строгому следованию всем, даже самым ничтожным пискам моды (а ведь любой намёк на мышшь – тот же писк, которых так боятся дамы, очень весело выводит их из себя и из одежды; чем герцог, умело и пользовался), вылившейся в такую заметную неосмотрительность. И герцог, придя к тяжёлому для себя решению, что в следующий раз он оденет менее модные – синие колготы, вздохнул и принялся подниматься для того чтобы выйти освежиться.

И вот герцог встаёт, что уже не может не вызвать заинтересовать внимательных ко всему придворных господ, и к огромному удивлению и даже волнению, конечно, больше заинтересованных и переживающих за здоровье герцога лиц, начинает, похрамывая на правую ногу, двигаться в сторону выхода со своего место сидения. Ну а любой выход или тот же проход мимо тебя влиятельной вельможи, это всегда событие, тем более, если с вельможей произошли такие хромяющие изменения, которых до его прихода сюда в зал, никем и замечены не были. А это уже интрига и для внимательной публики даёт свой повод для глубоких размышлений. Ну а придворная публика, как ни одна другая, умеет, исходя из самых мелких данностей и полуподробностей, составлять логические цепочки и, соединяя в единую цепь последовательность событий, тем самым делать для себя далеко идущие выводы.

И такие приметливые ко всему придворные, сразу же вспомнили, что герцог при прибытии сюда, совершенно не проявлял приверженности к хромоте, а это значит, что герцог де Гиз, определённо решил выкинуть какой-то хитроумный фокус, с этой своей, скорее всего мнимой хромотой. Но зачем герцогу де Гизу нужно было выкидывать такие ловкие фокусы, так никто ответить не смог и пока не догадался. Хотя самые подозрительные и по большей части непроницаемые лица, с натянутыми на глаза париками, в этом его шаге проникновенно увидели символический намёк на хромоту устоев королевской власти и шаткость трона.

– Герцог определённо намекает на то, что король как никогда слаб. – Одного кивка в сторону герцога, достаточно для того чтобы узреть тайные помыслы одного из главных приверженцев герцога, графа де Ситуасьона.

– Ну а как же Кончини? – постукивая указательным пальцем по своему колену, выражает сильную обеспокоенность, товарищ графа по столу и по дивану – барон де Арманьяк.

– Это вопрос не простой и надо подумать. – Поправляя шарф на шее, граф слишком удушающе смело указывает барону на свои ожидания насчёт будущего Кончини. И трудно сказать, до чего бы могли дальше додуматься (куда уж дальше) все эти и другие мнительные придворные, если бы им вдруг не припомнился предваряющий этот герцогский проход, взаимный обмен взглядами между герцогом де Гизом и мадам де Ажур.

И хотя приверженцы конспирологической версии (однозначно в душе, да и так заговорщицки), ни в какую не желали соглашаться ни с какой другой версией, кроме своей заговорщицкой, где была указана другая подоплёка появления хромоты у герцога, всё же, как бы они не хмурились, болезненные удары их спутниц им локтями в бок, («Смотри подлец! Даже герцоги способны на деликатность обхождения», – очень уж требовательны к своим спутникам, такие охочие и не только до драгоценностей, придворные дамы) разволновавшихся от уже своих видений и представлений этих пикантных подоплёк, склонили-таки этих суровых вельмож к той версии, на которой настаивали их спутницы.

А находящиеся уже в пылу и трепете, от своих на грани неприличия представлений, герцогини и маркизы, и даже баронессы, умея заглядывать дальше, сопоставив слишком уж непристойные взгляды герцога и смелые ответные виды мадам де Ажур, которая все знают на что она способна, теперь-то, наконец-то, увидели всю неприкрытую правду жизни, со своей несдержанностью естества де Гиза. В котором его природа, забыв все правила церемониала, в юношеском порыве, взяла и восстала против сдерживающих её в рамках благопристойности титулов и регалий герцога. Где даже зрелый возраст герцога ничего не смог поделаться и так сказать, подвёл герцога на хромоту. Что для части одержимых любовью придворных, уже совершенно невыносимо видеть, и они начинают ёрзать на своих стульях, пытаясь хоть как-то обратить на себя внимание, хотя бы заволновавшихся баронесс.

Между тем Генрих Анжуйский, испытывая по отношению к герцогу де Гизу сходные с ним чувства (так что у них было много чего общего), в которых он, как и все придворные, придерживался одной главной линии – сдерживаться и до поры до времени не переступать через себя (вот когда можно будет переступить через труп поверженного врага, то они сами себя переступят), с сомнительным удовольствием и с задумчивым взглядом поглядывал на сидящего в первых рядах господина де Люиня. И, конечно, Генрих, в другой раз и не посмотрел бы на этого, не ясно, что за важная птица господина, но сегодня его зад, оказавшись на совершенно неотёсанном стуле, выказывал свою крепкую придиричность к этому стулу, который такой-сякой, а не гладко ровный, уже не раз позволял себе грубости по отношению к задней части Генриха.

Ну а такие противоречия, невольны, а заставляют задаться вопросом, а с какой это стати, этот, ещё надо узнать, что за дворянин, господин де Люинь, наравне с принцами и принцессами, не понятно из-за каких-таких заслуг («Что ещё за птица высокого полёта?», – правда, ответ на этот свой вопрос, Генрих, будучи в курсе того, что господин де Люинь является зрителем вольера птичника короля, подспудно знал), пользуется стулом с мягкой обивкой. А ведь это вызов всему придворному укладу жизни, где для короля и королевы, согласно их величию, предназначались кресла с высокими спинками, для принцесс и принцев – стулья попроще, ну и для остальных, лавки и диванчики.

Но Генрих, только от делать нечего или когда он только находится в хмуром настроении, такой придиричала, что как раз в этот самый момент и совпало. Впрочем, всё это возникшее напряжение у Генриха длилось недолго, а всего лишь до тех пор, пока этот Люинь сидел на стуле. Что опять же длилось недолго и Люинь, видимо присевший на этот стул для того чтобы сделать зрительный осмотр сцены приготовленной для балета, где он принимает самое деятельное участие, как только осмотрелся, покинул это своё место, отправившись за кулисы. Что немного остудило пыл придворных лиц, теперь с ещё большим вниманием смотревшим на этот освободившийся стул, на котором все и каждый по отдельности наблюдатели считали – должен был сидеть именно он.

Что же касается Генриха, то его не радостное настроение, тем временем ничуть не улучшилось, даже из-за появившейся возможности занять это мягкое место. А всё потому, что он в последнее время, сам того, за бесконечным кутежом и развратом не заметил, как вступил в пору полного безденежья, которая непременно наступает, если вы, исходя из своих стойких

приоритетов, решили жить, как бог на то и куда положит, и не вступать в пору своего взросления, где при этом вступать в право наследования, никто из ближайших родственников не спешит вас обрадовать. Ну а бог, как оказывается, тот ещё скупец, и даже не добавляет везучести в игре в карты, и раз Генрих такой своенравный герцог, то решает подвергнуть его испытанию кредиторами, от которых ему уже никакого покоя нет.

«И где мне найти дурака, чтобы одолжить денег? – гуляя взглядом по важным и по большей части скупым лицам вельмож, которым и дела никакого нет до других, размышлял Генрих Анжуйский, поглаживая огромный брильянт (единственное, что осталось незаложенным) на своём указательном пальце правой руки. – И ведь даже этот де Гиз, и то оказался настолько туп, что, не поняв моё намёкливое предложение сыграть в карты, тем самым не остался в дураках. – Генрих в своей задумчивости даже позволил себе небрежную бестактность, своим затуманенным от скорбных мыслей, а не как можно было подумать и подумали – обволочённым пеленой вожделенческих не сознаний взглядом, задержаться на было уже собравшейся следовать за герцогом де Гизом мадам де Ажур.

Ну а взгляд Генриха, в свете блеска его огромного брильянта, кого хочешь заворочит и собьёт со здоровой мысли. Чего уж говорить о мадам де Ажур, чьи глаза, только при одном намёке на близость к брильянтам, вспыхивали ярким светом и затмевали всякую её благоразумность.

«Да и Генрих куда моложе и привлекательней, чем этот старый боров де Гиз», – мадам де Ажур, в один момент низвергла с пьедестала своего поклонения – герцога де Гиза, водрузив на него новый объект своего поклонения – Генриха Анжуйского. И хотя она ещё буквально одно мгновение назад, даже не могла себе помыслить о чём-либо таком своенравном, то теперь она уже не могла себе помыслить того, что могло быть как-то иначе.

«Терпеть не могу и не буду», – решительно пристукнув каблучком туфли по полу, мадам де Ажур ясно дала себе понять, что она больше не потерпит всех этих герцогский благоговений и даже, чего уж там, позволений. С чем она, плюс с повышенным биением в сердце, с видом смущения, но не настолько, чтобы не дать понять Генриху, что он её волнует, бросает свой полный ответственности взгляд. Но к её полной неожиданности, этот коварный на взгляды Генрих, вместо того чтобы томиться в ожидании её ответного взгляда, как ни в чём не бывало отвернулся и ведёт беседу со своим наперсником – маркизом Досада.

А вот эта близость к Генриху этого всем известнейшего своей манерой величия – стать как минимум герцогом, и ещё больше известного своими безнравственными, на грани дрожи в чреслах рассказами о потаённой, за альковами придворной жизни, обладателя хищной улыбки и неуёмной фантазии, замечающего за всеми то, что они только в мыслях подумали, маркиза Досада, не могла не встревожить мадам де Ажур. Ведь этот маркиз, одним только своим зловещим присутствием вгонял в дрожь придворных и что греха таить, даже герцогов, страшящихся быть упомянутыми и посаженными, пока только на перо маркиза. Ну а что поделать, раз на маркиза, где залезешь, то там и слезешь, правда, уже не туда, куда хотелось бы.

– Ну и что ты такой довольный? – задался вопросом Генрих, удивлённый таким проявлением неделикатности своего партнёра по распутствам – маркиза Досада, который совершенно не учитывает в своём улыбчивом настроении, как раз даже ничего подобного не помышляющего – его настроения.

– А чего мне не быть таковым. Ведь меня обошла стороной участь быть Генрихом и тем паче герцогом. Вот и приходится довольствоваться... – маркиз, заметив обращённый на него внимательный взгляд мадам де Ажур, сбился со своего словесного пути и, плотоядно облизнувшись ей в ответ, тем самым ввёл мадам де Ажур в новый мысленный ступор. Где она при таком широком выборе уже и не знала на ком остановить свой окончательный выбор. Ведь в каждом предлагаемом варианте были свои всем известные преимущества и недостатки – к деньгам прилагался возраст, к молодости и красоте, пустота карманов и ... А вот что прила-

галось, к сующему куда не следует длинному носу маркиза Досада, для мадам де Ажур, до степени досады, пока было не ясно. А это в своём роде интригует и до дрожи в теле, завораживает мысли.

«Может быть, как раз эта зловещая неизвестность, которую несёт в себе весь мерзкий вид маркиза Досада и есть то, что, заставляя трепетать сердца, и влечёт к нему искательниц авантюр и приключений», – сделав один гипотетический шаг в сторону маркиза, мадам де Ажур, даже улыбнулась маркизу, который в свою очередь, как и Генрих, уже и не смотрит на мадам, а развернувшись к Генриху, ставит точку в своей недосказанности.

– Собою. – С особенным выговором, заканчивает предложение маркиз Досада, всегда старающийся оставлять последнее слово и не только фигурально, за собой.

– Ну и к чему это ты говоришь? – не имея желаний балагурить, спросил его Генрих.

– Может быть, к чему, а может быть и ни к чему такому. – Ожидаемо, уклончиво ответил маркиз.

– Ну, давай, говори. – Вцепившись своими отточенными ногтями рук в колено маркизу, ожидаемо, с нетерпеливой жестокостью, ответил ему Генрих. Что вызывает у маркиза ответную словоохотливую прямоту.

– А ты знаешь, что в нашем придворянстве (маркиз был большим модником на слова и всегда держал ухо по ветру, чтобы первым услышав, затем употребить какое-нибудь новомодное словечко) имеет наибольшую ценность? – всё же маркиз слишком строптив, раз он, несмотря на призывы Генриха к благоразумию, ещё задаётся вопросами. Что, между тем, ослабляет хватку Генриха и он, интуитивно почувствовав, что этот вопрос, чтобы хотя бы не прогадать, требует должного осмысления, перевёл свой взгляд с носа маркиза на брильянт в своём перстне. И, конечно, первое, что в ответ пришло на ум Генриху, был его наследственный перстень с брильянтом, который для него имел огромную ценность и значение, но что-то подсказывало Генриху, что вопрос маркиза, не так однозначен, и ответ на него, нужно искать в другой плоскости взаимоотношений. Что заставляет Генриха перевести свой взгляд, уже на другие, рядом с ним сидящие плоскогрудые и гористые в животах, плоскости.

– Титул. – После небольшого размышления, сделал предположение Генрих.

– Бери выше. – А вот этим своим дерзновенным, не то что заявлением, а намёком на некоторые королевские лица, маркиз Досада, определённо провоцирует Генриха на коленко-щипательный ответ.

– Ты это что, паразит, задумал. – Сжав, что есть силы, чуть повыше колени, ногу маркиза, Генрих, выворачивая тому кожу и, обрывая с корнями волосы на ноге, принялся злобно шипеть ему на ухо. – И на что ты меня, подлец, решил подбить. – И, видимо, покрасневшим от боли маркизом, понимается, до чего Генрих к нему снисходителен, раз он, пока что только словесно упоминает битьё, и поэтому маркиз Досада не бьётся в истерике и, сдерживая свои слюни и заставляющие шмыгать носом набегающие в него сопли, дабы больше не нервировать Генриха, даёт ему должный ответ.

– Тщеславие. Вот та вещь, которая при дворе, имеет наибольшую ценность. – От боли и волнения, прогнусавил маркиз. И хотя его ответ довольно пространственно звучит, всё же, не имея под собою прямых намёков, он тем самым не даёт новых поводов Генриху для его щипательных провокаций, в которых он, почему-то, предосудительно заподозрил, ничего такого не замышляющего, маркиза. Но маркиз быстро отходчив и стоило только Генриху отцепиться, как маркиз, не собираясь давать сдачи (он вообще не знаком со словом отдавать), убегающая жаловаться на Генриха или замыслив недоброе – плюнуть Генриху в кружку вина, когда он отвернётся (такие вещи интересны в экспромте и всегда приходят спонтанно), уже всё забыл и даёт свой детализированный ответ.

– Тут недавно, отец иезуит Коттон, в разговоре со мной, выражал обеспокоенность насчёт своего нерадивого племянника, который и желал бы взяться за ум и за шпагу, но из-за при-

родной деликатности, не позволяющей ему без орденской перевязи предстать при дворе, он так сказать, пребывает в грусти приводящей его к неразумному времяпровождению. – Сказал маркиз Досада.

– А я думал, что членства в учреждённом королевой совете «Маленькой чернильницы», достаточно, для того чтобы добиться принятия любых решений. – Посмотрев в сторону, занявшей своё коронное место Марии Медичи, Генрих уклончиво задался вопросом.

– Ну, в данном вопросе последнее слово всегда за королём. – Заметил маркиз Досада.

– Но они же этого и добивались, чего им ещё надо. – Генрих не сдержался и позволил себе острые намёки в сторону короля. Правда, Генрих быстро спохватывается и сразу же внимательно смотрит на маркиза, для того чтобы поймать того на его возможном подломе замысли на счёт им сказанного. Но маркиз быстро сообразил, что при таких слишком вольно трактуемых словах Генриха, ни при каких злодейских видах и действиях Генриха, нельзя выказывать заинтересованность, а вот показать свою отвлечённую глухоту – в самый раз. С чем маркиз увлечённо уставился, на не находящую себе места мадам де Ажур, которая можно сказать, уже разрывалась между этими своими, слишком уж увлечёнными поклонниками.

И, конечно, когда маркиз Досада вновь обратил свой взор на мадам де Ажур, то она, как требовательная к себе придворная дама, не смогла не возмутиться такой слишком много себе позволительной вольности маркиза Досада, которому и повода не давалось, чтобы так долго смотреть, и мадам де Ажур, громко заявив: «Но до чего же это невыносимо», – встаёт со своего места и, бросив на маркиза свой не выносящий бездействия взгляд, направилась к выходу из зала.

Маркиз же тем временем, выждав время, когда подозрительность Генриха, успокоившись, затаится, повернулся к нему и продолжил разговор.

– Отец иезуит Коттон, дальше посокрушался над нынешней молодёжью, у которой можно сказать, всё есть, а вот такой самой малости, как орденского признания нет. А будь это признание, то и он бы со своей стороны не поскупился, уже для своего собственного признания заслуг того, кто помог бы ему в этом деликатном деле. – Сказав, маркиз Досада уставился на Генриха, в ожидании, чего он решит надумать. И Генрих надумал – удивиться.

– Удивляешь ты меня. И как это ты всё так быстро успеваешь делать – скоро войти в доверие и так же скоро из него выйти? – прищурился, с усмешкой задался вопросом Генрих.

– Кто-то же должен быть мостиком между людьми. Ну а дальше всё зависит от их устойчивости хождения по этому мостику. – Теперь уже маркиз хитро улыбнулся в ответ.

– Ладно, давай ближе к делу. – Придвинувшись к маркизу, тихо проговорил этот, своеобразно интерпретирующий свои же слова, Генрих. – Что требуется для того чтобы оказать помощь отцу иезуиту Коттону? – спросил Генрих.

– Вызвать заинтересовать секретаря, обратить внимание канцлера и самая малость – освободить место в ордене. – Ещё тише, так, чтобы ни одно слово не вышло за пределы ушей Генриха, проговорил маркиз.

– Хм. – Задумался Генрих. – А ты ему сказал, что это дело не только затратное, но и сопровождается немалыми рисками для репутации? – сурово посмотрев на маркиза, сказал Генрих.

– Я позволил себе предугадать ваш вопрос и выразить полное согласие с ним. – Сказал маркиз, вытащив из камзола кошель, туго набитый чем-то таким, что однозначно сбивает с истинного пути любого близкого к банкротству вельможу. Что заставляет Генриха на время забыть, поглядывая на этот, много чего несущего в себе кошель. Ну а кошель, эта такая, любящая своей оценки вещь, что непременно должна быть, с помощью парочки бросательных движений, взвешена на руке, а иначе он теряет всю свою ценность.

И, конечно, Генрих, как большой ценитель кошель и их содержимого, такого допустить не мог и не смел, и он быстро, пока это не привлекло лишнего внимания у сидящих вокруг

придворных (у придворных был особенный нюх на золотые монеты, которые в основном и прятались за стенками этих кошель) перехватывает кошель из рук маркиза. Правда, на этот раз, Генрих, по весьма веской причине – присутствия вокруг них большого количества публики, которая обязательно захочет взглянуть на него и ни чем больше кошель, решает, его не подкидывать на руке, а быстро засунув за пазуху, таким образом, через свой сердечный ритм, измерить суммарность кошель.

– Что ж. Почему бы и не помочь, если об этом так уважительно просят. – Сказал Генрих, на чьем лице даже проскользнула улыбка. – Ну и как думаешь, согласие канцлера маркиза де Шатонёф дорого нам обойдется? – уже сурово спросил Генрих маркиза.

– Ведь вы же знаете, что не всё измеряется деньгами, и ваша поддержка и вовремя сказанный дельный совет на Совете, разве не есть достойная награда даже для канцлера. – Сказал маркиз, несказанно удивив Генриха своей бескорыстностью и, заставив его даже испытать потребность проявить дружеское участие к маркизу, похлопав его камзолу, для того чтобы выбить из него пыль. Где он, к своему ещё большему удивлению, обнаруживает, что маркиз, как оказывается, только на словах бессребреник, когда как на самом деле, в потайных местах его камзола, как он сам говорит, по его забывчивости обнаруживается ещё один, не менее, а даже более тугой кошель.

Ну а Генрих, конечно же, не может себе позволить, чтобы маркиз нёс на себе такой груз ответственности (ведь любой тугой кошель, это, прежде всего, ответственность за себя, а не как все, заблуждаясь, думают – возможности), и он в один момент, каблуком своих ботфорт жёсточайше придавливает возможные попытки маркиза потворствовать своему неблагоприятному разумию, и пока маркиз, находясь в придавленном болевом ступоре отвлекся, быстро переключается из его камзола в свой этот найденный кошель.

– Можешь не беспокоиться. Я о нём позабочусь. – Похлопав себя по камзолу, убеждающее сказал Генрих.

– Не сомневаюсь. – Как-то уж дёргано ответил маркиз Досада, что даже можно было подумать, что он как раз очень сильно сомневается в Генрихе и возможно, что даже выражает сильное беспокойство за его судьбу. Но Генрих, почувствовав себя великолепно, уже не обращает внимания на все эти мелочи, когда перед его глазами стоят все эти, нет, не ответственности, а почему-то возможности, которые несут в себе эти тугие кошель. Ну и Генрих, под воздействием близости кошель, даже на одно мгновение задумался о своём безответственном поведении по отношению к содержимому одного из кошель, и пока ещё в мыслях, пожелав пустить пыль в глаза графине де Плезир, которая из-за своего кокетливого поведения и что уж греха таить, сверх мерной привлекательности, давно уже не выходила у него из ума.

Ну а если кто-то или что-то долго не выходит из твоего ума, грозя со временем там поселиться на всю жизнь, то это чревато умопомешательством. Ведь когда в управление той же головой, вмешивается кто-то ещё, то это всегда сбивает с пути и значит, для того чтобы оставаться себе на уме и быть здоровым, нужно непременно освободить свой ум от этой постоянной занятости, в которой замешана эта, очень занятая графиня де Плезир. Так что, все эти, только с первого взгляда кажущиеся безответственными предложения Генриха, на самом деле, несут в себе много здравого смысла.

Правда, наряду, теперь уже понятно, что здравых мыслей Генриха, у него возникло несколько сумасбродных мыслей, где он купит лучшую карету на выход (он не будет, как это делают некоторые весьма неразумные герцоги, покупая пятнадцать карет разом, для того чтобы, выбрав самую быструю, оставив её, остальные потом распродать) и предложит графине воспользоваться его каретой для прогулок. И вот когда она, выразив согласие (в этом Генрих не сомневался), отправится в карете на прогулку, то он, переодев в разбойников своих верных людей, устроит засаду, а вслед и нападение на неё.

Ну, а как только наступит кульминационный момент – разбойники захотят воспользоваться своей добычей, то он... Генрих, увлечшись в своей фантазии, слишком много дал воли рукам главному похитителю графини – самому себе (О Генрихе говорят, что он двуличен. Но он считает это за наветы завистников, которым претит его такая разносторонность). Ну а себя, когда так притягательна и близка цель – графиня де Плезир, куда как сложнее контролировать и остановить, нежели всех этих разбойников стоящих и глазеющих на действия главного разбойника – переодетого Генриха. И, судя по обращённому на главного разбойника трепетному и внимательному взгляду графини, которая и не слишком-то и сопротивляется, то она уже узнала в главном её похитителе – самого Генриха.

Что, между тем в двойне усложняет задачу для Генриха, который, в общем-то, должен был выступить на сцену в качестве спасителя графини, которая, как сейчас выясняется, уже и не ждёт спасения, а выразительно и просто возмутительно для Генриха-спасителя, смотрит в глаза другому – Генриху-разбойнику. И что, спрашивается, в этом случае делать Генриху-спасителю. Не бить же в самом деле самого себя. Да и если рассудить, не впопыхах и здраво, то, пожалуй, у Генриха-разбойника, у которого и людей побольше, и сами они пострашней выглядят в этих разбойничьих нарядах, шансов будет побольше, нежели у Генриха-спасителя. И кто ещё знает этого Генриха-разбойника, не слишком ли он там вжился в роль и не захочет ли дать отпор Генриху-освободителю. Да и к тому же себя бить, скучно и неинтересно, и тогда значит, для того чтобы неповадно было застыть в объятиях Генриха-разбойника, придётся отвесить хороших тумаков этой, забывшей кто ей дал прокатиться карету графине.

Да и к тому же такие обстоятельства дел – с Генрихом-разбойником, не может не учесть уже Генрих Анжуйский, дорожащий не только брильянтами, но и дорогими мехами, где его шкура была самым ценным экземпляром.

«Да и пожалуй быть злодеем куда менее затратно! – убедил себя Генрих, освободитель самого себя от ничего хорошего, а одни только затраты несущих благородных поступков. – А графиня, раз она так любит нежиться и не вырываться из объятий первого встречного разбойника, то при её доходе, меньше, чем мой кучер получает, пусть теперь в наёмной карете ездит или вообще, пешком гуляет. – Генрих мстительно, но с лёгким сожалением графини, посмотрел на её симпатичную шею, которая даже ещё не знала, в какой она опасности находилась под жестоким взглядом и в объятиях Генриха-разбойника. – Есть кто и побогаче, и подостойней. – Приняв решение игнорировать любительницу разбойников – графиню, Генрих перевёл свой взор на герцогиню ля Манж, главное достоинство которой было богатство её покойного герцога мужа, а также преклонный возраст, который становится достоинством в одном только случае – когда сильно преклоняешься перед золотом».

Правда жуткий вид герцогини ля Манж, искусственно приобретенный ею после стольких лет супружества за герцогом, требует не только смелости, но стойкости у смотрящего. А его, ничего не поделаешь, начинает головокружить и подташнивать после долгих смотрин на герцогиню. Ну и Генрих, чувствуя у себя на груди греющие его сердце кошели, решив, что он ещё не в таком бедственном положении, собирается так уж и быть, напоследок бросить свой прощальный взгляд на графиню де Плезир. Ну а та, до чего же натура чувствительная, берёт и своим неожиданным для него поворотом головы, подлавливает обращённый на неё взгляд Генриха. И, конечно, Генрих, как натура, в высшей степени учтивая и всегда, в любом положении замечаящая симпатичных дам, не может через поклон не выразить перед ней своё преклонение и восхищение. На что следует лёгкий кивок графини, отчего Генрих приходит в новое мысленное волнение.

– Теперь я обязан в перерыве к ней подойти и проявить озабоченность её прохладным ко мне отношением. – Генрих даже удивился, как ловко графиня де Плезир, в один брошенный на него взгляд, сумела завладеть его мыслями и временем.

Но, тем не менее, Генрих, несмотря на все эти завлекательные виды графини, всё же терпеть не может любую неблагодарность, и он ещё раз укорив себя за такую доверчивость к графине, уже твёрдо (стараясь не смотреть на неё) решил, что ей не видать, не только новой кареты, но и если она в ближайшее время не одумается, то ей больше не увидать его в привлекательном для неё виде, для чего он, уж расстарается сегодня в трактире у папаши Пуссона. Ну а виды всех этих его вечерних мщений ветреной графине де Плезир, несколько успокоила большого выдумщика и балагура Генриха и он, вернув себе самообладание, посмотрел на прикорнувшего от ожидания его ответа маркиза.

– Хорошо, я всё понял. – Сказал Генрих маркизу, быстро сообразив, чего тот от него ждёт.

– Тогда остаётся самая мелочь. Найти желающего освободить своё место в ордене. – Тихо сказал маркиз.

– Мне, кажется, что как раз с этим возникнут небольшие сложности. Ведь сами желающие, так сказать, не проявляют желания выйти из состава ордена, и сам выход из него, всегда столь для них неожиданно происходит, что они даже не успевают осознать, что произошло. – Сказал Генрих, принявшись разглядывать подходящие кандидатуры для своего выбора.

– Да. Если бы король не ограничил состав ордена в сто дворян, то и сложностей больших не возникло. – Осуждающе покачал головой маркиз.

– А забываться при всех, я бы не советовал. – Заметив это покачивающее осуждение маркиза, Генрих не мог не указать маркизу куда ведут все эти заметные и не только для него, покачивания головой, которые, как раз и провоцируют топор палача, а не как обратно думают заговорщики, что их провоцируют, заявляя, что их не так мыслящие головы, под стать топору.

– А без различного рода сложностей и приличной оплаты бы не было. – Быстро уразумел маркиз, дав новый ответ.

– Ты лучше, мне скажи, на кого нам из кавалеров ордена обратить своё внимание? – посмотрев на маркиза Досада, спросил его Генрих.

– Как насчёт графа сен Жуи? – спросил маркиз.

– А что с ним не так? – сильно заволновался насчёт здоровья графа Генрих.

– Возраст. – Поставил точный диагноз маркиз Досада. Но Генрих, имея полные основания сомневаться, как в маркизе, чьи познания в медицине ограничивались лишь кровопусканием, так и в самом графе сен Жуи, чья злобредность была общеизвестна (он готов сдохнуть, чтобы не сдохнуть и обратно, лишь бы досадить своим наследникам) и, пожалуй, нужно быть очень осторожным оптимистом насчёт него. И только попробуй заикнуться о его здоровье, то этот мнительный граф, тут же воспримет это как явный намёк на неприкрытое ожидание его смерти и будет, несмотря ни на что, ещё сильнее хвататься за соломинку.

– А сколько ему? – спросил маркиза Генрих.

– Трудно сказать, но может даже и все пятьдесят. – Маркиз своими познаниями таких больших цифр, определённо напугал Генриха, чьи познания, всего лишь ограничивались повседневными тратами, которые редко переваливали за цифру «не помню». И, конечно, Генрих понимает творческую натуру маркиза, для которого фантазия есть второе я, но всё же надо и меру знать, и слишком уж не завираться.

– Ну, если ты и не приврал, то мне, кажется, что столько не живут. – С недоверием к маркизу, сказал Генрих.

– А я о чём говорю. – Пожав плечами, согласился маркиз, правда с кем, так и осталось не ясно.

– Нет. От графа с его здоровьем можно ожидать любой подлости. Да и ждать столько, времени у нас нет. – Сделал разумное замечание Генрих.

– Тогда может быть виконт Трофим? – задался вопросом маркиз.

– Ну и чего от него можно ожидать? – спросил Генрих.

– В том-то и дело, что при его образе жизни, от него чего угодно можно ожидать. И он, как человек чести, всегда оправдывает себя и всё то, что от него не только можно, но и даже не ожидалось ожидать, он всегда, оправдывая самые худшие опасения, берёт и предъявляет. – Ответил маркиз.

– Это обнадеживает. – Улыбнувшись, заявляет Генрих.

– Тогда останавливаемся на нём? – спросил маркиз Досада.

– Я думаю, что он всё равно не остановится, так что, если не мы, то кто же. – Усмехнулся Генрих. – Да, кстати, покажи мне нашего виконта. Где он? – бросив ищущий взгляд в зал, спросил маркиза Генрих.

– Да вон тот несносный в синем камзоле офицер, который, бравирюя придворным мнением, имеет наглость на глазах барона де Коньяк пускать шуточки его баронессе де Коньяк. – Кивнув по направлению левой стены зала, где свои места занимала эта троица, сказал маркиз Досада.

– Так вот это кто? – удивлённо, с долей восхищения сказал Генрих, с завистью посмотрев на виконта Трофима, с его выдающейся невозмутимостью, с которой он, не смотря на осуждающие взгляды придворных, тревожные шушуканья благопристойных дам и их злобные постукивания веерами по кончикам своих носов, что говорит о крайней степени их раздражения, продолжал громче и веселее, чем требует этикет, веселить баронессу.

– Виконт. – Попыталась остановить шутливость виконта баронесса де Коньяк и, засмуцавшись, не зная куда девать руки, легонько ударила виконта по его рукам, которые слишком уж задумчиво рядом с ней лежат и явно что-то замышляют (а это значит, их нужно предостеречь от необдуманных действий). – Я от ваших шуток уже и не знаю куда деваться. – С дрожью в голосе опустив глаза, проговорила баронесса, подвергая сообразительность виконта на умственные испытания. – Я уже почти в краску впала. – Сказала баронесса, прикрывшись веером.

– С этого момента вы можете быть со мною на ты. – Сказал виконт Трофим, своим немигающим взглядом продавливая в баронессе нужные для себя решения.

– О боже, виконт. Это уже слишком даже для вас. Вы просто, ситуан. – Сказала баронесса и чтобы сбить виконта с его пылкою пути, ещё раз ударила его веером по носу. И хотя для виконта Трофима любая близость к баронессе, потому что она баронесса, а не барон, по нраву, всё же ему не совсем понятны все эти её словесные выверты, которые и не поймёшь, куда ведут. Хотя её намёк на то, что она не знает куда деваться, наводит на благостную для него мысль, что она смирилась с неизбежным и только ждёт подходящего момента, чтобы куда-нибудь с ним деваться. А вот эта отвечающая помыслам виконта мысль, заставляет его благожелательно посмотреть на баронессу, и с меньшей, до степени ненависти благожелательностью взглянуть на сидящего по другую сторону от баронессы, её, давно уже глухого к желаниям баронессы барона де Коньяк.

«Вот же какой хитрец. – Рассудил виконт Трофим, глядя на барона. – Закрыв глаза, как будто бы спит, а сам между тем подслушивает и мотает всё на свой, уже белый от старости ус. – Виконт до того озлился на эту старую лису – барона, что даже еле сдержался от того, чтобы своей шпагой сбить с него парик. – А я теперь из принципа, соблазню баронессу, чтобы тебе неповадно было не спать и всё подслушивать. – Придя к этому своему мстительному решению, виконт Трофим, вернулся к баронессе и принялся соображать, куда бы с ней, пока барон спит, можно было деваться».

Ну а так как виконт Трофим был не просто виконт, а виконт с претензиями на оригинальность, то и его предложения всегда были столь же необычны. К тому же виконт Трофим всегда находился на острие всех модных тенденций, так сказать, являлся тем, кто определяет саму придворную моду и значит, он не имел никакого морального и какого другого, которое придёт на ум права, быть банальным. И он, чтобы не прослыть презируемым в его кругах «деревен-

щиной», всегда должен был проявлять изысканность во всём. А это значит, что его предложения к баронессе должны были источать свежесть идей и звучать настолько комбинационно и витиевато, что сама баронесса, одновременно понимая, о чём идёт речь, в тоже время ничего не могла толком понять, о чём он говорит и главное, почему она пришла к подобному своему заключению. И если уж виконт Трофим что-то предлагал, то баронесса не только бы не знала куда деваться (пойти в шкаф), но уже только от одного его предложения, была бы загнана, для начала хотя бы в какой-нибудь умственный и главное – безнравственный тупик (а не как «деревенщина» подумала – угол).

И виконт, воспользовавшись небольшим отвлечением баронессы, быстро достал из кармана зёрнышки аниса и незаметно для неё отправил их в рот. После чего виконт Трофим делает загадочное лицо и таинственно шепчет баронессе:

– Баронесса. – Тихая таинственность, прозвучавшая в первом слове-обращении виконта и последовавшая за ним интригующая пауза, заставляет баронессу наострить ушки и максимально близко приблизиться к виконту. – Знаете, что я вам скажу. – А последовавший после этих загадочных слов виконта его ароматный анисовый выдох (новый писк моды – свежесть дыхания, которым придворные франты, сбивали с толку и прямого пути дам) прямо в нос баронессе, заставил её в изумлении ахнуть от таких его, аж, дух захватывает, что за аргументацией. Ведь на баронессу, не то чтобы никогда (в этом она никогда не признается), а просто ей, до забывчивости слишком давно, так близко в лицо не дышали. Что заставляет её нервничать и больше чем требует этикет, волноваться. И находясь в таком смятении, баронесса, потеряв дар речи, теперь и не знала, как реагировать на этот дезориентирующий подход виконта, которому только этого и надо было.

Пока же виконт с баронессой, таким образом не могли надышаться друг другом, барон Коньяк, тем временем внешне демонстрируя все признаки своего сонного удовольствия – сладкость лица, лёгкое похрапывание и покачивание головой, в тоже время, как и подозревал виконт, тоже не мог надышаться своей ненавистью к виконту, за которым он наблюдал сквозь свой прищуренный глаз. При этом, пока всё не раскрылось и виконт в ответ на выдвинутые бароном претензии на не достойное поведение виконта по отношению к нему, не смог парировал, заявив, что барон сам своим сладким сном, ясно, что с такими же сновидениями, провоцировал его на поступки, надо всё это предварить объяснить и главное, утверждающе заметить, что барон де Коньяк в своих сонных действиях не своевольничал по отношению к дворцовому этикету.

А просто он по мере обретения своего степенного возраста, через него смог добиться некоторой придворной снисходительности к своему образу поведения, где ему время от времени, пока не смотрит король, позволялось подремать, к чему он немедленно приступал, как только занимал своё место. Что, несомненно нравилось его молодой баронессе, которая бесконечно была ему благодарна за такой недостаток внимания к ней, чем она и пользовалась, пускаясь в различные любовные приключения. К тому же барон был не такой уж и скряга, и он был не прочь разделить с баронессой все те подношения, на которые не скупилась добывающиеся благосклонности баронессы, увлечённые любовью вельможи.

Вот только этот виконт Трофим, при первом взгляде на него барона де Коньяк, которому второго взгляда не нужно было, чтобы уже знать на что способен претендент на благосклонность баронессы, сразу же вызвал большие подозрения на его не просто мелочность, а пустоту и пыль в карманах. Ну а когда виконт Трофим принялся до коликов в животе шутить, отчего барон, будучи, как и думал виконт, начеку, чуть себя не выдал от смеха, шмыгнув носом, то барон окончательно понял, что тот может лишь накормить, только одними обещаниями или на крайний случай этими коликами. Что, естественно, не может устроить барона, чей аппетит, не смотря на его почтенный возраст, проявляет свою от него независимость и всегда в пол-

ную силу готов себя проявить за столом. И барон, просыпаясь, решительно пресекает этот, ни к чему для него хорошего не ведущему разговор.

Ну а раз так, то виконт Трофим знает не только одних баронесс, ему даже и герцогини оказывали честь своим поклоном, и виконт, сославшись на крайнюю необходимость выйти, к неудовольствию баронессы, откланялся и покинул зал. Что (эта частота выходов), между тем начинает замечаться и волновать заговорщицки настроенные умы придворных, увидевших в этих выходах свою последовательную цепь событий, которая пока они здесь сидят, может привести, кто знает, к какому повороту или даже к перевороту. После которого, им уже не усидеть вот так просто на месте и придётся крутиться. И кто знает, за кого их посчитают, после, даже и неважно, удачного или наоборот провального переворота. И уже стоя на коленях на плахе, времени объясняться не будет, почему ты не взял позывам своего героического духа и не присоединился к заговорщикам, а придавленный взглядом супруги, продолжал смиренно восседать на стуле.

Чего не скажешь о Генрихе Анжуйском, который проследив за виконтом, перевёл свой взгляд на маркиза Досада и, хитро подмигнув ему, сказал:

– Как в своё историческое время говорил другой Катон: «Carthago delenda est». – Что вызывает у маркиза одно лишь бессмысленное недоумение. И Генрих, заметив по непонимающему лицу маркиза, что он не убедил его этой фразой и так уж и быть, решает дать ему перевод и только пусть попробует маркиз после перевода не убедиться.

– Карфаген должен быть разрушен. Ты понял меня? – Генрих мог бы и не спрашивать, когда его требовательный взгляд, говорит сам за себя. И хотя маркиз находился на перепутье мыслей, которые никогда не заглядывали так далеко, он всё-таки решил, что требования Генриха к отцу иезуиту Коттону, вполне уместны и если он зажмёт этот замок Карфаген, то ему в нём точно не жить. И маркиз, придя к такому решению, согласно кивнув Генриху, тем спас себя от участи Карфагена. Генрих же, не нуждаясь в попутчиках, оставляет маркиза, и к окончательному умственному столпотворению придворных вельмож, которые уже совершенно запутались и не понимали, что там за пределами зала происходит, неспешным шагом выходит из зала.

Глава 3

Акт II. Действующие и всё больше задействованные лица

– А ведь со сцены, как оказывается, можно гораздо больше увидеть и заметить, чем, не находясь на ней. – Размышлял король Луи, глядя через кусочек открытого пространства занавеса, со своего сценарного места – у входа в грот горы, в зал, где пока он готовился к выходу на сцену, начались свои независимые от происходящего на сцене движения ног, голов и мыслей. А ведь король, не только догадывался, а давно уже подозревал, что стоит ему только своим отсутствием ослабить внимание и контроль за своими придворными, как они, выждав для приличия время, не преминут начать вносить в свои ряды и головы беспокойство. И ладно бы если это беспокойство относилось к королю, но нет, их в последнюю очередь беспокоит сам король, а вот кто за время его совсем чуть-чуть отсутствия, имеет больше всех прав и обладает соответствующим своему праву высокомерием, а также обозначен титулами и властью, то вот это их как раз неизменно беспокоит.

– И кто же? – вспыхнув от второй части своего вопроса (если не я), который он даже в уме не осмелился произнести, Луи-до чего же справедливый, бросил свой пронизательный взгляд в зал. Где сразу же натолкнулся на вызов стоящий в глазах сидящей в первом ряду по центру своей матушки Марии Медичи, рядом с которой своё бессменное место занимал этот ненавистный Кончини.

– Вот кто считает, что знает ответ на этот мой вопрос. – С беспокойством для себя, король заметил, что стоило ему посмотреть на свою матушку, то в тот же момент, у то же, как и он, всё приметливого Кончини, нашлось, что сказать ей на ушко. – Наверняка, смеётся надо мной и выражает жалость и обеспокоенность, что для выражения своего восхищения игрой актёров, нельзя использовать гнилые помидоры и тухлые яйца. Вот бы тогда он, прикинув, кто на что горазд, метким броском, должно бы оценил актёрскую игру (и король даже знает, кого бы Кончини особо отметил).

Но не успевает король в полной мере насладиться мстительной изобретательностью Кончини, как со своего места поднимается герцог де Гиз – так часто замеченный в выражении своих верноподданнических чувств к нему, что даже до убеждённости не верится. И хотя все эти заверения верности и братской дружбы де Гиза, король воспринимал, как дань этикету, словоохотливости и коварности герцога, всё же король прямо сейчас не ожидал от него такого, и оглянуться не успел, открытого вероломства.

– Он что себе позволяет? – вновь вскипел король, глядя на де Гиза, который даже и не соизволил посмотреть на сцену, где может быть уже король появился, а повернувшись к сцене боком, приготовился покинуть зал. – Не смотреть! – а вот этот ответ на свой же вопрос, ввёл короля уже в свой умственный ступор, где он в своём ответе и увидел всю огромную глубину смыслов. Так его ответ на то, что позволял себе делать герцог, в то же самое время служил своим ответом для короля, который, не закрывая глаза, а просто не смотря на все эти проступки своих вельмож, таким показательным пренебрежением к ним, мог бы продемонстрировать своё царственное величие.

А ведь король в своей постановке не случайно избрал роль демона огня: огонь и очищает нечистое, сжигает врагов, и отделяет ценные металлы от материй менее богатых, и как огонь самый высший из элементов, так и король высший над народом. Поэтому-то весь его костюм был покрыт языками пламени и «эти языки пламени были столь искусно выполнены и эмалированы», что «само пламя, казалось, пылало ярче от них, поскольку свет огромного множества факелов был направлен вверх».

– Ну смотри, не обожгись. – Смотря на герцога, король мстительно подул на свой костюм, тем самым, вызвав трепет одного из языков пламени. – Одного дуновения будет мало, чтобы сжечь всех этих изменников. – Уже переведя взгляд на Кончини, подумал король. Но поднявшийся в зале шум, вызванный хромотой герцога де Гиза, заставил короля вновь вернуться к нему.

– А это ещё что значит? – похолодев от страха, задался вопросом король. – Да как это понимать и вообще, что он себе позволяет? – чем больше возникало у короля вопросов, тем меньше он что-либо понимал. Что заставляет его перенаправить свой ищущий взгляд в глубину сцены, где присутствующая стража немного успокаивает его и король, заметив своего посыльного Тужура, в один внимательный взгляд подзывает его и, схватив за ухо, в один момент приближает к себе.

И хотя такая близость к королю, может лишь только в самых блистательных снах сниться и то, только избранным, она между тем, почему-то не вызывает на лице Тужура того восторженного благоговения, который должен испытать каждый, кому выпало счастье прикоснуться к его величию. В чём или в ком, где вернее первое (в Тужуре), опять же видится его непреходимая дремучесть, которая не позволяет этому несознательному Тужуру, оценить всех ценностей этих взаимоотношений, где он вначале видит лишь одно, а следом другое – оттянутые свои уши.

И Тужур ещё смеет дерзить (опять же в кругу своих собутыльников), заявляя: «Век бы не видал!», – после чего он, запнувшись на внимающих ему ещё трезвых лицах собутыльников, понимает, что эти глаза напротив, ещё не готовы к откровению, очень своевременно (а то месье

Помуж, неожиданно вдруг вспомнил о том, что он забыл, и было собрался выйти из их круга; а куда он собрался, Тужуру и догадываться не надо) добавив слово, уточнил Тужур.

– Век бы не видал своих ушей! – пощёлкав по своим ушам пальцем, сказал Тужур, с прищуром посмотрел на месье Помужа, вновь забывшего то, что он буквально недавно вспомнил. Правда месье Помуж, по исходящим от Тужура вкусным запахам, всегда помнил об усталости Тужура от двора и он, не обладая такой привередливостью Тужура, готов был хоть сейчас вместо него подвергнуть свой зад и уши такому испытанию. Ну а для этого, от месье Помужа требовалось всего-то наступить себе на горло и поменьше пить. Что, конечно, можно сделать, но при всех требовательных склонностях месье Помужа, чьей визитной карточкой был его красный нос, было совершенно невозможно требовать. Что, отлично знал Тужур, который коварно используя все эти знания, совершенно не давал просыху горлу месье Помужа, который, конечно, и хотел задать наводящие на заговорщицкие цели вопросы, но в виду предусмотрительности Тужура просто не успевал этого сделать, раз за разом, окуная свой нос в поднесённую Тужуром чашку вина.

– А, впрочем, зачем мне подставлять свой зад, хоть и самому королю, когда подставляющий ему зад Тужур, и так меня отлично поит. – Похвалив себя за свою рассудительность, месье Тужур решил стать самым верным другом для Тужура, и если что, прерывать Тужура на лишнем полуслове, а также ограничить его от близости этих прихлебателей и окружающих его заговорщиков, которым только дай повод, то они быстро понесут это лишнее, с пьяни сказанное слово, туда, куда не нужно Тужуру совсем.

– И представляете, что он мне сказал? – Тужур многозначительно поднял палец к небу, чем вызвал частичное затмение в головах своих близких по чарке вина товарищей, устремивших свой взор вслед за его пальцем в потолок. Но, не дожидаясь когда у себя голова закружится от всех этих потолочных видений, находящийся на своём чеку месье Помуж, так и не найдя, в отличие от пары его товарищей, уже грохнувшихся под стол, на потолке для себя вразумлений, быстро возвращается с небес на землю и не даёт сказать Тужуру слова, провоцирующего на действия его ещё могущих слышать товарищей.

– И знать не хотим! – ударив по столу кулаком, от имени всех дерзновенно заявляет месье Помуж. Что, конечно, вызывает искреннее удивление у собутыльников Помужа, не помнивших того, когда это они наделяли этого Помужа полномочиями говорить за всех. Да и самому Тужуру, уже слепому от своих чрезмерных возлияний, и совершенно невидящему в этих хитроумных действиях Помужа его помощи в том, чтобы не дать Тужуру возможности сболтнуть лишнее слово, видится только завистливость Помужа, к заду которого ещё никогда не прикасался носок ботфорт его величества. Ну и конечно, такое единение мыслей и цели, вскоре выходит боком месье Помужу, который между тем, несмотря на то, что он после нравоучительных маканий его носом в пол, ничего видеть не мог, всё же добился своего, и Тужур в этот вечер, так и не смог рассказать, куда его послал король.

– А-ну. Мигом лети и узнай мне, что там случилось с герцогом! – поддав ногой под зад Тужуру, отправил его за ответами король (а это значит, быстрыми и обдуманно). Ну а что же Тужур? Ну а ему не в первый раз получать такие дельные королевские указания, которые и говорить не надо, что выполнялись им на один щелчок другому, чуть поменьше рангом слуге.

К тому же Тужур знал все ходы и выходы дворца, а также всю придворную кухню, со своей негласной иерархией среди слуг, где от титульности и влияния придворного вельможи, зависела влияние самого его слуги, который иногда был куда влиятельней, нежели какой-нибудь барон или тот же виконт без дохода и связей, так что, никто во дворце, кроме него (Тужура), не смог бы лучше справиться с поручением короля. А всё потому, что Тужур, находясь на вершине иерархической лестницы среди слуг, имел куда более широкие возможности и полномочия для исполнения поручений своего соверена – короля, и поэтому, он мог уже сам

поддать кому-нибудь под зад, для того чтобы таким скорым образом, выполнить поручение короля.

Так вновь задетый за живое королём Тужур, в свою очередь, хотел тотчас проделать тоже самое с чьей-нибудь первой же попавшейся головой или задом, если бы он по выходу от короля, сразу же наткнулся на эти услужливые лица, но к своему ещё большему ожесточению, к этим отбившихся от его рук и до дерзости нерасторопных слуг, по выходу от короля, никто из них не оказался им встреченными. И оказавшемуся в вынужденном простое Тужуру, пришлось даже задуматься над таким своим одиноким положением, которое определённо оказалось сродни королевскому. Ну а когда слуга начинает задумываться и в особенности над своим, как оказывается, полным подчинения положением, которое его и без лишних задумчивых дел, по большому счёту, относительно своего хозяина не устраивало, то тут уж ничего хорошего не жди.

– Королевское постоянство, это, конечно, признак хорошего здоровья государства. – Потирая свой зад, Тужур принялся размышлять над своей любимой темой, им в кулуарах написанного, трактата «Государство и я». – Но когда ты слишком часто повторяешься и повторяешься (Тужур в пику королю, решил таким образом его подразнить), то это может так далеко зайти, что могут возникнуть ненужные инсинуации (Тужур, когда особенно злился на короля, то всегда употреблял незнакомые и очень мудрёные слова, о значении которых даже сам король не мог знать, а он и подавно) и вопросы. Как у меня сейчас (Тужур в деле спросить и вопрошать, всегда опережал всех во дворце). А не заболел ли или того больше, не постиг ли случайно короля склероз, раз он в своих поступках, так часто повторяется. Ведь, так поглядишь, то он со временем всё больше забываясь, начнёт два дня кряду носить один и тот же камзол, и что спрашивается, обо всём этом думать и как реагировать первым модникам двора, которые всегда ориентируются на короля. Да уж. Такие вещи далеко могут завести. – Тужур, будучи большим модником, с прискорбием посмотрел на свой, давно уже не менянный костюм, и в знак несогласия с такой возможной политикой короля, даже кощунственно покачал своей головой.

И хорошо, что ещё вокруг никого не было, а иначе бы все эти дворцовые подсиделы тёплых мест, которым дай только повод поинтриговать, тут же бы составили донос (вышел с недовольной физиономией от короля, что уже есть заговор, и не успел дверь закрыть, как начал осуждающе, сами знаете кого, качать головой) и направили бы его к главному распорядителю мест вокруг короля – палачу.

– Но всё же, что всё это значит? Должна же быть всему причина? – Тужур принялся перебирать в уме всё то, что могло спровоцировать короля на такую забывчивость, которая слишком больно отражается на их, в общем-то, очень даже близких взаимоотношениях. – Тут однозначно замешаны королевские враги и они, зная мой неподкупный нрав, скорей всего решили наговорить насчёт меня подозрительных слов королю и тем самым, освободив от меня моё же место, поставить на него своего человека-наушника. – Тужур, аж побелел от злости за такую коварность этих подлых королевских врагов, которые к тому же большие скряги, раз даже не попытались проверить его на неподкупность, а сразу же принялись заговаривать голову королю.

– И точно, уже наговорили. – Сделал нелицеприятный для себя вывод Тужур, после сравнительной оценки королевских поддач себе под зад, где сегодняшним был, если и не особенно жесток, но явно содержал в себе дальний посыл. – И что, я теперь впал в королевскую не милость? – Тужур даже взмок от этого предположения и, упав духом, чтобы не свалиться с ног, облокотился на стенку, где попытался понять – чему такое немилостивое положение вещей, обязывает и наоборот не обязывает.

И первое что пришло на ум Тужуру, так это то, что король своим тронном, можно сказать практически был обязан ему, Тужуру, чьи связи при дворе не только обеспечивали королю крепость его сидения на троне, но и часто срывали различные вражеские замыслы по сверже-

нию короля, который, что за неблагодарная скотина, не только не ценит всех его стараний, но и готов по первому вражескому шепоту, отправить его подальше от себя и может быть даже на кухню.

А там, на кухне, единолично и полновластно правит сверхамбициозный шеф-повар – мэтр Ла-Варенн. «Это моё единоличное королевство и главный здесь, только я!», – Тужур, вспомнив все эти дерзкие бахвальства мэтра Ла-Варенна, теперь пожалел, что заблаговременно не дал о них знать королю. А этот мэтр Ла-Варенн, как все знают, до чего же самолюбивая скотина и он, как только Тужур прибудет на кухню, увидев в Тужуре конкурента, сразу же примется за свои козни и тут же отправит его, не к молодым кухаркам – помогать сбивать масло, а заметив ухоженные руки Тужура, мстительно направит его чистить картошку.

«А ведь, пожалуй, мэтр Ла-Варенн, на всё готов ради достижения своих властных амбиций», – подумал Тужур, вспомнив, как один раз мэтр Ла-Варенн, только ставший шеф-поваром и мэтром, угощая первых из первых слуг, в порыве своих восторженных чувств, не сдержался и, прищурился своим левым глазом, раскрылся, сказав ему, как тогда казалось пустяк, но как сейчас при здравом размышлении и под давлением сложившихся обстоятельств понимается, очень глубокую мысль.

– Одна щепотка перца. – Сказал мэтр Ла-Варенн, приблизив Тужура к своему огромному рту, отчего Тужур вначале даже подумал, что мэтр Ла-Варенн в очередной раз решил выбрать рациональный подход к пище и, перепутав его с поросёнком, решил прямым закусить им. Ведь мэтр Ла-Варенн, весь вечер находясь не в свойственном ему состоянии восторженности, уже не раз проявлял себя с такой экстравагантной стороны, падая головой на стол, для того чтобы не тратить зря время, освобождая руки от их занятости – кружок с вином, таким образом сразу же закусывать. И даже когда мэтр Ла-Варенн смазал своим языком ухо Туружа, то и тогда Тужура ещё не покидала уверенность в точной нацеленности мэтра Ла-Варенна на его ухо, а не на его иносказательность, к которой он, видимо забывшись, и приступил, вкладывая в ухо Тужура свои глубокие мысли.

– Она, как ни одна ложка соли, творит такие чудеса и перевороты в судьбе человека. – Сказал мэтр Ла-Варенн. И Тужур успокоившись за своё ухо, тогда совершенно не придавал никакого значения этим словам мэтра Ла-Варенна, а вот бывший шеф-повар мэтр Ришар, даже не будучи в курсе сказанного мэтром Ла-Варенна, глубоко нырнув головой в кастрюлю с супом, куда его окунули разъярённые, полные горечи придворные вельможи, очень даже придавал. После чего, более всех возмущённый таким самоуправством мэтра Ришара, позволившего себе, не считаясь с мнением королевских особ, мерить по своему вкусу подаваемые Его величеству блюда, просто повар Ла-Варенн, обойдя вначале бездыханное тело мэтра Ришара, а затем испугавшегося ответственности и сглаза Ла-Варенна су-шефа Жан-Батиста, уже сам стал всеми уважаемым мэтром и шеф-поваром Его королевского величества.

А ведь мэтру Ла-Варенну было за что бороться, ведь одна только королевская кухня включала в себя 7 служб, с бесчисленным количеством слуг и финансовых возможностей. Так что, вполне объяснимо, что шеф-повар, если он не хотел чтобы его сварили в кастрюле, должен был держать не только нос по ветру, но и глаза да глаза за своими подчинёнными, у которых не только свои виды на вкусовые качества блюд, но и свои взгляды на своё место на кухне. Ну а мэтр Ла-Варенн, имея подлую привычку судить мир и вместившихся в него людей, исходя из своих склонностей и самого себя, готового на любую подлость, и смотрел на окружающих его поварят в призме своей амбициозной подлости.

«Так вот что всё это значило. – Тужур поразился до чего же хитроумен и изворотлив этот мэтр Ла-Варенн. – Сволочь!», – Посмотрев на свои белые ручки, Тужур не смог стерпеть всех этих диктаторских склонностей мэтра Ла-Варенна, и вознаградил его выразительным словом. После чего решив, что пока он при власти, то непременно нужно будет помучить этого подлого мэтра, придумывая для короля – большого любителя поесть, новомодные блюда.

– И вот только вспомни этого мэтра, так сразу же захотелось есть. – Почувствовав урчание и даже небольшое возмущение в животе, Тужур пришёл ещё к одному для себя выводу – до чего же коварен этот мэтр Ла-Варенн и что с ним так просто на голодный желудок не совладаешь. И кто знает, чью сторону в их противостоянии займёт этот большой гастроном Луи-король? Тужур от этих своих уж больно пропащих мыслей, вновь потерял самообладание и, поддавшись своей нестойкости, присел на корточки. Где бы он и пропал, как сам того хотел в тот момент, если бы его вдруг не осенила много на что открывшая его глаза мысль, и Тужур, восполнившись уверенностью, которую привнесла эта мысль, со зловещим лицом резко поднялся на ноги.

– А ведь король, сам любит, если что готовить. А они, эти подлые завистники, просто меня, все до единого боятся. – Сжав кулаки и, дерзко посмотрев в изображённое на картине величественное лицо Генриха III Тужур, вспомнил своего родственника мэтра Дюпона, по чьей рекомендации, как ошибочно, по мнению Тужура, думал сам Дюпон, и в свою очередь, без-ошибочно думал Тужур, он, Тужур и был приближен к королю.

А ведь при одном только упоминании мэтра Дюпона – придворного зубодёра, в одно мгновение сразу же бледнели лица и седели парики у всех без исключения придворных вельмож. И стоило им только услышать, что мэтр почтил своим присутствием дворец и даже вон там приближается по одному из залов дворца, как величественные лица вельмож и даже принцев крови, у которых при отдалённом звуке шагов мэтра Дюпона стыла кровь в жилах, замирали в своей бледности, а сами они теряли дар речи, оттого, что их зубы сводило от предчувственной боли.

Но если все эти величественные вельможи не могли себе позволить не стойкости и как-то ещё держались на ногах, то дамы, как натуры более чувствительные и в тоже время имеющие наравне с вельможами такое же количество зубов, которыми они пользуются несравнимо больше, нежели эти величественные особы, тут же терялись в себе, и даже себе позволяли неприличия, упав в обморок, где уже терялись в чужих, ниже по титулу руках придворных.

Ну а мэтр Дюпон, несмотря на весь свой зловещий вид, суровость своего взгляда и вызывающий у любого смертного ужас – инструмент у себя саквояже, в противоположность всему этому, имел добродушный вид и до степени весёлости нрав, который и побуждал мэтра Дюпона не проходить мимо придворного, утратившего весёлость и приобретшего бледность лица (а других он на своём жизненном пути, отчего-то, никогда не встречал) и своей какой-нибудь специфической шуткой (а в его устах любая шутка приобретала такой вид) приободрить это невменяемое лицо. И хотя у мэтра Дюпона из всех его попыток развеселить очередное бледное лицо, как правило, ничего не выходило, всё же он, как натура глубоко верующая, не собирався сдаваться, и вновь, и вновь, как говорили за его спиной (сказать что-либо нелицеприятное в лицо мэтру, таких смельчаков во всём королевстве не нашлось бы) придворные – брал в оборот и провоцировал.

– Герцог де Гиз, ваша светлость, отчего вы сегодня столь мрачны? – в поклоне обратился к герцогу де Гизу мэтр Дюпон, чьё появление во дворце не может не вызвать пересудов у лиц близких к деловым кругам, шептания среди односложных дам и конспирологический версий в кругу близкому к короне и власти.

– Мэтр Дюпон, всё же не зря, именно к герцогу де Гизу к самому первому подошёл. – В своих дальних пересудах, сразу же помрачнели близкие к герцогу заговорщицкие лица вельмож.

– Кто-то нашептал королю, что герцог де Гиз держит на короля зуб. И он, таким намёкливым способом, подослав мэтра Дюпона, решил дать понять герцогу, что у него есть действенные и очень болезненные средства против герцога. – Шепотом, практически не раскрывая своего рта, проговорил граф Рокфор. Чем ввёл в размышления стоящих рядом с ним величественные лица вельмож, которые были согласны сами рвать зубы, а вот чтобы рвали им, то

на это они были не согласны и значит, пока их не заметили в этом заговорщицком кругу, то нужно от него отдалиться. Что, вот так прямо, несколько сложно сделать, будучи на прицеле злобного взгляда графа Рокфора, чья шпага, куда ближе находится, чем инструмент мэтра Дюпона.

– Но кто этот проклятый предатель – шептун? – решил возмутиться и чтобы его не зачислили в шептуны, что уже есть большое подозрение на участие в заговоре против заговорщиков, не тихо сказал герцог Монморанси. Ну а такие не завуалированные намёки герцога Монморанси, который, в общем, никогда так далеко не заглядывал на причастность к самой закрытой и ни к кому не лояльной партии шептунов, не могут не встревожить графа Рокфора, который в своём разговоре, хоть и прибегнул к шепоту, но это ещё ничего не значит.

И граф Рокфор, чьё лицо исказила гримаса бешенства, не выдерживает обращённые на него внимательные взгляды окружающих его лиц и в один свой ход наступив на ботфорты герцога Монморанси, который может только похвастаться древностью рода, а вот смелостью – никак, тут же придавливает его ногой и злобным взглядом. После чего граф Рокфор, всем известный не целомудренным и весьма жестоким (с примесью чеснока) к чужим носам запахом изо рта, обдаёт им герцога Монморанси, уже готового впасть хотя бы не в милость того же мэтра Дюпона с его жутким инструментом. Но граф Рокфор разве может вот так просто отпустить оступившегося. И он своим носом, со всей силы воткнувшись герцогу в щёку, начинает жёсткий разговор с герцогом.

Ну, а главное в этом графском жёстком разговоре с герцогом, то это даже не его слова, а сопровождающие его выговор движения графских усов, которые обладая стальной жёсткостью, начинают в такт движению рта графа, резать собою лицо герцога. И герцог Монморанси и рад бы оторвать себя от этой жуткой боли, да только зажатость его ноги в тисках ботфорт графа Рокфора, не дают ему возможности оторваться от этих нестерпимых пыток.

Пока же граф Рокфор таким образом выясняет позицию герцога Монморанси, герцог де Гиз, собравшись с силами (у него почему-то, как только к нему подошёл мэтр Дюпон, сразу же зубы разболелись), выдохнул несколько ответных слов:

– Я бы сказал, не столь, а обычно.

– Ну, вы как всегда насчёт себя скромны. – Отдав поклон, сказал мэтр Дюпон, чей однозначно двусмысленный ответ, заставил герцога де Гиза закипеть от злости на такую изворотливость мысли этого Дюпона, который умеет не только своим инструментом, но и словом, поддеть под самый корень. «Это он на что намекает? – взволновался больше чем положено герцог де Гиз, глядя на отошедшего мэтра Дюпона. – Да я его, его же инструментом, приведу к должной скромности. – Со злости, чуть не сорвал со своего камзола золотую пуговицу герцог».

Пока же герцог де Гиз в своих мыслях воплощал свои самые дикие и извращённые фантазии на счёт мэтра Дюпона, сам мэтр, двигаясь по залу дворца, сквозь расступающиеся перед ним людские скопления, время от времени останавливался, и своим взглядом или словом, в одно своё движение, цеплял терявшихся в себе придворных кавалеров или дам.

– Мадам де Селюжь, вы опять к моим рекомендациям не прислушиваетесь и налегаете на сладкое. – Это новое замечание мэтра Дюпона к окружённой блистательными кавалерами и другого рода офицерами, весьма привлекательной во всех смыслах мадам де Селюжь, в один момент заставляет в онемении застыть эту мадам, оставив ею положенную себе в рот конфету в одном выдавленном положении, за щекой. Ну а такое положение вещей – застывшей в одной позиции недоумения мадам де Селюжь, конфеты во рту и, обнаруживших в таком новом виде мадам де Селюжь особенную привлекательность, замерших в удивительном для себя внимании к ней кавалеров и офицеров, не может не вызвать, как весёлости настроения мэтра Дюпона, так и вопросов у наиболее сообразительных кавалеров, которые увидели в этих словах мэтра Дюпона нечто большее, нежели конфету.

И, конечно, мало кто и в особенности находящийся в этой среде поклонников мадам де Селюжь сам кавалер де Брийон, ожидал от себя такой глупости – идти наперекор мэтру Дюпону, но всё же это случилось и тому были свои веские объяснения. Ведь кавалер де Брийон уже находился на той стадии развития взаимоотношений с мадам де Селюжь, когда он мог назваться счастливымчиком, с верным расчётом на её благосклонность (не зря же она разрешила не прилюдно (что ещё важнее, чем само именование) называть себя «мой сахарок», а он в ответ позволил ей называть себя «моя зефирка»). А такие вещи, так сказать, ко многому обязывают.

Правда при этом, кавалер де Брийон заметил за своим организмом странные тенденции – пока мэтр находился в дальней стороне от них и самим собой вводил в ступор герцогские лица, то у него было много чего сказать в ответ мэтру; и всё это к тому же было обильно смочено в упаковку слюней. Но как только мэтр Дюпон приблизился к ним, то в его горле в один момент вдруг всё пересохло и все подходящие для случая слова, куда-то потерялись. А это, скорее всего медицинский фактор. А раз так, то, пожалуй, с мэтром Дюпон, чьи познания в медицине несколько сильнее, чем у него, будет сложно спорить. Но всё же кавалер де Брийон, чувствуя на себе такой интригующий взгляд мадам де Селюжь, не имел права на сдержанность, и он поэтому, не сдержался и спросил.

– Мэтр Дюпон, не изволите ли вы объяснить. И сказать, на что это вы намекаете? – Обратившись к мэтру, заявил о себе кавалер де Брийон, решив не терпеть со стороны мэтров в свой адрес сладких слов.

– Кавалер де Брийон. Позвольте вас уверить в том, что я никогда не намекаю, а всегда приближаю действительность к значению слов, а не как многие делают, натягивая слова на свершившиеся факты. – Мудрёный ответ мэтра Дюпона мало внёс ясности в понимание кавалером де Брийоном всего ранее сказанного и он, вспыхнув нервностью, даже схватился за рукоятку шпаги, чтобы показать этому мэтру, что с ним шутить не стоит.

– Что это значит? – очень заинтересованно спросил мэтра кавалер де Брийон.

– А то, что я за свои слова всегда отвечаю и могу даже за них зуб дать. – А вот такое использование своего служебного положения в личных целях мэтром, конечно, есть удар под дых, и кавалеру де Брийону, в один зубной болевой момент осознавшему, что против брэнного тела он до сих пор бессилён, пришлось, пока зубы целы, заткнуться и на время придержать свой язык за зубами. Но всё же брошенный кавалером де Брийоном взгляд на мадам де Селюжь, чей сладострастный вид так и взывал кавалера, если он, конечно, не боится потерять зубы, её облизнуть или же в другом, трусливом, с бережным отношением к своим зубам случае, только всего лишь облизнуться, заставил кавалера де Брийона потерять голову и дерзнуть пойти дальше в споре с мэтром Дюпоном.

– Я и смотрю, что королевский двор всё больше превращается в проходной двор. – Свысока сказал мэтру кавалер де Брийон, после того как бросил презрительный взгляд по сторонам большого зала Лувра, где наряду с высокородными вельможами, чуть отстранённо от них, находилась чернь с симптомами золотухи (все знали, что любой король обладал способностью излечивать «золотушных»), призванная на королевское наложение рук.

– Воистину язвы человеческие ничто, в сравнении с коростами духа, от которых никакое королевское наложение рук не спасёт. И только рука палача Гастона, может как-то выправить ситуацию. – Кавалер де Брийон даже вздрогнул от этих, больше хвастливых, нежели не пойми что за слов мэтра Дюпона, который, как все знали, был на одной дружественной ноге (это была такая с дальним прицелом на голову шутка) с главным распорядителем осуждённых на казнь голов – палачом Гастоном. А такие связи, уже никто в королевстве (и даже сам король), покрываясь холодным потом, не смел игнорировать.

Ну а после этих слов мэтра Дюпона, кавалер де Брийон, весь похолодев изнутри, уже и смотреть на мадам де Селюжь, не то чтобы не хотел, а ему просто его голова, в целях своей безопасности, затвердев в шее, не позволяла сделать. К тому же у кавалера также прибавились

и другие ответные симптомы на эти слова мэтра, где самым главным, было бесконечное уважение к мэтру Дюпону, которое можно было прочесть по слёзным глазам кавалера.

Мэтр Дюпон же, заметив, что в очередной раз его слово благоприятно подействовало на строптивного слушателя, который стал смирным, как агнец, решив, что на этом хватит, двинулся дальше, чтобы вносить свой дух веселья и живости во все эти, даже не лица, а маски придворных. Тем более, уже слышались слова короля, возлагающего руки на очередного золотушного.

– Король коснулся тебя. Бог тебя исцелит. – Произнёс король, возложив руки на больного.

«Надо бы королю почаще зазывать во дворец наших скряг-богатеев, чтобы наложив свои руки на их богатства, излечить их от „золотушной“ болезни души», – усмехнувшись, подумал мэтр Дюпон, представив, как упирается ведомый к королю неверующий в такие чудеса процентщик.

– Я вылечу тебя, скряга. – Протягивает ему навстречу руки король.

– Нет, только не это! – крича на весь зал, падает себе в колени процентщик. Но куда ему тягаться с божественной силой короля, подкрепленной желанием величественных придворных герцогов и баронов, чьи состояния и даже камзолы, уже давно заложены у этого бессердечного (а вот они в отличие от него искренне его ненавидят) и не имеющего никакого уважения к титулам, а один лишь холодный расчёт – процентщика, помочь ему и заодно себе излечиться.

– Это! – снимая с руки процентщика перстень, вторит королю его верный до смерти палач Гастон.

– Ладно. Мэтра Дюпона надо попридержать на самый крайний случай. – Поразмыслил Тужур, решив, что слишком далеко зашёл в своих фантазиях и что ему сегодня же необходимо заглянуть на кухню и запастись там сахаром, для того чтобы слегка подсластить жизнь королю. – А сейчас, надо найти, если не самого герцога, то хотя бы тех, кто всегда во власти своей любопытной натуры и знаний обо всём том, что происходит во дворце. – Тужур подумал о проныре виночерпии Сен-Жуке. – Правда, он тот ещё трепло, чему способствует его близость к своей винной службе и ему доверять, себя не уважать.

«Хотя, заглянуть к нему, по крайней мере будет полезно, – решил Тужур, чувствуя, что его нервы сегодня, после всех своих же пересудов и домысливаний, требуют разрядки, которой всегда способствует хорошая чаша вина.

– Так вот почему Сен-Жук, после кувшина вина заручается у всех уважением, где он усиленно, иногда даже с помощью кулаков, требует уважить его или же признать за собой уважение к нему. – Рассудил Тужур, двигаясь через сеть потайных комнат дворца, ключи от которых находились у него, не от всех дверей были в запасе у короля и совсем чуть-чуть – у оберкамергера двора.

И кто ещё знает, кто из всех них знал больше тайных пружин, открывающих все эти потайные дворцовые двери. И если король мог похвастаться лишь только внешним блеском – широтой раскрытия перед ним дверей, то самого Тужура вполне устраивало осознание того, что он всегда мог забыть ключ в другом кармане камзола, и тогда королю пришлось бы довольствоваться проходом через чёрный вход. И пока король, и вся его блистательная свита, обходит своей стороной чёрный вход, он, Тужур, вдруг совершенно случайно, находит потерявшийся в его забывчивой памяти ключ и он в единственном своём лице проходит в зал через парадный вход. И это только одна малая толика его дворцового всемогущества, которое и не снилось всем этим королям, которые только и живут в иллюзии своей врождённой избранности.

– Стоп. А про какого герцога спрашивал король? – Тужур вдруг наткнулся на совсем не ко времени выплывшую из памяти догадку. А вот такого подвоха от короля, Тужур уж точно не ожидал услышать.

– А ведь теперь, и не пойдёшь, и не переспросишь? – Тужур ещё больше озлился на короля за эту его забывчивость и уверенность в его умственных способностях, где он, Тужур,

с полуслова должен был понять, о каком герцоге велась речь. Но всё это ещё можно было простить королю, но то, что из-за его королевской недоговорённости, Тужуру теперь требовалось не беречь свои ноги и возвращаться назад, то вот такого хамства со стороны короля, Тужур, всегда бережно относящийся к любой частички себя, стерпеть не мог.

– Да, как хочешь, думай и, надув свои щёки дуйся, а я ни за что не поверну обратно и не пойду переспрашивать. Тем более, это непозволительно. – Пришёл к непоколебимому решению Тужур, после которого осталась одна малость – выбрать для себя нужного герцога. Что вновь разозлило Тужур, который больше всего ненавидел как раз герцогов за их заспинное носозадирательство перед королём, а значит и перед ним.

– Знаю я всех этих герцогов! – Щёлкнув пальцем по гуляющему вверх-вниз носу Помужа, в очередной раз разъярённо делился своим нетерпением Тужур в кругу своих близких к государственной власти слуг, не просто народа, а самих слуг народа, что бесконечно больше, чем быть просто слугой. Да и к тому же все и так знают, что только король есть единственный человек при дворе, который не является слугой.

– Нет ни одного герцога, который бы не мечтал стать королём. – Громогласно заявил бесстрашный когда выпьет Тужур, пронзительно глядя в маслянистые и явно заговорщицкие глаза слуги герцога де Гиза, и извечного с ним спорщика и супротивника по столу Ля-Пампона. Что на этот раз заставляет Ля-Пампона нервно потупить свой взор в кружку и быстрее обычного утопить своё красноречие в вине. Но товарищей Тужура по столу не провести на такие хитрые уловки и они все до единого поняли, что Ля-Пампон не только подозревает за своим герцогом нечто подобное, но и определённо знает больше, чем надобно для любящего любые излишки палача.

– Он первый заговорщик. – У всех за столом, кроме Ля-Пампона, прояснились мысли насчёт этого хитрющего Ля-Пампона, который всегда умел найти убедительный повод для того чтобы лишнюю чашу вина хлебнуть, с чем он и сейчас отлично справился, создав ситуацию отвода своих глаз от прямых обвинений.

– Но, что же мне делать? – насмеявшись вдоволь над Ла-Пампоном, которого он и сотоварищи, в восторженном угаре, как первого заговорщика (кто первый, перебрав, начинает заговариваться, тот и заговорщик; любимая игра в их круге), закинули в свинарник к своим собратьям (ну и что тут такого, что, вслед за ним в свинарник, последовало ещё несколько нестойких товарищей по кувшину вина), Тужур принялся размышлять о своих дальнейших действиях.

– А что я, собственно, переживаю за этих герцогов. – Тужур даже хмыкнул от этой своей новой порции размышлений. – Это им нужно переживать о том, что я о них доложу королю. Ну, а судя по тому, что все эти герцоги, даже не спешат меня отблагодарив, заверить в своей преданности королю, то пусть потом не обижаются на то, что я о них скажу – не приукрашенную чистую правду о их прижимистости, сутяжничестве, непомерном думаньи только о себе и своём преуспеивании. – Тужур, воспылав праведным гневом и в желании поскорее обличить какого-нибудь герцога, выдвинулся в сторону главного зала, чтобы там свести свои мстительные счёты с первым же попавшимся ему на глаза герцогом.

И, наверное, первому попавшемуся на глаза Тужуру герцогу, не избежать своих репутационных потерь в глазах короля (ими на данный момент выступал Тужур), если бы не закон внутренних дворцовых покоев, где только королевские покои и то за редким исключением, могут оказаться в одиночестве или в единственном числе. А так все попытки встретить придворное или какое-другое лицо в одиночестве, практически всегда были обречены на неудачу. Так и Тужур встретил своего первого попавшегося ему на глаза герцога, не в одиночестве, а сразу же в компании такого же герцога. И этими двоими герцогами были де Гиз и Генрих Анжуйский, чьи воспламенённые ненавистью взгляды, явно говорили о том, что они как всегда что-то или кого-то не поделили. Правда, ответ на эту, в общем-то, не сложную загадку,

нашёлся сразу и вид отдельно стоящей мадам де Ажур, сразу же наводил на свои подходящие моменту мысли.

– А вот это уже интересно. – Заметив всех и в том числе то, что он остался незамеченным, решил таким и оставаться Тужур – большой любитель подглядывать и подслушивать то, что во дворце творится и делается.

– Герцог, не смею вас больше задерживать. – Этим своим, с двойным дном заявлением, с явным намёком на подчинённость существующей государственной иерархии герцога де Гиза, Генрих Анжуйский вызвал у де Гиза нервную судорогу мышц лица, онемение речевого инструмента – языка и блуждание его закружившихся вокруг своей орбитальной оси глаз. А всё потому, что де Гиз оказался застанным врасплох этим, до чего же ловким Генрихом, который всегда умеет появляться очень тихо и в самый, не то чтобы неожиданный, а в очень неудобный, способный многозначительно трактоваться и тем самым скомпрометировать, момент.

Правда, если уж быть не слишком предвзятым к Генриху, что в случае с де Гизом недосяжимо, то один только вид Генриха уже затмевает перед де Гизом все другие лица, и если принять во внимание все те обстоятельства, которые, в общем-то, и послужили всей этой запутанной ситуации, в которой так неожиданно для себя оказался де Гиз, то, пожалуй, де Гиза можно понять. При этом Генрих, был всего лишь её невольным наблюдателем, и скорее неловкость де Гиза, вызванная у него в той же неожиданной манере, появлением перед ним мадам де Ажур и создала предпосылки для такого гневного перехода на титульные личности.

А ведь герцог де Гиз не только никого не звал, как это по своему ошибочному предположению думала мадам де Ажур, но и даже представить себе не мог, что эта его востребованная природным естеством уединённость, по выходу из состояния зависимости от неё и из того места где всё это происходит, вызовет такое встречное, нос к носу внимание у оказавшейся на его пути мадам де Ажур.

Ну а мадам де Ажур скорее всего и сама стала жертвой обстоятельств, сложившихся из её самомнения и своих ошибочных представлений о степени нетерпимости требований к ней де Гиза (при этом нельзя забывать и о Генрихе, чьи многозначные взгляды на мадам де Ажур внесли сумятицу в ход её мыслей). Так она, находясь на перепутье пути, как натура рассудительная, всегда предпочитающая рациональный подход к своим взаимоотношениям с вельможами, решила, что пока от Генриха ясных сигналов не поступило, то в данном случае будет разумно следовать велению своего сердца и по дальним пятам за герцогом де Гизом.

Ну а де Гиз своим, с хромотой ходом, не мог не вызвать у мадам де Ажур множества затрудняющих ход самой её и её мысли вопросов. Где главным из них был – а куда он её интересно ведёт? И чем дальше герцог де Гиз удалялся от главного зала дворца, делая свои, уже становится весьма загадочно и страшно, что за переходы, тем больше мадам де Ажур начала терять уверенность в себе и своей проницательности насчёт герцога.

– Он что там такого удумал, шалун? – первая, содержащая в себе больше флирта, чем вопросительности мысль мадам де Ажур, со временем сменилась на более неприметливую. – Он что, загоняя, уморить меня хочет? – После чего следует ещё несколько изнурительных переходов и в голове мадам де Ажур уже поселяется раздражение. – И вправду говорят, что внешняя хромота есть порождение внутренней хромоты души. – Но герцог де Гиз, как будто и не слышит за своей спиной всех этих стуков – бушующего в негодовании сердца мадам де Ажур, которое сопровождает звучное хлопанье ею дверей, и следует дальше. Где даже, кажется, что он, дабы подразнить мадам де Ажур, забыв про свою хромоту (чему поспособствовала его кратковременная вынужденная остановка, на которой настаивал граф де Шале, отправленный к герцогу группой заговорщиков, для того чтобы убедиться в своей безопасности), ускорил свой шаг и пытался от неё оторваться.

– Ах ты, хромотая кочерга! Значит, вначале решил голову вскружить даме, а теперь удрать задумал. Да ни за что! – заметив все эти скоростные устремления де Гиза, мадам де Ажур,

воспылав ненавистью и в некотором роде безмерным безумством, на которые способны лишь отвергнутые дамы, решив, не смотря ни на что, добиться своего, тоже придала ускорение своему шагу. Что собственно и приводит мадам де Ажур к тому, к чему и должно было привести при её бестактной неосмотрительности – к столкновению с герцогом де Гизом прямо в самых дверях ведущих в отдельные мужские покои.

И если интуиция мадам де Ажур не подвела её насчёт того, в какие двери скрывался впереди идущий герцог, то вот насчёт того – следует ли ей, неразумно пренебрегая собой, незамедлительно и без задержки на раздумывание идти вслед за ним за эти все двери, то она определённо заблуждалась.

Ну а герцог де Гиз, можно сказать опять еле успел и теперь после этого своего – вовремя прибытия, так сказать, вновь воспарил духом и, находясь в полной забывчивости ко всему низменному и мирскому, даже не готовясь (при его-то состоянии и титулах ему всё по плечу), в таком состоянии и выдвинулся на выход из этих внутренних отдельных мужских покоев, где к обоюдной трепетной неожиданности и наткнулся нос к носу с мадам де Ажур. Ну а такая близкая и касательная их носов неожиданность, в тот же момент вызвала у них обоих произвольные сокращения лицевых мышц. В чём, в общем-то, нет ничего предосудительного, если бы не место их нахождения, налагающее на все их действия свой формирующий их должное понимание подтекст.

– Что это всё значит, мадам? – первым своим недовольством разразился герцог де Гиз, заметив все эти носовые морщинистые движения мадам де Ажур, которая не только осмелилась так неожиданно, без предупреждения приблизиться к нему своим длинным носом («Да после такого, меня глядишь, прозовут Его касательство», – даже взмок от своих предположений герцог де Гиз, как никто другой знавший дворец, со своими интригами и злопыхателями, которым только дай повод для выдумок), но ещё при этом демонстративно морща нос, тем самым выказывает претензии к нему. Так что озвученный герцогом вопрос, как продолжение его внутреннего вопроса: «А как это понимать? И что она хочет сказать, что я источаю не запахи благовония, а как у черни, смрадное зловоние?», – не мог не прозвучать в устах герцога, для которого любой намёк на его невыносимость (кроме его политической деятельности) был вызов ему.

Мадам де Ажур тем временем и сама находилась в полной растерянности, и если она и поморщила (спонтанно) свой нос, то ни в коем случае не осуждающе герцога, а лишь в результате реакции на болевое соприкосновение с подбородком де Гиза, который между прочим и сам поморщил свой нос при виде её (а она ведь дама и всякая морщливость в её сторону, не просто неприлична, но и видеть невыносимо).

Ну да ладно и, несмотря на всё это неприемлемое поведение де Гиза по отношению к ней, мадам де Ажур, учитывая морщинистый склад ума герцога и такую же его внешность, которая независимо от желаний своего носителя – герцога, частенько за него выкидывает подобного рода фортели, ещё как-то можно пропустить мимо глаз, но вот эта его вопросительность, где герцог, ясно, что решив переложить на её плечи всю ответственность, взял и таким вопросительным способом попытался выкрутиться из этого неловкого положения, в которое он сам себя и загнал, то это требует для и от неё хоть какого-то ответа.

Но пока мадам де Ажур пыталась сообразить, что ответить, герцог де Гиз, поднаторевший в политических диспутах и спорах, решил не давать времени своему оппоненту на обдумывание ответа и дабы отвести себя от неудобной для себя темы, быстро перевёл всё внимание на оппонента – мадам де Ажур.

– Сударыня! – грозно заявил герцог, пристукнув тростью по полу, чем герцог до дрожи напугал мадам де Ажур, решившей, что следующим действием герцога будет удар этой тростью по её спине. – Вы что, меня преследуете?

– Ваша светлость, я не смею. – Мертвенно побледнев, скорее следуя страху, нежели этикету, присев в поклоне, дрожащим голосом еле проговорила мадам де Ажур. И в этот-то самый кульминационный для мадам де Ажур момент, когда герцог де Гиз уже мог праздновать свою победу и с высоко поднятой головой уже было хотел перешагнуть через мадам де Ажур и пойти дальше, как раз и появился Генрих Анжуйский, чьи поиски виконта Трофима не увенчались успехом и он, натолкнувшись на этот бестактный разговор герцога и мадам де Ажур, конечно, не смог пройти мимо и не вступить за честь угнетённой дамы.

– А я, смею! – как громом среди ясного неба прозвучал голос Генриха Анжуйского, мгновенно вызвавший спазмы в животе де Гиза, который сколько себя помнил, никогда не любил резкие развороты себя и неожиданно прозвучавшие грозные голоса в свою сторону. Правда, герцог де Гиз, по внутреннему своему убеждению, в глазах Генриха не имеет права выказывать даже самую лёгкую озабоченность и он, нахмутив брови, в свою очередь сурово говорит в ответ:

– Герцог. Что вы имеете в виду?

– Герцог, я бы на вашем месте не стал бы увиливать от ответа. Я всё видел. – Туманный ответ Генриха, определённо требовал от де Гиза осмысления им сказанного. Ведь от понимания того, что имел в виду (а де Гиз не имел полнейшего представления о том, о чём вёл речь Генрих) Генрих, зависело очень, очень многое.

«Эта сволочь Генрих, судя по его грозному виду, определённо что-то знает или как минимум догадывается. – Де Гиз, создав образ непробиваемой монолитности, как всегда начал свои размышления с потери собственной самоуверенности. – Но тогда почему, он сказал, что он видел? И что он, собственно, мог видеть? – герцог де Гиз, при этих своих судорожных размышлениях, спонтанно бросил свой взгляд на самую ближайшую свою памятьливость событий – колготы, которые были подвержены некоторому сдвигу со своей изначальной позиции. – Ну нет. Это уж даже для него слишком. Да и невозможно. – Герцог де Гиз, хоть и с сомнением, но отверг эту кощунственную мысль – преследование Генрихом его в этих потаённых покоях.

– Граф де Шале! – Предсказуемо, но почему-то вдруг, озарила догадка герцога де Гиза, сразу же возненавидевшего своих соратников за их трусость и за такую проявленную графом неосторожность – один на один шептаний во дворце, где все знают, что стены умеют слышать и видеть, доказательством чему и выступил Генрих. – Он что, меня под плаху подвести хочет! – у де Гиза вновь по привычке зачесалась шея и ослабли ноги в предчувствии возможных на себя наветов и доносов, от которых одними словами не отговоришься, а вот меч палача в самый раз.

– Да и даже если он ничего не видел и не знает, а только домысливает, то для того чтобы создать интригу и помучить меня, то он никогда не признается в этом. – Герцог де Гиз начинает понимать, что Генрих тот ещё зловредный, полный амбиций герцог, у которого, как оказывается много общего с ним, и он скорей всего ни перед чем не остановится, чтобы принизить его величие. Так что в данном случае есть только один действенный способ противостоять ему – использовать свою глубинную, до степени тупости и непонимания придирчивость ко всему сказанному Генрихом. И раз Генрих такой зреет, то значит, нужно использовать его глухоту, которой подвержены все такого рода неслепцы.

– А я много чего о вас слышал. – Начинает свою словесную, вдавливающую всякий здравый смысл до степени неразумности атаку, герцог де Гиз. – И этого одного хватит, для того чтобы подвергнуть всё вами сказанное, иному осмыслению и истолкованию. – А вот это заявление де Гиза, в некоторой степени, судя по пыланию глаз Генриха, достигло своей цели. Впрочем, Генрих ничего другого, за исключением находчивости де Гиза, не ожидал услышать от своего противника и поэтому ему не потребовалось много времени для того чтобы аргументировано ответить.

– Не мне вам говорить, что при дворе надо обладать огромным здравомыслием и проницательностью, которое есть редкое исключение из общих и, судя по вам и вашим правилам, (герцог де Гиз даже вздрогнул), для того чтобы уметь из всего этого скопища словесных вывертов, домысливаний и пересудов, найти здравую и что главное, правдивую мысль. Так что ваше слышать, для меня ничего не значит. – Сказанное Генрихом, в очередной раз, чуть было не замутило мысли герцога де Гиза, уже было решившегося прямо сейчас использовать свою трость в качестве боевого оружия. И только болевое напоминание его ноги, теперь не такой уверенной в ловкости герцога, который в пылу горячности забудется и перво-наперво возьмётся за неё, удержало герцога в руках. И герцог, только усмехнувшись, заявил:

– Я же в свою очередь, хотел бы вам напомнить, о вашем, не меньше моего знании двора, где разумность и правдивость в речах, всегда была редким явлением при дворе. Да и разве такое несовершенство и по большей части эта скупость слова, может быть прилична при дворе, где только облачённые в интриги и художественные узоры слова, как раз обладают самой широкой гаммой своего применения и они, неся в себе столько много значимости, как раз наиболее и целесообразны в своём применении.

– После ваших слов, я даже и не знаю, как впоследствии воспринимать всё вами сказанное, и на каком умственном наречии с вами говорить, герцог. – Генрих своим словесным дерзновением потряс бороду де Гиза, которая закачалась вслед за его головой, не выдержавшей таких намёкливых оскорблений Генриха.

– Да как вы смеете! – неосознанно сорвался на крик герцог де Гиз, звучно приударив своей тростью по полу. И это, конечно, практически был вызов Генриху. Ведь в этих не сдержанных герцогских словах, не только явно прослеживалось его сомнение насчёт титульного величия Генриха, но что главное, выражалась неуверенность в том, что Генрих обладал храбростью, которая уже по праву его рождения в герцогских яслях, вручалась ему вместе с титулом. И такое оскорбление, само собой смывается только кровью.

Но поднатворевшего в дворцовых интригах Генриха, вот так просто, на какой-то и даже герцогский крик, не сбить с толку, и он определённо видит во всём этом хитрость де Гиза, решившего таких образом спровоцировать его на вызов (а по дуэльному кодексу, выбор оружия на дуэли предоставляется принявшему вызов). «Ну, ты и старая лиса», – ухмыльнулся Генрих про себя, решив не давать возможности на шанс де Гизу. И Генрих вместо того чтобы вспылать яростью и схватить свою... нет, лучше шляпу де Гиза, и натянуть её ему на глаза (если перчатками разбрасываться, то только дырявыми и старыми, а так новые перчатки Генриха, ещё не переступили пору притёртости к его руке, и значит, ещё не имеют права покидать его руку), решил использовать свой любимый в спорах приём – сарказм.

– Ну на этот раз, вы, возможно, из-за своей умственной близости к предмету соударения, не ошиблись. – А уж этот, ещё более дерзкий ответ Генриха, уже требует детализированного, только с вызовом ответа де Гиза, с которым он и не преминул выступить.

– Мне не предстало разбрасываться своей честью, также как и своим временем. И как вы понимаете, что ваши пренебрегающие моей честью слова, я не имею права оставить без ответа. И я требую от вас, либо сейчас же взять свои слова обратно, либо же к завтрашнему в полдню, самому ответить или же найти для себя ответчика. – Грозно заявил герцог де Гиз.

– Я не привык брать свои слова назад. – Заявил в ответ Генрих.

– Тогда я заставлю вас это сделать. – Сказал герцог де Гиз, ещё раз пристукнув тростью об пол. – Так что, ждите моего посыльного.

– Буду ждать. – Сказал Генрих.

– Вот и ждите. – Заявил герцог де Гиз, не терпящий, чтобы последнее слово оставалось за кем-то другим, а не за ним. Но Генрих, по всей видимости, в своих действиях придерживался того же правила и принципа, и он в свою очередь решил, пока не пропускать мимо герцога,

а поставить очень жирную точку в разговоре, где у герцога не было бы другого выхода, как только онеметь от злости.

– Герцог, не смею вас и ваше, тьфу, что за дыхание, больше задерживать. – Хлесткий ответ Генриха, мгновенно заставил герцога де Гиза побагроветь и задохнуться от возмущения на такую запредельную наглость Генриха (что и требовалось им доказать). И ведь до чего же хитроумен этот Генрих, раз учёл все последствия сказанного собою, где де Гиз, после его слов полностью растерялся и не знал как реагировать на эти его возмутительные слова.

Где первое, что должен был сделать герцог, так это выхватить шпагу и проткнуть этого наглеца Генриха, посмевшего указать ему герцогу его вассальность перед ним. Но для этого герцогу, прежде всего, необходимо было попробовать, либо выдохнуть или бы вдохнуть, что было затруднительно сделать, в виду всего сказанного Генрихом, который, так сказать, как бы позволил ему герцогу де Гизу, не задерживать своё дыхание. И если бы герцог де Геиз, принялся прямо сейчас вдыхать, как он всегда не задумываясь делал, то он тем самым подтвердил бы верность слов Генриха о его вассальности ему, а этого он никак стерпеть не мог. С другой же стороны, он и не дышать долго не мог, что вело к головокружению и ещё большей путанности мыслей. Чему конца и края не было, и кто бы знал, чем бы все эти мудрствования де Гиза закончились, если бы его рассудок окончательно не помутнел, и он не очнулся в руках мадам де Ажур, вовремя подставившей себя и свои руки герцогу де Гизу, падающему в обморок от этого своего задумчивого волнения.

– Что ж, теперь насчёт выбора герцогов большого разночтения не возникнет. – Двигаясь в обратном направлении – к королю, удовлетворённо размышлял Тужур, которому теперь не нужно было ломать голову, выбирая для себя того герцога, насчёт которого требовалось доложить королю.

– Да, для меня, все эти герцоги на одно титульное лицо. – Тужур, как правило, в своей запальчивости частенько переходил на личности, и в ответ на презрительный деспотизм взгляда какого-нибудь герцога, который, давая ему поручения (как он смел!), в упор его не видел, не давал спуска герцогу и выразительно смотрел ему в его подбородок. После чего, соответственно своему настроению и несколько обидчивому характеру, несмотря на все титулы и регалии герцога, начинал выводить нелицеприятные характеристики этому герцогскому лицу. Ну а такое мстительное времяпровождение, определённо нравилось Тужур, который можно сказать, за этим занятием всё забывал, и только грозный окрик короля, мог привести в сознание Тужура, успевшего за это своё задумчивое время, ни одну шпагу и палку об очередную герцогскую физиономию обломать.

Что и на этот раз не стало и исключением и, Тужур забыв обо всём, полный мысленного драматизма к титульным особам и сам не заметил того, как оказался перед лицом короля, который, между прочим, только из-за него и не давал команды для начала балета.

– Ну что, как баран на новые ворота уставился на меня. – Нервно заявил король глядя на Тужура, чей невменяемый вид (король не смел даже подумать, что у слуг могут быть мысли, и поэтому его задумчивость вида, трактовалась так произвольно) сразу не понравился ему и вызвал глубокую взволнованность. – Говори уже, чего он удумал. – Ну а резкий переход Тужура из своей задумчивости в эту реальность, где на него обрушилось сразу столько вопросов от короля, конечно же, не может не разориентировать его, и сразу же заставить его, уже задаться своим вопросом – к чему или по поводу кого, король так вдруг распалился?

«Это, конечно, всё верно. И то, что король отдаёт должное моему уму, вполне разумно. Но всё-таки, это уж слишком во всём полагаться на мою проницательность». – Тужур в таком своём состоянии мог только так рассудить, после чего он даже позволил себе забыть и покачать головой, снисходительно глядя на этого, целиком от него зависящего короля. Ну а такое дерзновенное покачивание головой Тужура или вообще слуги, осмелившегося указать на наличие у себя шеи, а значит своего мнения (а это страшное преступление в глазах короля, в присут-

ствии которого не может быть иного мнения, кроме его), может говорить только об одном – ему королю грозит огромная опасность и что теперь ему, пожалуй, прежде чем указывать на свою самостоятельность, нужно семь раз подумать или отмерить. И качать или не дай боже крутить головой, уже может быть отныне не его прерогатива.

Между тем Тужур вспомнив, что от него требовал король, уже было приготовился дать подробный отчёт насчёт того, что там с герцогом де Гизом стряслось, как вдруг понял, что он за всем этим разбором выбора герцога и забыл о том, зачем его посылали. Ну а эти и, в общем, все герцоги, определённо питая к Тужуру недружественные чувства, в очередной раз ввели его в заблуждение и, обрадовав, что ему не нужно теперь делать между ними выбор, тем самым заставили его обо всём забыть. Что в одно мгновение заставляет Тужура явственно побледнеть. Ну а такие цветовые изменения лица Тужура быстро примечаются королём, который и сам начинает, потирая свою шею, бледнеть от своих новых и старых домысливаний. После чего король не выдерживает всех своих на счёт себя и своей будущности тягостных мыслей, сделав резкий шаг в сторону Тужура, зловеще, то есть тихо, с баритональными нотками в голосе, спрашивает его:

– Говори всё как на духу. Герцог надумал мне изменить?

И хотя страшный голос короля должен был вызвать волнение и трепет в душе Тужура, всё же он, что за бесчувственная скотина, не только не посочувствовал королю, а скорее даже усмехнулся, и хорошо, что только про себя. Где он (про себя), всегда позволяя себе не просто лишнее, но и всё то, что захочет, и сейчас в эти минуты когда король пребывает в огромном насчёт себя сомнении, вместо того чтобы сразу поддержать его, принялся насмехаться над ним. «Да ты меня просто удивляешь. Ха-ха. И когда это герцог де Гиз о чём-нибудь другом, кроме этого думал. Да ведь об этом во всём дворце, всем до единого, включая глухого кравчего Селюка, известно». – Глядя на внимающего ему короля, который только и ждал, когда он Тужур даст ответ, рассуждал Тужур.

«Подразнить, что ли его? – непроизвольно нахмутив свои брови, Тужур заставил вздрогнуть короля от предчувствия неизбежности своей судьбы, которая в данный момент зависела от того, что скажет Тужур. – Ладно уж, разжалобил ты меня, и я, так и быть, пожалею твою королевскую особу. Эх, как вы короли жили бы без нас», – Тужур больше, конечно, переживая за судьбу государства, а не за личность короля, глубоко вздохнул и, решив не расшатывать государственные устои, дал свой глубокомысленный (что за вредный характер) ответ:

– Да с кем этот герцог, может вам изменить-то?

А вот этот, с долей вопросительности ответ Тужура, оказался для короля куда более действенным, нежели бы, если он сказал, что герцог ни о чём таком не помышляет и что он всегда, в своей специфической герцогской манере, верен короне, что было бы откровенным враньём.

«И вправду, а с кем этот (если король был в крайней степени раздражён, то он таким обезличенным словом, подчёркивал свою немилость к тому или иному вельможе) герцог, может мне изменить. Да и если навскидку припомнить весь его родственный и другой, какой круг, то там ни одного симпатичного лица не увидишь, а только одно вырождение рода и просматривается. Ну а природа, что и говорить, а никогда не ошибается». – Отодвинув в сторону эмоциональность, как он это делал всегда в государственных делах, за что его и прозвали справедливым, король Луи успокоил себя и вновь принял здоровый вид лица, который только из-за слоя белил, не смог проявиться и напугать Тужура.

Ну а состояние уравновешенности всегда придаёт величия любой, что уж говорить о королевской особе, и Луи уже спокойный за свою шею, чего не скажешь о шее герцога, дабы развеять последние сомнения насчёт продолжительности жизни герцога, спрашивает Тужура:

– Да-да, а я и забыл. – Усмехнулся король. Тужур же в ответ на эти слова короля, даже взволновался от верности своих прежних догадок, отчего его зад вновь начал чувствительно чесаться. – Ведь на эти их рожи без слёз не посмотришь. Одно прегрешение, вырождение

и упадок физических и нравственных сил. Где сам герцог, как раз и есть олицетворение всего самого ничтожного и пагубного. – Король вытер набежавшую смешливую слезу (но об этом знал только он), глубоко вздохнул, видимо ему так было слезливо весело смотреть на эти титульные лица окружения герцога де Гиза.

– Да они все сплошь уже не молоды, вечно недовольны, угрюмы, да и судя по их старомодным камзолам, совершенно гнушаются следовать новым веяниям моды, что уже одно не приемлемо при дворе и в скором времени вызовет недовольство и бунт. И спрашивается, на что они собираются рассчитывать, чтобы удержать власть, какую привлекательную идею они могут предложить для своих будущих вассалов. – Король, перебирая лица окружения герцога де Гиза, попытался прочесть по их лицам, на какую умственную деятельность они способны и чего вообще от них можно ждать. И первое, что даже не пришло на ум королю, а ему захотелось сделать, так это почесать свою шею, которая всегда на интуитивном уровне, остро чувствовала, на что способны те или иные лица.

– Ну, раз только так. – Помрачнел король, получив от своей шеи эту недвусмысленную подсказку. – Но этого всё равно мало, для того чтобы суметь более менее продолжительное время удержаться на троне. – Сделал для себя воодушевляющий вывод король. После чего король, видимо, решив как-то им помочь, как требует этикет (со слугами он, конечно, мог себе всякое позволить, но такова уж выучка короля, что он иногда даже при слугах срывается на установленные его королевскими предками правила), так, за между прочим, спрашивает Тужура:

– Ну а что же всё-таки, герцог там подделывает?

На что Тужур хотел было опять дерзнуть, ответив: «А тебе ли не большая разница. Ведь ты всё равно тут же забудешь о нём», – но появление господина де Люиня, играющего в сегодняшней постановке балета главную роль – Ринальдо (а раз так, то этого Люиня стоит опасаться. И кто знает, какую при этом тайную роль он играет при короле. Ведь не зря королева, так демонстративно говорила о нём, что он демон, который овладел королём, сделав его глухим, слепым и немым), заставило Тужура, находящего в сложных отношениях с демонами и с другой нечистой силой, быть более осмотрительным в своих выражениях.

– Герцог, как всегда находится не в себе и всё больше нервничает (Тужур решил быть честным и не щадить чувств и репутацию герцога). А когда герцог находится в таком волнительном состоянии, то ему непременно хочется выплеснуть все свои излишки желчи на окружающих. Где на этот раз ему под руку попался и как мне кажется, совсем не случайно – Генрих Анжуйский. – Тужур этим своим заявлением вызвал большую заинтересованность у короля и присоединившегося к нему де Люиня, который и прибыл-то к королю лишь для того чтобы получить указания о начале балета, а тут такое дело.

– Ну, что замолчал. Давай, продолжай. – Заметив нерешительность, не любившего присутствия третьих лиц Тужура, король подтолкнул его к продолжению рассказа.

– Да, в общем, всё как всегда, сговорились они на завтра – каждый от себя выставить дуэлянтов. – Кратко сказал Тужур, посчитав, что эта тёмная личность де Люиня недостойна его художественного красноречия.

– Да что они себе позволяют. – Потемнел в глазах король. – Я же в своём последнем эдикте строго настрого указал на недопустимость проведения дуэлей.

– Ваше величество, позвольте мне предположить. – Сказал де Люинь королю, при этом недвусмысленно посмотрев на Тужура, который тут же отсылается королём от себя, чтобы постоять где-нибудь поблизости за углом и ждать, что о нём вспомнят и позовут. «И тогда спрашивается, зачем меня выгонять, если я стоя здесь за углом, и так буду всё отлично слышать?», – как всегда нет предела возмущению Тужура, чьё не понимание этих королевских, по его мнению, по большей части глупых поступков, достигло своих прежних – небывалых высот.

Что, совершенно не волновало оставшихся лиц, и как только Тужур покинул короля, Люинь заговорил:

– Ваше величество и без меня великолепно знают, что придворные для себя могут придумать любое оправдание каким бы то ни было своим действиям, и они может быть, специально идут в пику вашим эдиктам и указаниям. «Когда дело касается чести, то нам даже король (простите ваше величество) не указ», – непременно заявят они, только потребуй от них объяснений. А какую спрашивается отстаивает честь, всему Парижу известный дуэлянт Франсуа де Монморанси Бутвиль, который в своих поединках использует любые и довольно бесчестные приёмы. Так последнего своего соперника он просто обманул, предложив ему снять шпоры. И когда тот, нагнувшись, попытался выполнить эту его просьбу, то этот Бутвиль, без зазрения совести, которой у него, как и чести нет, взял и проткнул его.

– Неужели. – Воскликнул изумлённый король, который всякий раз слыша о нарушении добродетели, испытывал душевную боль; отчего он даже вспыхнул от ярости.

– Всё так. – Развёл руками Люинь. – Но вы-то, ваше величество, понимаете, что здесь дело не в одном этом Бутвиле. Ведь в последнее время слишком уж часты стали происходить все эти нарушения ваших эдиктов, которые вами, не из какой-то там прихоти, а для укрепления государственности, где её основа королевская власть, изданы.

– Но что же делать? – удручённо спросил король.

– Начать действовать. – Приблизившись насколько можно и даже за пределы этикета, близко к королю, тихо проговорил Люинь. На что король ничего не произнёс, а лишь понятиливо для Люиня кивнул головой. Что стало огромной неожиданностью для Тужура, чьи уши прямо-таки горели любопытством. При этом Люинь мог бы и не хитрить и увиливать, опускаясь до шепота, звуки которого легко читались Тужуром, когда такая неуловимая для Тужура хитрость короля, достигла своей единственной цели – только ушей Люиня, и в свою очередь, определённо не способствовала их с Тужуром доверительным отношениям. И Тужуру не по собственной, а по королевской воле, пришлось вновь затаить на него и этого Люиня обиду (на короля даже больше).

– Нет уж, пусть король даже не надеется на то, что он своим ударом ноги, сможет размячив какой другой придворный зад, тем самым добиться от него большего понимания, чем я. – С яростью и с долей ностальгии вспомнил Тужур свою особую отмеченность королём. А ведь король и это без ложной скромности можно сказать, никого другого из своих слуг (а в их состав входят практически все, в том числе и принцы крови), кроме Тужура, так не отмечал как его.

Сам же король после слов Люиня прибывал в глубоком раздумье, чему способствовала его врождённая нерешительность, которая в свою очередь зиждилась на его одиноком положении, где он никому не мог довериться, кроме разве, что только на Люиня – всего-то мелкого дворянина, который был когда-то зрителем его птичника, а теперь занимал приближенное положение при нём. Но что может один Люинь, когда в противоположность ему стоят, хоть и находящиеся во взаимных распрях, но куда более многочисленные противные партии претендентов на власть – с одной стороны во главе с королевой матерью и этим её фаворитом Кончини и с другой стороны, только и ждущие любой слабости короля, имеющие своё извращённое мыслями и развратом право на трон, принцы крови и кровавые герцоги. А ведь этому Люиню в большей, чем королю степени, есть на кого опереться – у него есть семья, которая всегда будет горой стоять за него, тогда как у любого короля, как раз семья и есть главное королевское проклятие. И его семья, спит и видит, когда она, наконец-то, за счёт его обездольит себя. И королю на свою семью, уж точно лучше не стоит рассчитывать.

– В государственных делах я не имею право давать волю эмоциям. – В пику сказанному, слишком эмоционально сказал король. – И кто знает, возможно, это испытание регентством, мне ниспослано провидением. – Уже нервно сказал король, который, судя по его искажённому гримасами выразительности лицу, с трудом переживал это ниспосланное ему испытание.

«Или матушкой. – Со своей стороны выразительно подумал и не сдержанно покачал головой Люинь (это одна из привилегий фаворитов короля, пока не опасаящихся того, что это их движение головой, будет воспринято не как сигнал к действию – позвать палача). – Королю нужно подать какой-то сигнал, который был бы им воспринят, как знак свыше. И тогда он переступит через свою неуверенность, которую с самого рождения и поощряет королева. – Сделал вывод Люинь».

– Мне нужно ещё время, чтобы как следует подумать. – Подвёл итог разговору король Луи, решив положиться на волю проведения, которое обязательно даст ему подсказку.

– Я хотел заметить, что маршал д'Анкра (Люинь, определённо догадываясь, что король как всегда колеблется и для того чтобы король, наконец-то, принял хоть какое-то решение, его нужно подтолкнуть, то для этого необходимо разжечь в нём Его королевское величество. И он поэтому, специально назвал Кончини этим невыносимым для ушей короля титулом), несмотря на всю свою самоуверенность и глупость, между тем не остановится на достигнутом и со временем попытается настолько сильно укрепить свою власть при дворе, что ... – Но Люинь не смог закончить своё предложение, так как Луи в нервном порыве, до болевых ощущений схватил его за плечо, что и заставило Люиня замолчать. Правда это была всего лишь минутная слабость, которую себе позволял король, находясь в обществе Люиня. И как только к королю вернулось самообладание, он отпустил Люиня и своим молчаливым вниманием, дал тому понять, что тот может продолжать.

Люинь же решив, что продолжать разговор в прежнем словесном тоне не имеет большого смысла, указующе посмотрел в сторону занавеса, за которым скрывался зрительский зал и сказал:

– Ваше величество, можно говорить очень много, но всего лишь одного взгляда туда, на ваших придворных, несмотря на всю их изобретательность в лицедействе и лицемерии, хватит для того чтобы всё понять и прийти к нужному для вашего величества и государства решению. – Сказал Люинь и король бросив вслед за ним свой взгляд в ту сторону, где находилась жаждущая много чего (и так до бесконечности) от его королевского высочества публика, решил ещё раз внимательно взглянуть на все эти придворные или всё же больше притворные лица слуг своего величества.

После чего король вместе с Люинем приблизился к импровизированному занавесу и, отодвинув его от стены, вновь заглянул в зал. Где сразу же и наткнулся на такое ненавистное, полное самодовольства лицо Кончини, с рядом сидящей с ним его супругой Леонорой Галиган, которая с вызовом для его королевского мнения, придерживающегося простоты в одеянии, была вся одета в кружева и драгоценности, что подчёркивало её высокий статус при дворе. Что заставляет короля в тот же момент одёрнуться и с гневом в глазах посмотреть на Люиня.

– Сил моих больше нет смотреть на него. – Чуть ли не с яростью сказал Луи.

– Ваше величество, мне как самому вашему верному слуге, больше ничего не надо говорить. Я всё понял и без слов. – Сказав, многозначительно посмотрел на короля Люинь. На что следует еле заметный кивок короля и Люинь в свою очередь, позволяет себе такую же кивающую ответственность.

– И совсем скоро, эти великолепные подвески, будут преподнесены вам. – Говорит Люинь, указывая королю на этот яркий блеск подвешенных на ленте подвесок, которые, как символ их влияния при дворе, украшали Леонору. – Король же, никогда не придававшего большого значения драгоценностям, в ответ на слова Люиня, внимательно посмотрел на этот объект драгоценного украшения и запомнил.

Глава 4

Акт III. Второстепенные лица, так верующие в то, что и последние, при сопутствующих успеху обстоятельствах, станут первыми

– А наш ипохондрик, не так-то прост, как кажется. – Наклонившись к своей супруге, Леоноре Галиган, прошептал ей на ухо слегка довольный своим местом рядом с королевой и, конечно же, чрезмерно самим собой – бывший уже и сам не помнит когда это было, нотариусом (а это значит неправда), а сейчас ставший маршалом д'Анкра, Кончини. Ну а чтобы это твёрдо запомнить, Кончини через раз поглядывал на себя в различные отражения зеркальных поверхностей окружающего его великолепия (больше всего он любил смотреть на лебезения перед собой герцогских особ, что являлось самым лучшим доказательством его высокопоставленности). – Это же надо так хитроумно, практически из ничего (и теперь смотри это его представление и думай, какой символизм у него заложен в нём) из-за какой-то задержки начала балета, устроить такой спектакль.

– А я тебе, что говорила. Он ещё себя покажет и не с той стороны, на которую мы рассчитывали. – Злобно отщепталась в ответ Леонора.

– Да ты так не переживай. – Поморщился в ответ Кончини, не терпящий в чужих устах любого намёка на своё первознание и большую значимость, чем она есть у него. Что вынуждает Кончини, в независимости от возможной правоты и когда-то, может быть во сне (так думал Кончини) сказанного Леонорой, чьи связи и позволили ему подняться или даже взлететь, вначале в глазах королевы, а затем и при дворе, не соглашаться и противоречить ей, и даже здравому смыслу.

– Я думаю, что это всего лишь очередной приступ ипохондрии, ни на что уже не способного короля. – Самодовольно заявил Кончини, за чьими плечами теперь, как и у короля – единственного при дворе, имелась вооружённая охрана.

– А я бы всё же на твоём месте была более осмотрительной. – Как и ожидалось Кончини, Леонора не стала безмолвно воздавать должное его величию, пока что маршала, а из-за своего женского несовершенства, решила омрачить ему настроение, присовокупив и свои заслуги в деле становления его, как маршала. Правда на этот раз Леонора, можно сказать, перешла все грани, не только приличия, но и разумного, раз она так прямо предъявляет свои претензии на его, только его место.

«Да как это всё понимать?! – переполнился возмущением про себя, Кончини бросив испепеляющий взгляд на не такую уж верную Леонору, как, впрочем, он никогда, и не думал, и не знал. – Она что, хочет занять моё маршальское место. Ну и дура же она. Право, не понимаю, на что она рассчитывает. Ведь женщин маршалов не бывает. Да и королева мать не позволит. – С надеждой и с некоторым сомнением, Кончини посмотрел на королеву мать, приходящуюся молочной сестрой Леоноре, которая, в общем-то, и пленила его этой своей близостью к королевскому двору. – Хотя от всех этих женщин всякого можно ожидать». – Кончини от всех этих своих прискорбных мыслей, где ему для своего ведущего положения при дворе приходится полагаться на эту ветреную женскую неосновательность, даже несколько приуныл.

Между тем Леонора, как она всегда делала, не обращая внимания на все эти вольнодумствования Кончини, будучи сама себе на уме, принялась здраво про себя рассуждать:

– А я просто убеждена, что он специально затягивает начало представления, чтобы как можно сильнее накалить внутреннюю дворцовую обстановку и ещё больше всех между собой перессорить. Ведь здесь даже не нужно быть королём, чтобы не понимать, что оставлять на долгое время в одном ограниченном только собою пространстве, столько властных, с правом видения себя выше других вельмож, переворотом в умах подобно. Ну а такие умственные затмения, от всей этой, в независимости от погоды, всё равно душной обстановки дворца, которую усугубляют ненавистные физиономии всех этих, до чего же напыщенных придворных, могут привести ко всякому, в том числе и смертоубийственному нетерпению. При этом даже те вельможи, кто в виду своей, по возрасту близости к смерти или склонности к сытому столу и меланхолии, ранее не испытывал особых чувств к чужеродным лицам, и то, после такого долгого

совместного нахождения бок о бок, незнамо с кем, начинают постепенно ненавидеть своих соседей по залу. Да. Он, несомненно, пытается сравить всех своих врагов между собой. – Леонора не питая особой приязни к собравшейся придворной публике, сжав свои губы посмотрела на это море голов, уже начавшееся раскачиваясь, понемногу волноваться.

– Да и мой муженёк, слишком уж прямолинеен и неповоротлив. – Посмотрев на пышущего самодовольством Кончини, нахмурилась Леонора, для которой в этой слепой, а другой она не бывает, самоуверенности Кончини, были как плюсы, так и свои большие минусы. И если пока плюсы такой слепоты Кончини преобладали над минусами, то это положение вещей её вполне устраивало, но сейчас её интуиция подсказывала ей, что та пора до времени, когда всему этому благополучию приходит конец, так сказать начинает подавать, пока хоть и неявные, но уже свои признаки наступления. А это требует от неё большой осмотрительности.

И Леонора со злости на эту неповоротливость Кончини, взяла, и со всей силы ущипнула его за ногу, чем вывела того из своего невозмутимого состояния. Отчего он тут же дёрнувшись от этой резкой и главное неожиданной боли, недоумённо посмотрев на Леонору, и в негодовании даже задрожал в усиках и бородке. Но Кончини не на того напал и Леонора, не давая возможности Кончини выдать из себя ни одного слова проклятия, на которые Кончини был большой мастер (нотариальное прошлое частенько берёт слово), быстро затыкает ему рот уже своим возмущением.

– Ты меня своим дрожанием «эспаньолки» не заморозишь. И ты, прежде чем пускать в ход усы и бородку, лучше бы задался вопросом. Как твою модную бородку называют при дворе? – Леонора своим неожиданным вопросом не дала шансов Кончини на ответный щипок или на какую-нибудь затаённую мстительность с куртизанками на стороне, и он, оказавшись в умственном недоразумении, схватился за первое, что прозвучало в словах Леоноры и попало ему под руку – свою бородку. Правда, сколько бы не тянул Кончини себя за свою бородку, у него получалось лишь тянуть время и больше ничего. И Кончини смущённый такой своей находчивостью, отпустил свою бородку, посмотрел на свою руку, где осталось пару волосин от бороды, как следствие его упёртости и, решив, что надо срочно обратиться за консультацией к цирюльнику, посмотрел на Леонору.

Леонора же ожидая от Кончини его взгляда надежд (это ничего, что она как всегда обманулась насчёт его глубокомысленности) на неё, удовлетворённо хмыкнула и, придвинувшись к нему, заговорила:

– Каделетка. Я думаю, тебе это слово известно. А ведь оно вошло в придворный обиход, если ты не знаешь, в честь главного сокольничего де Люиня. А уж когда двор, живущий законами моды, начинает таким образом кому-то подражать, то тут уж не до сантиментов и непременно жди беды.

«Да, этот Люинь знает толк в моде», – невольно вновь почесав свою бородку, вынужден (такой у него честный насчёт моды характер) был признать заслуги Люиня Кончини, правда только про себя. А вот все эти замечания Леоноры, которая завидуя его Кончини великолепию, будучи бессильной перед своей природой (ей не отрасли таких усов), в очередной раз мстительно хочет продемонстрировать своё, непонятно что за первенство перед ним, уже начинают выводить из себя Кончини, который пришёл сюда не её треп слушать, а наслаждаться представлением, где одну из главных ролей играет он, маршал д'Анкара. Так что Кончини, ожидаемо от себя, хмыкает в ответ и пренебрежительно, официальным тоном заявляет:

– Не смешите меня, сударыня. Кто или что, этот Люинь? Всего лишь главный «птичий» ловчий. И кто за ним стоит? Одни лишь куропатки и канарейки. Хе-хе. – Засмеялся Кончини, уверенный во всеилии своей придворной партии – клиенты во главе с королевой матерью. После чего он, переведя свой взгляд с Леоноры на верные, правда только с виду лица клиентелы Марии Медичи – герцога Рандомского, Лонгвиля и Рогана, и убедившись в их присутствии, уже перевёл свой взгляд на стоящий в первом зрительном ряду пустой стул. Что заставило

его остановиться, как в смехе, так и во внимании на самом стуле, к которому во всеоружии – с наглой физиономией и в блеске драгоценностей на камзоле, медленно подходил принц Конде, который сидя до этого чуть в стороне от этого более близкого к центру стула, посчитав, что ему негоже пренебрегать открывшимися перспективами, в один момент поднялся и выдвинулся к стулу реализовывать свои права на это место.

– А вот это интересно. – Сказал Кончино глядя на принца Конде, в котором он увидел уже свои перспективы и возможности, где он доказав свою приверженность королеве, тем самым сможет укрепить своё влияние при дворе. «Влияние, эта такая эфемерная штука, что его всегда не хватает. Особенно при дворе. – Частенько заявлял в частично верном – семейном кругу Кончини, с чем, к своему удивлению, вынуждена была согласиться Леонора, иногда при виде статных гвардейцев, совершенно не чувствующая на себе влияния своего супруга».

«Пожалуй, я с ним опять соглашусь», – посмотрев на принца Конде, Леонора начала пугаться за Кончини и за себя, где она вдруг каким-то невообразимым и незаметным для себя способом, начала подпадать под умственное влияние своего супруга, где она со временем, сама того не заметив, возможно станет неотделимой частью его и его судьбы, которую ей придётся с ним разделить. А делиться Леонора, не то чтобы не хотела, а была не приучена к этому. И теперь уже она, с неприязнью посмотрела на своего супруга, который, даже сразу и не уразумеешь, откуда набирается столько хитроумного здравомыслия. «Это в нём деловая хватка говорит», – вспомнив нотариальное прошлое Кончини и, найдя в нём для себя удовлетворительные объяснения, Леонора вновь успокоилась и внимательно посмотрела на этого смутьяна, вечно недовольного своим положением, даже главы королевского совета – принца Конде.

– Посмотрим, как король с нашей подачи среагирует на все эти словесные выпады и открытое недовольство неблагодарного принца (ведь принц только с воцарением Людовика-справедливого, сумел вернуться обратно во Францию) политикой короля. – Сказал себе в нос Кончини, затем заметил, что опять привычно поглаживает свою бородку, после чего мгновенно бросил недовольный взгляд на Леонору и, не заметив её приметливого взгляда, нехотя убрав руки, подвёл итог. – Ну и, исходя из этого, будем делать дальнейшие выводы. – После чего посмотрел на сидящую за спиной королевы матери новую креатуру их партии – епископа Люсонского, Ришелье. – Первый шаг нами сделан – принц уверен королевой в том, что он получит то, что требует. Теперь осталось за малым – довести дело до логического конца. – Потирая руки, усмехнулся Кончини.

Ну а Кончини и Леонора были не одиноки в своём воззрении на принца Конде, который так дерзновенно и вызывающе, и не только осуждения и кривотолки, на глазах у всех занял этот освободившийся стул (а вдруг на нём по ходу пьесы, хотел присесть уставший король; вот почему этот стул специально никому не был предложен). Так находящийся в вечных поисках хорошей для себя участи и так уж и быть, для начала должности или места, герцог де Шеврез, сразу же заметил, вначале освободившийся стул, а затем его занятие принцем Конде.

– Помяни моё слово. Ему только дай повод, так он любого подсадит. – Сказал про себя герцог де Шеврез, глядя на принца де Конде, чья бесцеремонность определённо вызвала восхищение у многих, в том числе и у герцога де Шевреза, который и сам был не прочь занять какое-нибудь более тёплое место при дворе. Где немилость высокородных особ всегда повышает шансы на твою милость и большую близость на занятие этих тёплых мест. Так что, для того чтобы тебе в будущем было тепло и комфортно, при таком-то огромном спросе на все эти тёплые места, то тебе определённо нужно проявлять хитроумную изобретательность в интригах и большую внимательность к задам занимающих, однозначно временно, свои места. С чем герцог де Шеврез и пытался справляться, проявляя свою внимательность к высокопоставленным вельможам и здравомыслие, прячась за спины других высоких вельмож.

А ведь то, что каждый из придворных, даже несмотря, хотя, наверное, как раз смотря на то, что он был герцог, движимый внутренними требовательными причинами своего я, жела-

ющего не только безопасности, но и большего комфорта, примыкал к той или иной клиентеле, всё это принималось, как неизбежная данность, которая даже укрепляла это придворное сословие. Что и герцогом де Шеврезом, с небольшими поправками на свою характерность, вполне принималось, правда, пока что только к сведению. А что мог сам с собою поделывать герцог де Шеврез, когда он как натура несколько насчёт себя привередливая, что уже есть истинное мучение для носителя такого характера, ещё находился в поисках своих предпочтений.

И хотя герцог де Шеврез внешне и даже частично внутренне, в своих близких только к себе добродетелях, мало чем отличался от какого другого титульного придворного лица и, пожалуй, он имел полное право рассчитывать на нахождение в самой многочисленной придворной партии – зевак и словоблудов, всё же герцог де Шеврез по своим личным и можно сказать язвительным мотивам, не испытывал удовлетворения этим предложенным судьбой выбором. И он предпочёл бы, если это, конечно, не будет связано с опасностями для него, прикнуть к самой обособленной партии самого себя. И, наверное, узнай об этом кто другой, то это вызвало бы переполох в головах придворных, которые бы не преминули сурово и осуждающе посмотреть на герцога и, покачав париками на головах, про себя заявить: «Право, герцог, нельзя же так выделяться. Чего-чего, а этого мы от вас не ожидали».

Ну а герцог де Шеврез, понимая, что для того чтобы не открылась эта страшная для его продвижения правда, нужно всегда быть начеку, дабы не допустить насчёт себя возможных кривотолков или не дай бог в подозрении на мысль, ещё сладостней улыбался и принимался раскланиваться со всеми и, впад в другую ошибку, даже с теми кого не знал (а среди них могли быть заговорщики).

Что же касается принца Конде, то он после того, как сумел ускользнуть от касательств своей супруги королём Генрихом XIV, стал несколько строптив и до дерзости предвзят ко всем королевским особам. Чему, по большому счёту изначально способствовала любовь и эстетические предпочтения принца, где его молодая и просто загляденье (как оказалось, не только для него) супруга, как раз и стала для него источником стольких возможностей проявить своё мужество и рыцарство. И он, в конце концов, настолько огрубел и возомнил себя своим бесстрашием, что теперь по возвращению во Францию, в упор, либо не видел, либо не хотел замечать опасностей.

– После того, что я пережил на чужбине, мне ни чёрт, ни сам дьявол или его паскуда брат, не страшен! – к ужасу и онемению лиц избранных принцем, а не Кончини членов королевского совета (их, стараниями Кончини, было куда больше, и совет частенько собирался во главе с принцем в своём малом доверенном кругу), дерзновенно заявлял глава совета – принц Конде, к своим словам звучно присовокупив мощный удар кулака по столу.

– Мы уже давно должны были потребовать от короля должного уважения, а также того, чтобы он впредь учитывал наши требования и ввёл всех нас грандов в королевский совет. – Неожиданно для всех выхватив из чернильницы гусяное перо, принц Конде грозно посмотрел на вдруг засомневавшиеся лица членов совета, которые будучи уже членами совета (бывшие министры – Силлери, Жаннета и Вильруа, совсем недавно были смещены и согнаны из совета и со своих насиженных мест), не могли не удивиться этим словам принца, но вот оспорить их они почему-то (скорей всего, из опаски быть прописанными или запачканными этим пером в руках принца) не решались.

«Принц скорей всего, таким завуалированным способом намекает на что-то большее», – просветлели лица грандов, озарившиеся догадкой и связанной с нею возможностью приблизиться к белому цвету, который олицетворял королевскую власть. Что, исходя своих желаний и мыслей, было замечено и понято принцем Конде, который тут же разошёлся в своей уверенности и словах.

– Также мы должны потребовать отставки этого, не понятно за какие, такие заслуги, ставшего маршалом д'Анкра, Кончини. – Ну а это требование, хоть и поддерживалось всеми,

и даже ставленниками Кончини, но всё же оно вызвало лёгкую усмешку в головах грандов и других важных (это тоже своего рода титул) вельмож, удивлённых такой слепотой принца, задающего такие глупые вопросы, ответы на которые лежат прямо на поверхности.

«Неужели, принц недалёк? Да и разве такая практика для него в диковинку? – а вот этот возникший вопрос в головах грандов, чьи поджилки всегда трясутся даже при отдалённом упоминании слова фаворит, заставил их поколебать своё решение – идти за принцем до конца. – Наверное, принц, из-за долгого отсутствия в своих за границах, совсем отстал от жизни двора». – Сделали вывод гранды, вновь потемнев в своих взглядах на принца. Но заведённый собой, а против такого завода сложно что-либо противопоставить, принц ничего такого не заметил, и всё продолжал угрожающе размахивать пером и грозить невидимому противнику.

– В конце концов, пора уже отменить все эти полеты. – А вот это заявление принца вновь склонило чашу симпатий, правда только грандов, в свою сторону. Но вот только последовавшая вслед за этим его предложением угроза прямых действий, вновь склонила, эту их, уже полную всеми этими малосодержательными словами принца чашу, совсем в другую сторону. – А иначе мы чихать хотели на все эти подношения королевы и немедленно потребуем созыва генеральных штатов. И тогда они увидят, кому чёрт не брат, а кому и брат. – Вначале заявленного принцем предложения, члены королевского совета, все по большей части гранды, которые конечно чихать умели и даже преуспели в этом деле, всё же будучи ещё не готовыми к таким упущениям насчёт себя, вновь поникли в головах.

Ну а когда принц в своих словах так понятно намекнул на того, на кого намекать всегда опасно, то члены совета, определённо поставленные принцем в двусмысленное положение, где они даже боялись помыслить, а это значит, раскрыться в своём понимании того, на кого принц не только намекал так открыто, но и даже давал сравнительные, и что главное, родственные характеристики, то они и вовсе начали противодействовать ему в своих отстранённых от действительности взглядах.

– И на что или на кого это он намекает? – осунувшись в лице, посмотрел исподлобья на принца герцог Монморанси, и тут же, в защитных для себя целях задремал, принявшись демонстративно клевать носом. Что вызывает противоречивые чувства у других членов совета, которые с одной стороны восхищены такой ловкостью герцога Монморанси, умевшего так хитроумно уйти от ответственности за сказанное принцем, но с другой стороны получается, что эта ответственность перекладывается на их бедные плечи, а уж этого, никто терпеть не намерен, и каждый из членов совета, в глубине души готов дать подзатыльник герцогу для того чтобы разбудить его.

Ну а так как все составляющие совет вельможи, как правило, шевалье только во внутренних пространствах самого себя, а вне себя они не столь мужественны (а лишь в тех случаях, когда они вне себя), то они не дают подзатыльников герцогу, а для начала начинают мужественно подвергать его давлению своих нелицеприятных и тяжёлых взглядов, часть из которых зрили не только слишком много на себя берущего принца, но и возможности выхода из этой двусмысленной для себя ситуации. Так что и говорить не надо, что всё сказанное принцем в этом избранном кругу, вскоре стало известно тем, для кого это должно это было стать сюрпризом. Ну а раз так получилось, то теперь этот или какой другой сюрприз, будет ждать уже самого принца.

– Вот он удивится, когда за ним самим придут. – Продолжая потирать свои влажные от нетерпения руки, размышлял Кончини, решив сегодня же довести до королевы всю эту заговорщицкую деятельность принца Конде. Чья уверенность в лице начала всё больше раздражать Кончини, очень требовательно относящегося к своему взгляду, который к полнейшему изумлению Кончини (ведь его прямого взгляда не могут выдержать первые вельможи двора, а тут какой-то принц), совершенно не произвёл никакого эффекта на принца, так и свернувшего

своего взгляда в сторону. Отчего Кончини, уже сам не выдержал прямого взгляда принца и, покраснев оттого, что не смог сдержаться и не моргать, отвернулся в сторону.

– И поделом. – Усмехнулся принц Конде, глядя на сдачу ещё одной крепости – Кончини.

– Это мы ещё посмотрим, как ты помотришь на меня завтра или по крайней мере в скором времени, когда я приду за тобой с гвардией, чтобы сопроводить в замок под арест. – Восстановив свои силы, Кончини решил непременно поставить перед королевой вопрос о скорейшем аресте этого подстрекателя Конде, который позволяет себе такие взгляды в адрес Её королевского величества.

Правда Кончини, зная, что королева, как натура, прежде всего женская, всегда находится под влиянием своей природы и ей не может не льстить всякий посторонний взгляд. Так что, придётся прибегнуть к хитрости и возмутить королеву не должными взглядами на неё принца, о которых он (Кончини) мог только догадываться, но при этом точно знал, что в них есть или вернее нет – восхищения королевой. И Кончини, придя к верному для себя решению, сразу же проиграл в голове все возможные варианты, где королева всё же решит немного проявить любопытства.

– И какие взгляды в наш адрес, себе позволил принц? – невольно поправив причёску, заинтересованно спросила Кончини королева ММ (так про себя и иногда наедине с Леонорой, дерзновенно позволял называть королеву Кончини).

– Ваше величество, у меня просто язык не поворачивается произнести всё то, что себе позволил принц. – Полный раскаяния за принца, опустив свою голову ниже, чем требуют приличия, смиренно сказал Кончини.

– Если я твоя королева, то ты ничего не скрывая и не опуская даже самых невежественных слов, сейчас же всё скажешь! – чуть ли не закричала королева, подскочив со своего маленького стульчика, стоящего в её покоях у зеркала, над специальным столиком со всякими женскими хитростями и премудростями, и служащего ей для удобства формирования её образа красоты. И хотя принц совершенно ничего не говорил, это не может помешать Кончини, как на духу (он тоже когда-нибудь станет членом ордена Св. Духа и поэтому к этому событию надо готовиться заранее), в самых мельчайших подробностях рассказать всё то, что замыслил и значит сказал принц. Правда королеве и первого сказанного Кончини слова: «Он вас в упор не видел», – хватило, для того чтобы она побледнела без использования пудр и белил, и покачнувшись, упала вовремя подставленные руки Кончини.

После чего наступает трагическая пауза, где королева только благодаря самоотверженности Кончини, не задыхается от своих тяжёлых вздохов, и приходит в себя только после того, как она усаженная на свой стульчик, видит в отражении зеркала своё лицо, которое хоть и не так прекрасно, как в молодости, но это ещё не значит, что его трудно не заметить, даже если ты и принц.

– Слишком уж принц, начал своевольничать. – Лишь после того, как королева прикрыла свою бледность слоём белил, она сумела-таки высказать свою точку зрения на происходящее с принцем.

– Полностью с вами согласен, ваше величество. Увлечение одной лишь своей супругой, при дворе вызывает бурление умов и приводит к заносчивости к другим придворным, и не только (Кончини сделал глубокий реверанс перед королевой) к дамам, которым уже только по праву своего женского рождения, для того чтобы цвести и блистать при дворе, необходимо всяческое внимание и благоговение перед ними. – Кончини не удержался перед своим преклонением перед королевой и опустил на одно колено перед ней, для того чтобы таким образом, выразить всю степень своего обожания королевы. Что было воспринято должно королевой и она, вновь обретая уверенность в своих женских чарах, против которых никто и даже её верный маршал д'Анкара, не устоит, в знак своей признательности, пристукнула Кончини по плечу

веером. После чего она, вновь вспомнив недостойного своей милости, дерзкого на взгляды принца Конде, нахмурившись, сказала:

– В библии говорится: не сотвори себе кумира. А принц, как я вижу, пренебрёг этой божьей заповедью. Ну а мы несущие первейшую ответственность перед богом, не можем потакать и приветствовать безбожников приступивших божье соизволение. – Жёстко, до степени звона хрусталя, проговорила королева, отчего Кончини даже на одно мгновение потерял свою самоуверенность, которая сколько он себя помнил, никогда его не покидала. – Человек с его страстями и грехами, не заслуживает веры в него, что в очередной раз получило своё подтверждение. – Задумчиво глядя на Кончини, произнесла королева.

– Ваше величество, партия ваших противников – герцоги Неверский, Буйонский, Лонгвиль, побочные сыновья Генриха IV Цезарь и Александр герцоги Вандомские, во главе с принцем Конде, с их притязаниями на власть, где каждый из них хочет быть приобщенным к самым секретным и важным государственным делам, иметь своё влияние на принятие государственных решений, располагать должностями, назначениями, званиями и заведовать финансами, так вот они, никогда не простят вам вашего величества. И чтобы совладать с ними, одного мудрствования мало. Нужно непременно действовать и одним внезапным ударом – арестом принца Конде – обезглавить всю эту гидру. – Кончини в довершении своих слов схватился за ручку шпаги, как бы давая понять королеве, что в его лице она имеет надёжную опору и крепкую руку, которая не задумываясь, готова отрубить или хотя бы арестовать эту гидру – принца Конде.

– Мне надо подумать. – После глубокого вздоха, который был вызван этой, за неё самоотверженностью Кончини, на которую королеве хотелось смотреть и смотреть, ответила королева.

– Слишком долго думать – это всё-таки у них семейное. – В свою очередь, про себя подумал Кончини и, вернувшись из своих планирований обратно в дворцовый зал, на своё место, чтобы больше не отвлекать своего внимания на всякую мелочь, решил, что нужно самому начинать действовать. И Кончини повернувшись к королеве, принялся выказывать ей свою приверженность во взгляде.

Между тем, в зрительском зале продолжалась своя прелюдия к основному представлению.

– А герцог, как всегда верен себе, любит рыбку в мутной воде ловить. – Усмехнулся граф Рокфор, поглядывая на герцога Монморанси, теперь уже здесь, в дворцовом зале, по привычке принявшись клевать носом.

– Ну, ему с его длинным носом, нужно быть поосторожней в ловле даже самой мелкой рыбёшки. – Сказал в ответ ещё взволнованный происшествием с Генрихом, вернувшийся к себе на место герцог де Гиз. Граф Рокфор интуитивно почувствовав, что герцог де Гиз чем-то озабочен, внимательно посмотрел на него, ожидая когда герцог сам скажет, что его мучает. С чем граф великолепно справился, и де Гиз не выдержав его пронзительного взгляда, рассказал каким нападкам он подвергся со стороны Генриха.

– Ты ведь понимаешь, что я ради нашего общего дела не имею права рисковать собой. – Сказав эту неоспоримость, де Гиз посмотрел на Рокфора и, убедившись, что тот вполне разделяет озабоченность де Гиза своей жизнью, спросил его. – У тебя есть кто-нибудь на примете, кто бы с должным упорством мог отстоять мою правоту слова? – На что Рокфор без всякого раздумья, сразу же предложил свою шпагу, которую с должным рвением, после небольшого денежного вспоможения необходимого, и то лишь из-за своей слабыхарактерности насчёт затрат, понесёт первый дуэлянт Бутвиль.

– Бутвиль, говоришь? – задумался де Гиз. – А его участие не вызовет большого шума во дворце. Ведь нам нужно предвидеть все результаты поединка. – Герцог внимательно посмотрел на Рокфора.

– Будем всё держать в тайне. А там если что (во что я не верю), выставим этого Бутвиля, как единоличного зачинщика дуэли. Что при его репутации будет не трудно сделать. – Сказал Рокфор.

– Ты всегда умеешь найти нужное слово. – Похлопав графа по плечу, де Гиз окончательно успокоился и перевёл свой взгляд в сторону сцены, на которую ему вновь не удалось вот так прямо посмотреть, из-за появления ненавистной ему мадам де Ажур.

«Тьфу. Видеть её больше не могу», – Герцог при виде мадам де Ажур вновь взволновался, а всё потому, что он терпеть не мог любой неловкости, на которую его как раз и подвигла мадам де Ажур. И тогда, когда Генрих вдруг неожиданно покинул их, оставив де Гиза, так сказать в положении сказавшего предпоследнее слово, что есть оскорбление его светлости, то герцог даже оказался в некотором роде смущён тем, что мадам де Ажур, оказалась свидетельницей этого его фиаско (то, что он выступила для него временной подпоркой, от которой он немедленно отказался, как только пришёл в себя, то этот факт уже выпал из его памяти). Отчего герцог ещё больше разнервничался и, потеряв полноценную связь с языком, молча, как истукан стоял напротив мадам де Ажур, больше его напуганной такой грозной молчаливостью герцога.

И чем дольше молчал герцог, тем сложнее ему было выдать из себя слово и тем страшнее становилось мадам де Ажур, по зловещим слухам палачей, знавшей к чему или куда приводят (в Венсенский замок, в башню «Дьявола», где помещаются все те, с кем больше не о чём говорить) все эти недоговорки и молчание высокородных господ. И мадам де Ажур уже потеряв связь со временем и со своими ногами, уже было приготовилась пасть перед герцогом в раскаянье за своё любопытство, как герцог, уже сам не выдержавший этой пытки себя видами мадам де Ажур, в нервном приступе закрыл глаза и с маской безразличия двинулся подальше от этого места туда, куда его глаза не глядят.

Что только на первых порах, когда открытое пространство зала позволяет не натолкнуться на кого-либо или на что-либо, легко сделать. А вот когда перед вами стоят двери, а вы их не видите, то вероятность непопадания в них увеличивается многократно. Но к удивлению мадам де Ажур, герцог не промазал, а без всякого со своей стороны затруднения, с первого раза попал в дверное пространство, и всё это с закрытыми глазами. Правда, если не быть столь легковёрным, как мадам де Ажур, а иметь некоторую предубеждённость к герцогу де Гизу, то, пожалуй, все эти его успехи в плане попадания в двери с первого раза, можно записать насчёт его хитроумности. Где де Гиз, так сказать, слегка с жульничал и оставил для себя небольшое пространство – он не до конца закрыл глаза, что и позволило ему безошибочно с ориентироваться в пространстве.

Ну а мадам де Ажур, несмотря на то, что ей не пришлось прибегать к таким хитроумным выходам из этого затруднительного положения, всё же испытывала некоторую разориентацию, как в дворцовом, так и в своём статусном пространстве, где она теперь и не знала, в каком качестве находится перед лицом герцога. А заговорить с ним она теперь уже точно не посмеет. И мадам де Ажур, как натура легковёрная и вспыльчивая, находясь во всём этом сомнении, тут же предалась осуждениям его возрастной недалёковидности, и как только она войдя в зал, увидела герцога, то тут же потемнела в глазах и начала вешать всех собак (а все знали некоторую обособленность герцога от собак, которых он даже на охоте старался обходить, а лучше объезжать на лошади стороной) на герцога: «Да что б ты сдох, старый хрыч! Сам меня позвал, а теперь я ещё и виновата. Ненавижу!».

Что же касается Генриха Анжуйского, то он, несмотря на все эти будущие затруднения связанные дуэлью, чувствовал себя намного лучше, чем до встречи с де Гизом, с чем он и направился дальше в поисках виконта Трофима. Что на этот раз для Генриха увенчалось успехом, чего не скажешь по виконту, в чьих далеко идущих планах, даже намёка не было на встречу с каким-либо мужским лицом, а вот с дамой, как раз было. Так что появление Генриха в одной из зальных комнат, служащих для конфиденциальных, тет-а-тет разговоров,

не то чтобы не вызвало воодушевления у виконта, любившего своими неожиданными выходами и выходками из-за тайной ниши, делать дамам умопомрачительные сюрпризы, но даже вылилось в нескрываемое на его лице разочарование.

Но Генриха такими выразительными вызовами не проймёшь и он, предпочтя не заметить всё этого недовольное убранство на лице виконта, как только обнаружил или вернее сказать, застал виконта в одиноком стоянии, то сразу же без предварительных виртуозных раскланиваний, на которые Генрих был большой мастер, обратился к нему.

– Так это вы тот самый виконт Трофим? – остановившись у дверей, без всяких косых взглядов, а так сразу напрямую глядя на виконта, спросил Генрих. Ну а этот, однозначно с двойным дном вопрос Генриха, заставляет виконта Трофима заволноваться и с подозрением воззриться на Генриха.

«Что он имел в виду, не просто вопрошая, а скорей утвердительно заявляя, что я тот самый виконт, – судорожно принялся соображать виконт Трофим. – Он что, хочет, чтобы я сам, собственномысленно задумался и в результате всего этого вольнодумствования, взял и, перестав верить в себя, засомневался в себе. – Начал закипать виконт. – И, в конце концов, растерявшись, сам очернил себя, а этот Генрих тем временем будет не при делах стоять в стороне. Нет уж, не на того он напал, и я никому не дам такой возможности посмеяться надо мной». – Сжав, что есть силы рукоятку шпаги, виконт Трофим заодно сдвинул свои брови и, бросив на Генриха взгляд вызова, грозно заявил:

– Сударь. Извольте объясниться.

– Я наслышан о вас, как об одном из храбрейших рыцарей королевства. – Заговорил Генрих, с первых же своих слов добившись ослабления хватки руки виконта Трофима, который, будучи не привычен к таким достойным выражениям в свой адрес, даже несколько растерялся и проникся верой к Генриху. Ведь когда человек говорит истинную, а не горькую (что есть две больших разницы) правду, то это всегда располагает его к вам. – А я всегда питал уважение к столь достойным сынам государства. – Генрих сделал внимательную паузу, для того чтобы виконт Трофим проникся пониманием к нему и к чему ведётся этот разговор. И как только Генрих решил, что время паузы достигло той размерности, когда выход за его пределы уже будет означать его дерзость по отношению к умственному развитию виконта, которому и этого времени должно было хватить для того чтобы понять то, что в нём нуждаются, то он сказал:

– Я хотел бы, чтобы вы заняли своё достойное место рядом со мной.

Ну а виконт Трофим сегодня уж точно можно было сказать, что не первый день находился при дворе, и знал к чему обязывают подобные предложения, в которых ему больше всего не нравилось то, что они обязывают, а вот то, что они дают, ему как раз нравилось, решил не спешить с ответом, а быстро задуматься. Ведь тут нужно было обладать большой прозорливостью, чтобы понять какой лучше дать ответ Генриху, который, как и все те, кто выступает с такими предложениями, является натурой обидчивой и стоит только сказать ему слово нет, как уже ты становишься ему кровным врагом. И теперь уже положение врага обязывает тебя ждать от Генриха различных колюще-режущих предложений из подворотни. Но виконт Трофим не из пугливого десятка и уже одно то, что его ждёт опасность, как раз подстёгивает виконта. К тому же он, как очень верно заметил Генрих, один из храбрейших рыцарей и поэтому виконт, даже не собирается прятаться за придворным этикетом и напрямую спрашивает Генриха:

– Если вам нужна моя шпага, то так прямо и скажите.

– Я нуждаюсь в ней. – Уловив прямоту виконта, Генрих не стал прибегать к словесным ухищрениям и так же прямо ответил ему.

– Я вас понял и прежде чем я дам вам окончательный ответ, я бы хотел знать, с чем связана эта моя востребованность – дело вашей чести или здесь замешана честь прекрасной

незнакомки. – С ударением на последнюю фразу, сказал виконт Трофим, явно отдавая предпочтение тому, чтобы в этом деле была замешана её, а не Генриха честь.

– Виконт! – возмущившись такими предположениями виконта, повысив свой голос, сказал Генрих, как бы показывая виконту, что когда речь идёт о женской чести, то ему помощники в этом деле не только не нужны, но и скорее мешают. Правда Генрих тут же, видимо, вспомнив, что всё же он сам выступил зачинателем разговора, да и к тому же, и виконт в своём предположении, в общем-то, был скорее точен, нежели нет, собрался и, оставив свой пыл, ровным голосом сказал. – Я не имею права, при таких за её спиной обстоятельствах, озвучивать её благословенное имя вслух, но вот дать вам понять, на ком остановился мой восторженный взгляд, то я, пожалуй, могу себе это позволить.

– Что ж, я вас прекрасно понимаю и готов, если мои обременённости меня не задержат, поспособствовать вам в любом вашем деле. – Уклончиво заявил виконт Трофим, в тоже время уклончиво-неуклончиво глядя на два висящих на поясе Генриха внушительного вида кошель. Ну а Генрих, как большой мастер понимания всех этих косых взглядов и связанных с ними обременений, как всякий мот, конечно, не умеет скупиться, и внушающим уважение жестом, с лёгкостью снимает с пояса один из кошель и бросает его уже в выставленную виконтом Трофимом руку. После чего виконт, чтобы показать Генриху насколько он умен и резок, быстрым манёвром прячет кошель у себя в глубине камзола и своей улыбкой показывает свою готовность, отложив все свои заботы на потом, пойти за Генрихом хоть на край света.

Ну а раз понимание, до степени полноты чувств и карманов достигнуто, то дело начинается не просто спориться, а скорей, без всяких на то возражений, вначале вкладываться в уши идущему рядом с Генрихом виконту Трофиму, а затем по достижению ими входных дверей в большой зал Лувра, уже как ранее говорил Генрих, через намёкливое им кивание в сторону сидящих в первых рядах женских лиц, указываться на них виконту.

– Виконт, обратите своё внимание на четвёртый, считая от сцены ряд. – Сказал Генрих, бросив свой взгляд на левое крыло зрительного зала.

– Обратил. – Ответил виконт, проследовав своим взглядом вслед за Генрихом.

– Вам надеюсь, известна герцогиня ля Манж. – Сказал Генрих. Отчего, в один взгляд побледневший при виде герцогини виконт Трофим, явно не ожидая от Генриха таких падений нравов и определённой подлости к нему (о таких страшных вещах нужно предупреждать заранее; ведь виконт, давая своё согласие на предложение Генриха, почти что не глядя, само собой рассчитывал на то, что за этим не глядя, будет стоять прекрасная баронесса или графиня, но ни в коем случае старая и как смерть страшная герцогиня; а виконт, может быть, пить завязал) сразу же упал в сердце и погрузился в мрачную меланхолию, а также в горестные мысли: «Так это были деньги герцогини!».

– Виконт. Вы меня слышите. – Слегка повысив голос, попытался его привести в чувство Генрих, который с одной стороны, совершенно не заметил того, до чего довели его слова виконта, но в тоже время заметил, что виконт почему-то застыл в одном немигающем положении.

– Да-да. – Очнувшись от своих мрачных мыслей, проговорил виконт.

– А известна ли вам герцогиня де Шабер? – вновь задался вопросом Генрих. На что следует новый приступ паники у мертвенно бледного виконта.

«Час от часу не легче». – Еле удерживается на ногах виконт Трофим, которого ещё в детстве пугали герцогиней де Шабер, которая своим не просто, а очень здоровым телом, внушала ужас всем придворным ногам королевства. И, наверное, не было во дворце никого, кому бы герцогиня не отдавив ноги, не отправила на больничную койку, правда, за исключением королевских лиц, до которых в целях безопасности, с большим трудом не допускалась герцогиня де Шабер – головная боль главного камердинера короля и по совместительству её супруга. Что вдвойне усложняло задачу герцога де Шабера, которому цыганка нагадала, что его паде-

ние в королевскую немилость, будет вызвана взлётом по карьерной лестнице его супруги. И, конечно, герцог де Шабер догадывался о каком взлёте шла речь, и поэтому жёстко контролировал каждый шаг своей внушительной супруги, отчего он даже стал объектом шуток и недоумений, связанных с его ограничивающим всякий доступ к его супруге поведением.

– Герцог де Шабер определённо умом сдвинулся, раз считает, что на его герцогиню кто-то ещё может посмотреть с вождением или позариться. – Плевались в своих высказываниях в спину герцогини и герцога де Шабер, придворные знатоки амуров.

– И не говори. Шагу ей не даёт вступить без своего сопровождения. Тьфу. До чего же всё-таки тошно на это смотреть. – Самоотверженно отплёвывались в ответ мастера церемоний и придворных сплетен.

«Он что, хочет таким хитроумным способом заманить меня в ловушку – в совместные объятия старой герцогини ля Манж и толстой герцогини де Шабер». – У виконта Трофима от всех этих злокачественных для ума представлений без одежных видов герцогинь, не то чтобы только закружилась голова, а вместе с умопомрачением к горлу подступила тошнота, которая определённо начала настаивать именно собою на ответе Генриху. И только вовремя сказанное Генрихом слово спасло его камзол и колготы с туфлями от всех этих жидких накоплений стоящих в горле виконта Трофима, которые стали следствием его слишком большой дальновидности и воображения, рождённого недоразумением или помутнением рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.